

Марьятта Ванхала-Анишевски

Функции пассива
в русском и
финском языках

UNIVERSITY OF JYVÄSKYLÄ

JYVÄSKYLÄ 1992

Марьятта Ванхала-Анишевски

Функции пассива в русском и
финском языках

Esitetään Jyväskylän yliopiston humanistisen tiedekunnan suostumuksella
julkisesti tarkastettavaksi yliopiston vanhassa juhlasalissa (S 212)
marraskuun 7. päivänä 1992 klo 12.

С согласия Гуманитарного факультета
Университета Ювяскюля публичная защита диссертации
на соискание ученой степени доктора философии состоится
7-го ноября 1992 года в 12 часов
в Старом актовом зале Университета S 212.

Марьятта Ванхала-Анишевски

Функции пассива в русском и
финском языках

STUDIA PHILOLOGICA JYVÄSKYLÄENSIA 25

Марьятта Ванхала-Анишевски

Функции пассива в русском и
финском языках

UNIVERSITY OF JYVÄSKYLÄ, JYVÄSKYLÄ 1992

URN:ISBN:978-951-39-8728-2
ISBN 978-951-39-8728-2 (PDF)
ISSN 0585-5462

ISBN 951-680-869-7
ISSN 0585-5462

Copyright © by Marjatta Vanhala-
Aniszewski and University of Jyväskylä

Jyväskylän yliopiston monistuskeskus ja
Sisäsuomi Oy, Jyväskylä 1992

ABSTRACT

Vanhala-Aniszewski, Marjatta
Funkcii passiva v russkom i finskom jazykah
Jyväskylä: University of Jyväskylä, 1992. 273p.
(Studia Philologica Jyväskyläensia,
ISSN 0585-5462;25)
ISBN 951-680-867-7
Functions of the Passive in Russian and Finnish
(Diss.)

The aim of the study is compare the functions of the passive in Russian and Finnish from the theoretical point of view. The analysis is based on a functional view of natural language, regarding language in the first place as an instrument of verbal interaction for communicative purposes.

The thesis argues that the basic and primary pragmatic function of the passive in Russian and Finnish is in defocusing of an agent, on which basis the comparison has been made. Common to both languages is that the identity of an underlying agent in the syntactically agentless passive clause is implied by referring to the agent through the use of oblique cases and by various lexical and pragmatic means. In both languages the means for identifying the agent are very similar, as is the motivation to blur the agent by using the passive. Passives without an overt agent in Russian and passives in Finnish have a very strong functional correspondence when used to thematize an element with an object or locative semantic function, according to his contextual dependence in creating coherence in a text.

The agentive passive in Russian is used mainly in written styles, in particular in scientific and official texts, in which an agent appears to be communicatively less important than an action and which in general are characterized by expressions in which the role of the actor is suppressed.

The Finnish passive has a secondary function, labelled in the thesis the interpersonal function. This is the use of passive forms instead of personal verb forms to avoid personal reference, to defocus the speaker, the hearer or both.

Keywords: passive, function, defocusing of agent, identification of agent, thematic element, text coherence

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению функционирования пассива в русском и финском языках. Оно представляет собой развитие, расширение и углубление темы о сущности пассива, выдвинутой автором касательно русского языка в лицензиатской диссертации.

Автор глубоко признателен профессору Эрkki Пеуранену и своим финским и русским коллегам на кафедре русского языка и коллегам на кафедре финского языка Ювяскюльского университета за ценную помощь во время проведения исследования, а также за консультации по трудным вопросам русского и финского языков. Мы считаем своим долгом выразить искреннюю благодарность своим рецензентам, профессору Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге А.П. Володину и профессору Хельсинкского университета А. Мустайоки за критические замечания, которые по мере возможности были учтены. Автор хочет также сердечно поблагодарить профессора Тамперского университета Х. Томмола за ценные советы и замечания. Свою благодарность автор приносит кандидатам наук Э.А. Столяровой и Л.А. Чижовой как за замечания по содержанию исследования, так и за помощь в доработке текста рукописи.

Наконец, автор хочет поблагодарить за материальную помощь, оказанную фондом Ellen ja Artturi Nyyssösen Säätiö и Университетом Ювяскюля, взявшим на себя также публикацию настоящей книги.

Эту книгу автор посвящает своему мужу и сыновьям, без поддержки которых ее написание не было бы возможным.

Ювяскюля, август 1992 г.

Марьятта Ванхала-Анишевски

СОДЕРЖАНИЕ

0. ВВЕДЕНИЕ	11
0.1 Предмет и цель исследования	11
0.2 Метод исследования	13
0.3 Материал исследования	19
0.4 Структура работы	22
1 ПОДХОДЫ К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПАССИВА	24
1.1 Вступительные замечания	24
1.2 Пассив в трансформационной порождающей модели	26
1.3 Пассив в реляционной грамматике	30
1.4 Пассив в диатезной теории	35
1.5 Функционально-прагматический подход к истолкованию пассива	39
1.5.1 Об исходных принципах функционального подхода	39
1.5.2 Дефокусировка агенса как основная функция пассива ..	45
1.5.3 Функция пассива в тексте	51
1.5.3.1 Об актуальном членении	51
1.5.3.2 Актуальное членение и пассив	54
1.6 Выводы	58
2 ПАССИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	60
2.1 Общие положения	60
2.2 Акциональность vs. статальность	61
2.3 Аспектуальность и пассив	65
2.4 Агентивность	67
2.4.1 Прототипический агенс	70
2.4.2 Непрототипический агенс	72
2.5 Аффектность подлежащего	74
2.6 Пассив и неопределенно-личная конструкция	76
2.7 Выводы	81

3	ПАССИВ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ	82
3.1	Общие положения	82
3.2	Моноперсональность	86
3.3	Отсутствие канонического выражения агенса	88
3.4	Аффектность дополнения	91
3.5	Переходность vs.непереходность глагола	94
3.6	Выводы	96
4	ФУНКЦИИ ПАССИВА В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ	97
4.1	Дефокусировка агенса	97
4.1.1	Неизвестность агенса	103
4.1.2	Обобщенность агенса	107
4.1.2.1	Неопределенно-обобщенный агенс	107
4.1.2.2	Обобщенный агенс-адресат	111
4.1.3	Идентификация агенса в структуре пассивного предложения	116
4.1.3.1	Локатив с агентивным значением	117
4.1.3.1.1	ЛОК _{АГ} - пространство со множеством лиц	120
4.1.3.1.2	ЛОК _{АГ} - место-учреждение с сотрудниками	122
4.1.3.1.3	ЛОК _{АГ} - событие	125
4.1.3.1.4	ЛОК с временным значением	126
4.1.3.1.5	КвазиЛОК _{АГ}	127
4.1.3.1.6	ЛОК-продукт с импликацией автора-агенса	130
4.1.3.1.7	Meillä в финском языке - у нас в русском языке	132
4.1.3.1.8	Неопределенно-личная конструкция с ЛОК _{АГ}	134
4.1.3.1.9	Резюме	136
4.1.3.2	Агентивное наречие	137
4.1.3.3	Идентификация агенса институциональным глаголом	139
4.1.3.4	Прагматическая идентификация агенса	143
4.1.3.5	Passivum modestiae	147
4.1.4	Конкретизация агенса в структуре предложения	150
4.1.4.1	Агенс - посессор объекта в русском языке	150
4.1.4.2	Агенс-автор	154
4.1.4.3	Агенс направленного действия	156
4.1.4.4	Взаимодействующие агенты	156

4.1.5	Идентификация агенса за пределами предложения . . .	156
4.1.5.1	Анафоричность агенса	156
4.1.5.1.1	Эксплицитный анафорический агентс	159
4.1.5.1.2	Анафорический vs. обобщенный агентс	162
4.1.5.2	Катафоричность агенса	164
4.1.5.2.1	Эксплицитный катафорический агентс	164
4.1.5.2.2	Обобщенный vs. катафорический агентс	166
4.1.5.2.3	Катафоричность агенса в заглавиях, объявлениях	167
4.1.6	Дефокусировка агенса в русских пассивных конструкциях с агентивным дополнением	169
4.1.6.1	Отстранение конкретного производителя действия .	169
4.1.6.2	Абстрактная референция агентивного дополнения . . .	173
4.2	Интерперсональная функция финского пассива	176
4.2.1	Дефокусировка "Эго"	178
4.2.2	Дефокусировка адресата	184
4.2.3	Дефокусировка "мы"	188
4.2.4	Дефокусировка "они"	194
4.2.5	Функции частиц 'sitä', 'tässä' при пассиве	197
4.3	Текстовые функции пассива	201
4.3.1	Пассивная конструкция с агентивным дополнением в русском языке	204
4.3.1.1	Функция агентивного дополнения в конечной позиции	204
4.3.1.1.1	Связочное агентивное дополнение	205
4.3.1.1.2	Несвязочное агентивное дополнение	206
4.3.1.2	Функция агентивного дополнения в инициальной позиции	210
4.3.1.2.1	Агентивное дополнение - тема-данное	210
4.3.1.2.2	Агентивное дополнение - тема-новое	213
4.3.1.3	Пассив в русском языке - актив в финском языке	214
4.3.2	Русская пассивная конструкция без агентивного дополнения и финская пассивная конструкция	216
4.3.2.1	Тематический элемент в абсолютном начале	216
4.3.2.1.1	Объект	217
4.3.2.1.2	Локатив	219

4.3.2.2	Тематический элемент в связном тексте	221
4.3.2.2.1	Объект	221
4.3.2.2.2	Локатив	227
4.3.2.2.3	Комплексная тема	232
4.3.2.3	Функция инициального предиката	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		241
LҮНЕНNELMÄ		248
ЛИТЕРАТУРА		253
ИСТОЧНИКИ		268
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		273

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1 Предмет и цель исследования

Пассиву в разных языках посвящено множество исследований. Основное внимание в них обращалось на морфологические, синтаксические и семантические особенности пассивной конструкции по сравнению с активной. При этом очень мало изучалось, почему пассив употребляется, т.е., какие функции пассивная конструкция способна выполнять в каком-либо языке. О важности решения функциональной сущности залоговой оппозиции и особенно коммуникативных условий употребления пассива писал еще Есперсен (Jespersen 1924), подчеркивая, что недостаточно объяснить, как пассив с морфологической точки зрения образован, а следует выяснить, при каких условиях пассив предпочитается активу. В настоящем исследовании предпринимается попытка в сопоставительном плане изучить функции, выполняемые пассивной конструкцией в русском и финском языках. На основе анализа пассивных конструкций определяются условия, в которых пассив имеет сходную функцию, а также случаи, в которых функции пассива расходятся в этих генетически неродственных языках. Следовательно, сопоставление исходит из морфолого-синтаксической категории, называемой в данных языках пассивной. Так как пассивные конструкции в сопоставляемых языках объединяются устранением производителя действия, то особое внимание в исследовании уделяется причинам, застав-

ляющим говорящего прибегать к использованию пассива, устраняющего деятеля. Устранение производителя действия, однако, происходит в финском языке и, в большинстве случаев и в русском языке, лишь на синтаксическом уровне. В семантико-прагматическом плане производитель действия, выраженного пассивной формой глагола, весьма часто идентифицируется на основе контекстуальных импликаций. В силу этого в исследовании большая роль отводится связи пассива с контекстом и с речевой ситуацией, содействующими выяснению мотивов использования пассивной конструкции с устраненным деятелем.

Кроме выяснения контекстуальных и ситуационных причин, влияющих на желание говорящего избежать упоминания деятеля и как следствие этого прибегать к пассиву, мы рассматриваем также факторы, способствующие употреблению пассива в связном тексте. При этом особое внимание уделяется тому, какие коммуникативные задачи способна выполнять пассивная конструкция без канонически выраженного субъекта-агенса как в русском, так и в финском языках, а также пассивная конструкция с выраженным инструментальным агенсом в русском языке. Помимо этого, будет анализироваться вторичная, т. наз. интерперсональная функция финского пассива, отличающая его в функциональном плане от русского пассива.

Так как целью данного исследования является рассмотрение эквивалентности функций, которыми пассивная конструкция в каждом из сопоставляемых языков обладает, основное внимание будет обращать именно на формально пассивные конструкции, а лишь вторично будут рассматриваться другие способы, в частности, неопределенно-личная конструкция в русском языке, которая по своей структуре является активной конструкцией, но выполняет функцию пассива и употребляется нередко в качестве эквивалента финского пассива.

Хотя в центре внимания в настоящем исследовании оказываются функции, ясно, что грамматические категории, требуемые для их выражения на поверхностном уровне, должны учитываться. Однако описание их морфологических дериваций и их сравнение не входит в задачи данного исследования. При рассмотрении семантических признаков пассива, свойственных каждому анализируемому языку в отдельности,

будут в общих чертах проанализированы самые основные параметры, способствующие истолкованию сущности функционирования пассива.

0.2 Метод исследования

В данном исследовании при анализе функционирования пассива в русском и финском языках применяется сопоставительный метод - система приемов и методика анализа, используемая для выявления общего и особенного в сравниваемых языках. Изучение сходств и различий между языками на разных уровнях языковой системы (на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом) является задачей традиционной контрастивной лингвистики¹.

Исследования в области контрастивной лингвистики (далее - КЛ) подразделяются на теоретические и прикладные². Теоретическая задача КЛ - определение сходств и различий между сопоставляемыми языками, создание адекватной модели для сравнения языков, "вскрытие тех признаков сопоставляемых языков, которые остались незамеченными при изучении одного языка, определение системных соответствий и несоответствий между сопоставляемыми языками" (Юсупов 1980:30, см. также Tarvainen 1985:16). Прикладная же контрастивная лингвистика стремится к практическим целям, в частности, к созданию модели для сравнения языков в лингводидактических целях. Особенно в 50-х годах нашего века, когда американские структуралисты начали систематиче-

---

¹ Вместо "контрастивной лингвистики" употребляются и термины "сопоставительная лингвистика" и "конфронтативная лингвистика". Термин "контрастивный" предполагает учет как сходств, так и различий между сравниваемыми явлениями двух или более языков (Zabrocki 1970:33). Первоначально термин "контрастивный" употребляли лишь для сравнения различий между языками (Ярцева 1981:3, Rein 1983:1-3). Однако данное терминологическое разделение не завоевало популярности, и в настоящее время оба термина употребляются в одинаковом значении, причем термин "контрастивный" стал более распространенным, особенно среди "западных" лингвистов (ср. Tarvainen 1985:258, Häkkinen 1987:6). В нашем исследовании термины "контрастивный" и "сопоставительный" синонимичны.

² Среди них Фисьяк (Fisiak 1973:8-9) выделяет еще общие и специфические контрастивные исследования (см. также Rein 1983:6).

ское сравнение языков, от КЛ ожидали конкретных результатов именно для педагогических целей. Как отмечает Никкель, "the role of applied contrastive linguistics must be seen in connection with overall endeavours to rationalize foreign-language teaching" (Nickel 1971:1). Все возложенные на прикладную КЛ ожидания не осуществились³. В последнее десятилетие в области исследований по прикладной КЛ большое внимание уделяется выяснению причин, влияющих на желание говорящего использовать определенное выражение в определенном контексте, а также выяснению того, какие реакции его выбор вызывает в собеседнике. Вследствие этого интерес контрастивистов к т.наз. прагматическим сопоставительным исследованиям заметно возрос за последние годы (Sajavaara 1985:258, см. также Fisiak 1990).

Следует подчеркнуть, что в КЛ граница между теоретическими и прикладными исследованиями не ясна: часто контрастивный анализ проводится в теоретических целях, но вместе с тем его результаты приносят заметную пользу и для обучения неродному языку (Tarvainen 1985:15, Muittari 1987:67, Jackson 1976:4-20). Несмотря на то, что результаты теоретических контрастивных исследований, как отмечает Джеймс (James 1980:141-145), не всегда прямо применяемы на практике, они все же помогают в выяснении проблем интерференции, приносят пользу в планировании учебных курсов, учебников, уроков и т.п. Наше исследование также может считаться теоретическим, но многие его моменты будут представлять большой интерес и с точки зрения практического применения. Особенно это заметно в основных теоретических положениях, принятых в настоящем исследовании. Эти положения следуют в общих чертах принципам прикладной КЛ, предложенным Саяваара (Sajavaara 1985:258), так как в нашей работе предпринимается попытка выяснить те причины, которые влияют на желание говорящего использовать в своей речи пассивную конструкцию.

Одна из проблем, обсуждаемая во многих монографиях и исследованиях по КЛ, заключается в том, что нет подходящей единой модели

---

³ Об истории контрастивной лингвистики, а также о ее сегодняшних целях см. Sajavaara 1980, 1985, Tarvainen 1985, Häkkinen 1987, Fisiak 1990, Krzeszowski 1990.

для проведения сопоставительного анализа⁴. Никкель (Nickel 1971:5) подчеркивает, что контрастивный анализ не зависит от какой-либо специальной грамматической модели, но основа для сравнения должна быть одинакова, т.е. для успешного проведения контрастивного анализа необходимо применение общей теоретической модели к обоим сравниваемым языкам (см. также Krzeszowski 1974:7, Rein 1983:13-14). Саяваара (Sajavaara 1980:208) критикует данный подход, обосновывая свою точку зрения тем, что каждая грамматическая модель создается на основе одного определенного языка: трансформационная порождающая грамматика на основе английского языка, так же как и грамматика падежей, теория валентностей на основе немецкого языка и т.п. Многие лингвисты считают обоснованным комбинирование разных моделей (Filipović 1971:112, см. также Tarvainen 1985, Markkanen 1979, Hakulinen & Karlsson 1988). Например, по утверждению Ярцевой (1986:4-8), при общей методологической базе методы должны варьироваться в зависимости от специфики сопоставляемых уровней языковой системы, но необходимо в деталях изучить в каждом из сопоставляемых языков условия функционирования той модели, которая взята для контрастивного анализа. Эта модель и применяемые методы, как правило, определяются целью и задачами изучаемого языкового явления.

Если исходить из поставленной нами задачи, наиболее релевантным для данного исследования представляется функциональный подход к языковым явлениям (см. раздел 1.5). При функциональном подходе языковые факты рассматриваются с точки зрения той функции и роли, которую они играют в процессе коммуникации. Простая констатация сходств и различий, описание явлений на эмпирическом уровне имеют определенное значение. Они, однако, не объясняют всех связей изучаемой категории, ее места в системе языка, ее удельного веса и функцио-

---

⁴ Кроме традиционного и структурного подходов, многими лингвистами используется и трансформационная порождающая модель (см. Rein 1983, Di Pietro 1971). Грамматика глубинных падежей (см. Fillmore 1968, 1971, 1977), одна из разновидностей трансформационной порождающей теории, и теория валентностей также могут служить моделью сопоставительных исследований (см. Järventausta 1991). Последняя теория предпочитается особенно Джеймсом (James 1980). Единственная модель, созданная специально для сопоставления языков, - это контрастивная генеративная грамматика Кжешовского (Krzeszowski 1974). Однако она считается чересчур теоретической для конкретного сопоставления явлений двух языков (см. Markkanen 1979, Sajavaara 1980).

нального объема в системе синонимических средств выражения. Для этого нужен целостный подход, функциональный подход, способный к определению изучаемого языкового явления в более широком плане. Матезиус справедливо отмечает, что для успешного использования методов аналитического сравнения "необходимо анализировать отдельные языки лишь с функциональной точки зрения, потому что только этот способ позволяет провести точное сравнение различных языков" (Матезиус 1967а: 226). Поскольку системы разных языков созданы главным образом для общения, мы должны отдать должное прагматическим факторам, учитывающим коммуникативные потребности говорящего, а также его предположения о знании адресатом ситуации. В нашем исследовании прагматические факторы играют важную роль в определении функций пассива, так как за исходный пункт берется функциональный подход.

Одной из основных предпосылок для применения контрастивного анализа является сравнимость (см. о других принципах, не подлежащих обсуждению в нашем исследовании, Юсупов 1988:8-11). Чтобы языковые элементы были сравнимы, они должны иметь какой-либо общий базис для сравнения, общий знаменатель, *tertium comparationis* (t.c.). Он зависит от избираемого подхода и от уровня сравнения, и с ним тесно связано понятие эквивалентности. Согласно Джеймсу (James 1980:169), кандидатами в t.c. могут быть поверхностная структура, т.е. формальная эквивалентность, глубинная структура, т.е. семантическая эквивалентность и переводная эквивалентность. Проблема эквивалентности занимает в КЛ видное место. Кжешовски (Krzyszowski 1984:305-310, см. также Krzyszowski 1971, 1974) перечисляет семь разных видов эквивалентности, из которых в литературе очень широко обсуждались именно формальная и семантическая эквивалентность. Он приходит к выводу, что формальная эквивалентность не дает ни теоретической, ни практической пользы, а любой подход к контрастивным исследованиям должен основываться на значении. Это особенно, на наш взгляд, касается генетически неродственных языков, в частности финского и русского языков, для которых сопоставление поверхностных структур малопродуктивно.

Под семантической эквивалентностью подразумевается идентичность значения предложений на глубинном уровне ("identical input structure"),

несмотря на то, что поверхностные структуры различаются (Krzyszowski 1971:37-38). Трудность в применении данной трактовки семантической эквивалентности, разработанной Кжешовским в рамках контрастивной генеративной грамматики, заключается в том, что неясно, до какой семантической глубины надо пойти, чтобы обнаружить общую эквивалентную базу для сопоставляемых структур. Позднее Кжешовски (Krzyszowski 1984, 1990) пришел к выводу, что, хотя эквивалентность непосредственно связана со значением сопоставляемых конструкций, необходимо также отдавать себе отчет в их формах. Эта семантико-синтаксическая эквивалентность, однако, тоже основывается на идентичной семантической структуре на глубинном уровне.

В некоторых случаях семантическая эквивалентность определяется как переводная эквивалентность (см. Jackson 1976, Muittari 1987). По этому истолкованию, два предложения эквивалентны, если они в определенном контексте или ситуации являются или могут быть переводами друг друга. По истолкованию Джеймса (James 1980:175-178), для адекватного перевода нужна семантическая и прагматическая эквивалентность. Он отмечает, что идентичность глубинной структуры не гарантирует адекватности переводного эквивалента, так как глубинная структура имеет дело с пропозициональным значением, которое присуще лишь отдельным предложениям, а значение эквивалента должно представлять собой значение в контексте. В силу этого следует исходить из двух уровней перевода - из семантического и прагматического. Джеймс (James 1980:175-178) приходит к выводу, что семантико-прагматический переводный эквивалент представляет собой самый лучший т.с. для сопоставительного анализа. Кжешовски не соглашается с тем, что семантическая эквивалентность - синоним переводного эквивалента; наоборот, по его мнению, переводные эквиваленты часто семантически неэквивалентны. Он подчеркивает, что "*.. the distinction between equivalent sentences and sentences which are translations must be made. The term equivalent sentences, referring to sentences which have identical input structure, is not synonymous with the term translations in the actual translation practise.*" (Krzyszowski 1974:15, см. также Krzyszowski 1984, 1990, Fisiak 1990). Несмотря на то, что переводный эквивалент редко может служить единственным т.с. для контрастивного исследования, перевод, базирующийся на семантическом и прагматическом сходстве, может, однако, быть

использован как дополнительный или имплицитный способ выяснения сходств и различий сопоставляемых языков.

Как видно из изложенного, проблема связи формы и значения приобретает особое значение для контрастивного анализа. Если изучение ведется в направлении "от значения к форме", как это в последнее время делается все чаще в сопоставительных исследованиях, то за исходное берется какая-либо понятийная категория, реализации которой анализируются в сопоставляемых языках. В подходе "от формы к значению" за исходное берется, например, грамматическая категория, синтаксическая конструкция и т.п., и устанавливается диапазон выражаемых ею значений. Это направление описания позволяет определить спектр и дистрибуцию функциональных значений, установить в сопоставляемых языках функциональные эквиваленты. Между названными подходами можно найти и компромиссный подход, при котором структуры в двух сравниваемых языках возводятся к общей "глубинной" основе в целях показа их семантического сходства (ср. Ярцева 1986:5-7, Tarvainen 1985). Этот подход характеризует и наше исследование с тем различием, что в нем основу образует функциональное соответствие в целях показа условий употребления сопоставляемых структур, т.е. пассивной конструкции в русском и финском языках. Это значит, что анализ сводится к отношениям "языковое средство - функция". Сопоставление языковых явлений с функциональной точки зрения приводит к понятию функциональной эквивалентности, пока мало обсуждавшемуся в лингвистической литературе (см. Mustajoki 1992:141-142)⁵. По мнению Ярцевой, функциональная эквивалентность, а не формальная, выступает на первый план, "когда на первый взгляд сходные по значению единицы лексического или грамматического уровней сравниваемых языков расходятся в употреблении, так как входят в значимые микросистемы, специфические для каждого языка" (Ярцева 1986:6). В настоящем исследовании под функциональной эквивалентностью понимается соответствие грамматической единицы двух языков на се-

---

⁵ Кжешовски (Krzyszowski 1984:303), перечисляя различные типы эквивалентности, приводит и подтип прагматической, т.е. функциональной эквивалентности, способной служить общим знаменателем, в частности, в анализе структуры дискурса, стилистических свойств текста.

мантического и прагматического уровнях. Это означает, что сравниваемый языковой элемент должен удовлетворять одинаковым коммуникативным потребностям в этих двух языках.

Несмотря на то, что исходной точкой нашего анализа является морфолого-синтаксическая категория, называемая пассивной конструкцией, она как таковая не считается т.с., а общий знаменатель составляет функция, выполняемая данной конструкцией в сопоставляемых языках. Этой функцией является **дефокусировка агенса**, считающаяся нами основной прагматической функцией пассива как в русском, так и в финском языках. В ходе анализа изучаются и сопоставляются условия и мотивы дефокусировки агенса в пассивных конструкциях сравниваемых нами языков.

Как известно, в задачи КЛ не входит описание анализируемой структуры сопоставляемых языков, его должна провести дескриптивная грамматика каждого отдельного языка. Мы, однако, приводим основные черты пассива финского и русского языков, сосредоточиваясь при этом в первую очередь на семантико-синтаксической характеристике сопоставляемых конструкций. Наше исследование является билатеральным, бидирекциональным, т.е. оба сопоставляемых языка описываются в одинаковой степени⁶.

0.3 Материал исследования

Для проведения сопоставительных исследований очень важен подбор сравниваемого языкового материала. Исследователь должен решить, придерживаться ли ему корпуса, созданного на основе подбора примеров из существующих письменных источников (художественной литературы, газет и т.д.) или создавать собственные примеры на основе своей интуиции и, к тому же, при надобности использовать примеры, собран-

---

⁶ См. об унилатеральности и билатеральности контрастивного анализа Tarvainen (1985), Sajavaara (1980), Ivir (1983). О двусторонности сравнения, т.е. о бинарном сопоставлении, пишет, в частности, и Юсупов (1980).

ные из грамматик, лингвистических исследований по данному вопросу и под. Филипович (Filipović 1984:111-113) предпочитает контрастивные исследования, основанные на собранных примерах. Широкий представительный корпус дает, по его мнению, точную информацию о дистрибуции и частотности языковых явлений. Подобные корпуса используются в первую очередь в сравнении переводов. Корпус как основа лингвистического анализа предпочитается также большинством русских лингвистов⁷.

Альтернативой использования корпуса, составленного с помощью картотеки, является создание "собственного" материала на основе интуиции. Использование интуиции как одного из способов составления корпуса исследования принято лингвистами с появлением трансформационного синтаксиса. Предполагается, что лингвист, проводящий исследование, настолько владеет анализируемым им языком и его правилами, что ему не обязательно в каждом случае прибегать к помощи информанта. В так называемых "очевидных" случаях методически вполне приемлемо, если лингвист для подтверждения правильности фразы использует свою интроспекцию (Hakulinen & Karlsson 1988:19-21, 24-25). По мнению Итконена (Itkonen 1983:11), использование интуиции вместо корпуса оправдало себя. Даже переход анализа от уровня предложения к уровню текста не обязательно обозначает, что нужно прибегать к помощи корпуса, основанного на картотеке. Муйттари (Muittari 1987:74) обосновывает преимущества интуиции тем, что часто на основе письменной речи, текста, трудно вывести итоги такого употребления языковых явлений, которое исследователем интуитивно считается частотным. К тому же, при создании своих примеров, исследователь может кратко истолковать прагматические и контекстуальные условия, являющиеся релевантными для правильного понимания рассматриваемого языкового явления.

Часто в сопоставительных исследованиях авторы (см. Markkanen 1979, Томмола 1986, Muittari 1987, Mäkilä 1988) прибегают к комбинированно-

---

⁷ Мустайоки (1988:180) употребляет термин "картотекоцентричный", говоря о подходе большинства советских лингвистов к вопросу составления корпуса, а термин "исследователецентричный" - о западном подходе, отдающем должное и интуиции исследователя.

му, смешанному составлению языкового материала, т.е. они создают собственные примеры, дополняя их примерами из грамматик, работ других лингвистов, а также примерами, собранными из произведений художественной литературы, газет, журналов и под. (ср. "интуитивно-фактологический" метод подбора материала у Mustajoki 1992:145). В таком подборе материала учитываются как можно более широкие области употребления языка.

Мы в своем исследовании также исходим из комбинированного составления языкового материала, основу которого составляют два отдельных самостоятельных корпуса: один состоит из примеров финского языка и другой - из примеров русского языка (см. Список источников). Эти корпуса составлены из оригинальных текстов или их частей. Большинство примеров взято из первичных источников, т.е. из произведений художественной литературы, научной и научно-популярной литературы, газет и журналов. Небольшую часть примеров представляют собой записи разговорной речи: русские примеры взяты из книги "Русская разговорная речь. Тексты." (1978), а источником примеров финской разговорной речи служил корпус средне-финляндской разговорной речи, составленный на кафедре финского языка Ювяскюльского университета в 1977-78 годах. Небольшая часть примеров подобрана из вторичных источников, т.е. из лингвистических исследований, грамматик. Данный языковой материал исследования был пополнен нашими собственными примерами для включения в анализ тех случаев, которые интуитивно нам показались существенными, но которые в надлежащем материале были представлены слабо. За переводы примеров и цитат отвечает сам автор. Следует еще отметить, что, так как нашей целью является не сравнение оригинального примера и его перевода, а сопоставление параллельных оригинальных примеров, наши переводы примеров представляют собой не дословный перевод, а функционально-семантическое соответствие в другом языке в данном случае. Это, само собой разумеется, не исключает соблюдения при переводе и как можно более широкого морфолого-синтаксического соответствия.

Преимущество принципа использования двух самостоятельных корпусов заключается в том, что это дает возможность изучать "настоящий", существующий язык, а не язык сквозь призму перевода. Трудность с точки зрения нашего исследования представляет тот факт, что

для понимания сущности функционирования пассива мы должны учитывать в более широком плане контекст, чем это обязательно при рассмотрении явлений, касающихся только уровня предложения или еще более мелких единиц. Однако не всегда из-за ограничения объема работы можно представить в напечатанном виде весь нужный для полного истолкования контекст, и поэтому мы часто вынуждены в сокращенном виде объяснять те контекстуальные импликации, которые представляют интерес для понимания функционирования пассивной конструкции в данном окружении.

0.4 Структура работы

Согласно поставленной цели наша работа строится следующим образом. Во введении обосновываются цель и задачи исследования, обсуждаются с точки зрения нашего анализа основные теоретические положения сопоставительного метода. В ней также объясняется принцип подбора языкового материала, составляющего основу для проведения сопоставления. В первой главе излагаются в общих чертах различные подходы к универсальному определению пассива: обсуждаются как преимущества, так и недостатки определения сущности пассива в трансформационной генеративной теории, в реляционной грамматике, а также в диатезной теории. Помимо краткого рассмотрения основных принципов функционального подхода к языковым явлениям, образующего в данном исследовании общий базис для определения сущности пассива, особое внимание в данной главе обращается на обоснование функциональной задачи пассивной конструкции, т.е. излагаются теоретические положения, подтверждающие дефокусировку агенса как основную функцию пассива в этих двух языках.

В следующих двух главах характеризуются основные свойства пассива как в русском языке (глава 2), так и в финском языке (глава 3). В четвертой главе устанавливаются наиболее общие закономерности функционирования пассива в русском и в финском языках. Устанавливается одинаковая для сравниваемых языков функция пассива, заключающаяся в дефокусировке агенса по различным причинам. Кроме

того, внимание уделяется и тем задачам пассива, которые свойственны лишь одному из сопоставляемых языков, как, например, интерперсональная функция финского пассива и функция пассивной конструкции с агентивным дополнением в русском языке. Также рассматриваются функции, которые пассив, дефокусируя агенс, способен выполнять в связном тексте в соответствии с коммуникативными целями сообщения. В заключении излагаются основные результаты исследования.

1 ПОДХОДЫ К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПАССИВА

1.1 Вступительные замечания

В лингвистических исследованиях понятие "пассив" трактуется весьма различно. В некоторых случаях пассив определяется чисто морфологически, т.е. учитывается лишь, какие формальные средства используются для образования пассивных конструкций (далее - ПК). В них внимание в основном обращается на морфологическую маркировку предиката. Как отмечает Кинэн, данный морфологический признак является, как правило, дистинктивным: то, что в ПК в первую очередь бросается в глаза, локализуется именно в предикате (Keenan 1985:245). Для универсального определения пассива учет одной морфологической стороны, разумеется, недостаточен. Исследовав морфологическую структуру ПК в генетически неродственных языках, Андерсен (Andersen 1989, 1990) пришел к выводу, по которому в большинстве языков мира на основе чисто морфологических показателей нельзя выделить собственно пассивные конструкции среди других. Морфемы, используемые для образования пассива, не составляют никакой единой группы. Далее он (Andersen 1989:199) продолжает, что не существует ни одного универсального морфологического признака, общего для ПК разных языков.

Помимо морфологической характеристики в традиционных определениях пассива учитывается и синтаксическая сторона. Эти трактовки исходят из грамматической категории залога, заключающейся в оппозиции "актив/пассив" (ср. Бондарко 1976: 223). Именно этим подходом, т.е. подчеркивая морфологически маркированное синтаксическое преобразование активной конструкции (далее - АК) в пассивную, ограничиваются учебники и грамматики при толковании пассива. Традиционный подход к определению пассива считает, в частности, Ягли (Jaeggly 1986:587) единственно оправданным, поскольку, по его убеждению, ПК представляют собой лишь результат определенных морфологических и синтаксических операций. К подобному выводу приходит и Северска, сравнивая пассив в разных языках не только с морфологической и синтаксической, но и с семантической и прагматической сторон. Согласно ее мнению, ПК любого языка должны быть определены, во-первых, на основе их отношения к активу, к тому, как коррелирует подлежащее пассивного трансформанта с не-подлежащим элементом соответствующей АК, и во-вторых, как соотносится в поверхностной структуре ПК выраженный либо имплицитный агенс-субъект с подлежащим-субъектом АК. В итоге Северска (Siewierska 1984:75, 259) отмечает, что конструкции, называемые в различных языках пассивными, имеют очень мало общего как в морфологическом, так и в семантическом и прагматическом отношениях.

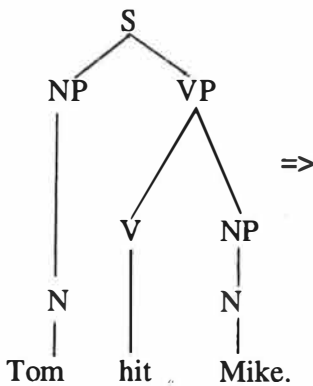
Тем не менее в некоторых лингвистических исследованиях предпринимаются попытки к универсальному определению пассива. В дальнейшем будут кратко охарактеризованы самые основные из них: в первой трактовке определение пассива основывается на формальном преобразовании активной конструкции в пассивную (трансформационный подход), во второй - на синтаксических операциях вытеснения подлежащего и продвижения дополнения (реляционная грамматика), в третьем подходе, в диатезной теории, делается попытка в большей мере учесть и семантическую сторону при определении пассива. Четвертый подход к универсальному определению пассива учитывает функционально-прагматическую сторону данной категории и поэтому представляется наиболее приемлемым для целей нашего исследования, для сравнения функций пассива в финском и русском языках.

1.2 Пассив в трансформационной порождающей модели

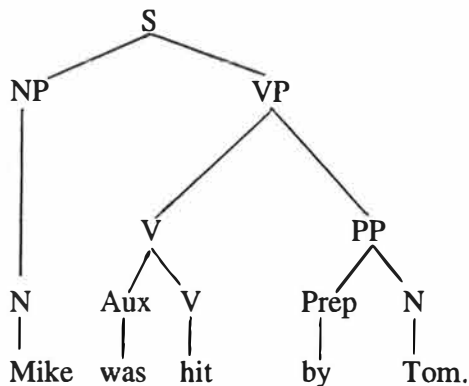
Если традиционная грамматика косвенно говорит о соотношении активной и пассивной конструкции, преобразовывая ПК на основе АК и обращая внимание лишь на морфологические и синтаксические маркеры, то в трансформационной порождающей грамматике (далее - ТГ) деривация проводится эксплицитно. Соотношение активной и пассивной конструкций эксплицируется путем образования ПК из общей глубинной структуры АК. Пассивизация производится с помощью трансформационных правил, составляющих часть синтаксического компонента. В первоначальной версии данной теории главная роль в описании языковых явлений отводится синтаксическим структурам и трансформациям. Например, пассивная трансформация предложения (1) происходит следующим образом (Huddleston 1976:51):

(1) Mike was hit by Tom.

глубинная структура

поверхностная структура

В первых концепциях ТГ на семантическую сторону какой-либо синтаксической конструкции не обращалось должного внимания. Семантический компонент был учтен во втором варианте ТГ, в стандартной теории (см. Katz & Fodor 1963), но и в ней ему отводится лишь интерпретирующий характер, так что он играет в толковании языковых явлений второстепенную роль по сравнению с синтаксическим компонентом: базовый субкомпонент порождает синтаксические глубинные структуры, которым лишь впоследствии семантический компонент

придает семантическую интерпретацию. По определению ТГ, пассивная трансформация не меняет семантического содержания ПК в отношении к АК (Huddleston 1976:52-53).

Утверждения ТГ о синонимичности АК и ее пассивного трансформанта вызывают, однако, острую критику лингвистов⁸. Адамец пишет, что данные конструкции "имеют одинаковое денотативное значение, но разное сигнификативное значение" (Адамец 1973: 99). По мнению Штейн, на уровне бесконтекстуально рассматриваемого предложения собственно ПК с выраженным агенсом и соответствующая АК могут быть синонимичны, но не на уровне сверхфразового единства. Далее она продолжает, что, например, в английском языке 80 - 85% пассивных предложений не имеют поверхностного выражения агенса-субъекта, и в большинстве случаев его никак нельзя восстановить. Вследствие этого, невозможно установить для них и соответствующую АК, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии связи между глубинными

---

⁸ Против однозначности активной и пассивной структуры выступает, в частности, Зифф, приводя примеры с кванторными словами, местоимениями, отрицанием и модальными глаголами для доказательства различия в значении данных конструкций, например:

- (i) His wife likes no married man.
- (ii) No married man is liked by his wife.

Предложение (ii) является неоднозначным, оно допускает двойное истолкование: кореференциальное и некореференциальное. Первому предложению можно приписать лишь одно истолкование, некореференциальное (Зифф 1970:66-69). Также Бидэм выступает против синонимичности активной конструкции и ее пассивного трансформанта, обосновывая свою точку зрения тем, что в активе выражается лишь действие, а в пассиве как действие, так и состояние как результат предшествующего действия (Beedham 1982:46). Противоположную точку зрения представляют Катц и Мартин, полемизируя и отвергая аргументацию Зиффа. Они пишут, что "предложения с одинаковыми глубинными маркерами составляющих или же сами глубинные маркеры составляющих, совпадающие по всему, за исключением элементов, не несущих значения, в грамматике называются (или предполагаются) синонимичными." (Катц и Мартин 1970:77). По их истолкованию, в примерах (i) и (ii) неоднозначность синтаксическая, а не семантическая (там же: 80). Несинонимичность активной и пассивной конструкций заметна и в следующих предложениях с модальным глаголом:

- (iii) John cannot do it.
- (iv) It cannot be done (by John).

В первом (iii) предложении выражается неумение Джона сделать что-либо, а во втором (iv) - невозможность.

структурами активной и пассивной конструкций (Stein 1979:35-37). Мы исходим из того, что ПК с агентивным дополнением (далее - АД; см. подробнее 2.4) в русском языке синонимична соответствующей активной лишь на семантическом уровне, но не на функциональном уровне: несмотря на то, что обе конструкции описывают одну и ту же ситуацию, они по-разному используются в контексте в зависимости от коммуникативных целей говорящего. Ниже будет доказано, что имеется весьма ограниченное число случаев, в которых без нарушения целостности изложения вместо ПК с канонически выраженным агентом допустимо использование соответствующей АК.

Пассивная трансформация способна формально описать деривацию ПК с АД. Особенно хорошо пассивная трансформация подходит к английскому языку, на котором ТГ и базируется, но она также применима и к другим индоевропейским языкам, в которых встречаются ПК с АД. Сравним примеры из шведского и русского языков:

(2) Nils slog Åke. =>
Åke slogs av Nils.

(3) Хомский основал эту теорию. =>
Эта теория основана Хомским.

Как в английском, так и в шведском и русском языках пассивная трансформация способна истолковать лишь небольшую часть существующих ПК. Большинство из них, однако, не могут быть описаны в рамках ТГ. Непригодность данной теории к универсальному определению сущности пассива обнаруживается в том, что она неспособна истолковать ПК финского языка, не имеющую соответствующей АК. Рассмотрим примеры:

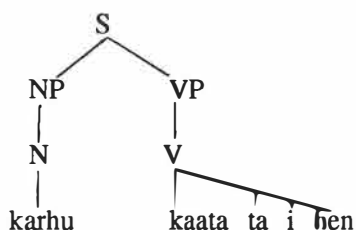
- (4) Karhu kaadettiin⁹.
медведь-Акк/Ном убить-ПасПрет
'Медведь был убит.'
- (5) Illalla tanssittiin.
вечером танцевать-ПасПрет
'Вечером танцевали.'

Следует, однако, отметить, что и финский язык располагает трансформацией, похожей на пассивную и соотносящей следующие предложения:

- (6) Aleksis Kivi kirjoitti tämän näytelmän.
'Алексис Киви написал эту пьесу.'
- (7) Tämä näytelmä on Aleksis Kiven kirjoittama.
эта пьеса есть Алексис Киви-Ген написать-АгПрич
'Эта пьеса написана Алексисом Киви.'

Предложение (7) с т. наз. "агентивным причастием" представляет собой, однако, в формальном плане АК, в которой причастная форма является предикативом, а не предикатом, как, в частности, в русском примере (3). Конструкции, подобные примеру (7), соответствуют с определенными ограничениями пассивным предложениям с АД индоевропейских

⁹ Вик (Wiik 1973:4) приводит интересную деривацию предложения (4) с помощью трансформационных правил, подъемов и добавлений и представляет следующее дерево непосредственно составляющих:

В данной схеме -ta- представляет неопределенное местоимение (кто-то), которое впоследствии превратилось в суффикс: -i- является показателем простого прошедшего времени глагола и -hen- представляет собой первоначально подлежащее (т.е. -hen- было местоимением), позднее преобразованное в личный суффикс (Wiik 1973). На наш взгляд, данная деривация из-за своей многоступенчатости не сравнима с пассивной трансформацией, представленной ТГ.

языков, но сфера их употребления более узка, поскольку с помощью этой предикативной формы обозначается лишь свойство, состояние, а не активное действие. Кроме того, данное причастие не употребляется без агентивного компонента, который выражается родительным падежом существительного либо притяжательной местоименной клитикой. Чаще всего конструкция с агентивным причастием выступает в качестве определения (см. Siro 1977: 35-39): Tämä Aleksis Kiven kirjoittama näytelmä on mielenkiintoinen ('Эта пьеса, написанная Алексисом Киви, интерес-на'). Так как мы в данном исследовании исходим из определения пассива, заключающегося в его формальной маркированности в глаголе, приведенная конструкция, представляющая собой по своей структуре активное вставное предложение, будет представлять интерес лишь в тех немногочисленных случаях, когда она служит эквивалентом русского пассива.

Подводя итоги, можно отметить, что концепция ТГ уместна для формального описания деривации ПК с синтаксически выраженным агенсом в индоевропейских языках. Однако они составляют лишь меньшую часть ПК и в этих языках, оставляя вне анализа, например, ПК без АД. С точки зрения финского языка вопрос более сложный: ТГ способна истолковать лишь такие конструкции, которые не считаются "настоящими" пассивными конструкциями с пассивной формой предиката. Для нашего исследования данная теория представляет небольшой интерес, так как она не обращает внимания на функциональную сторону пассива.

1.3 Пассив в реляционной грамматике

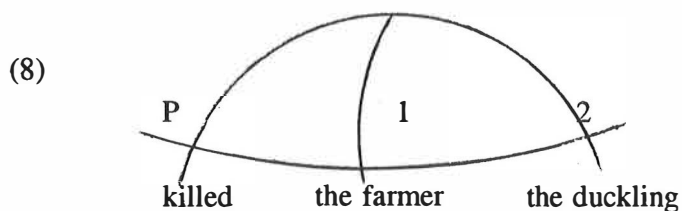
Универсальное решение сущности пассива пытается дать и реляционная грамматика (далее РГ; Keenan 1975, Comrie 1977, Perlmutter & Postal 1977, Perlmutter 1980). Перлмуттер и Постал (Perlmutter & Postal 1977) критикуют подход ТГ к описанию пассива, считая его слишком формальным и основанным в первую очередь на деривации ПК английского языка. В РГ главная роль отводится синтаксису и синтаксическим отношениям, реляциям и их преобразованиям. Отношения "подлежа-

щее", "прямое дополнение" и "косвенное дополнение" играют центральную роль, поскольку с их помощью возможно адекватно описать структуру предложения и порядок его компонентов на разных уровнях. Данные компоненты предложения составляют реляционную иерархию ($S < DO < IO < OO$), в которой субъект (S), т.е. подлежащее, занимает самое высокое место в ранге, за ним следуют прямое дополнение (DO), не прямое дополнение (IO) и косвенное дополнение (OO). В анализе синтаксической структуры пассивного предложения эти отношения играют существенную роль: продвижение дополнения в позицию подлежащего возможно из-за понижения ранга подлежащего.

Пассивизация в терминах РГ складывается из двух правил: (1) прямое дополнение АК приобретает статус подлежащего в ПК, и этот перенос называется повышением, промоцией дополнения¹⁰; (2) подлежащее активного предложения перестает в пассиве иметь какие-либо грамматические отношения к сказуемому; происходит вытеснение, демоция (или опущение, деления) подлежащего. Оно вытесняется со своей позиции и становится шомёром, например:

- (8) **The man killed the duckling.**
 (9) **The duckling was killed by the man.**

Эти предложения изображаются в РГ графически следующим образом (Perlmutter 1980:222-223; Perlmutter & Postal 1977:408):

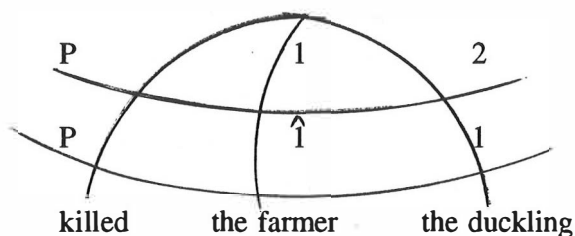

¹⁰ В русском языке на позицию подлежащего в пассиве переводится прямое дополнение. Лишь с некоторыми глаголами возможно и повышение непрямого дополнения, например:

(i) Директор управляет заводом. => Завод управляется директором.
 В английском языке такого ограничения нет.

(9)

Предложения изображаются в виде реляционной сети, компоненты которой называются дугами. Линии, пересекающие дуги, обозначают разные слои, используемые для формализации понятия лингвистического уровня. Реляционные пометы 1, 2 и P обозначают грамматические отношения "подлежащее", "дополнение" и "сказуемое". После применения правил пассивизации именная группа, выступающая в позиции "2" на первом уровне, преобразуется в подлежащее "1" на втором уровне, т.е. на уровне пассивной конструкции. Первоначальный "1" становится "шомёром", " $\hat{1}$ ". По утверждению Перлмуттера и Посталя (Perlmutter & Postal 1977:407), подобные изменения в грамматических отношениях составляют универсальные критерии пассива в любом языке. Ведущим правилом ими считается первое, из которого по аналогии следует второе.

Определение пассива, приведенное в РГ, вызвало острую критику лингвистов, пытавшихся применить его к разным языкам. Кинэн (Keenan 1975:347, см. также Comrie 1977, Leinonen & Östman 1983, Siewierska 1988) подчеркивает, что пассивизация - это в основном процесс вытеснения агенса с позиции подлежащего, а повышение дополнения - вторично. Во многих языках существуют ПК, допускающие лишь демоцию, не сопровождающуюся промоцией. Например, в русском языке, кроме канонической ПК с демоцией и промоцией, встречаются в северных диалектах конструкции с одной лишь демоцией (Timberlake 1976:550):

(10) У меня было теленка зарезано.

В данном предложении дополнение "теленка" не продвинуто в позицию подлежащего. С Кинэном соглашается и Комри (Comrie 1977:48),

отмечая, что демоция подлежащего не связана с промоцией дополнения. Он исходит из понятия "спонтанная демоция", приводя примеры из разных языков, например, из польского (11), немецкого (12) и латинского (13) языков:

- (11) Wykonano pracę.
 (12) Dem Schüler wurde geholfen.
 (13) Curritur.

В примерах (11) и (12) дополнение не подвергалось повышению, хотя подлежащее опущено. Подобная "спонтанная демоция", не сопровождающаяся промоцией, происходит, по истолкованию Комри (Comrie 1977:49-50), также и в финском языке (см. также Hakulinen & Karlsson 1988:255), например¹¹:

- (14) Hänet jätettiin kotiin (*äidi - ltä - nsä)
 он-Акк оставить-ПасПрет дом-Илл (своя мать-Абл)
 'Мама оставила его дома.'

---

¹¹ Эстман (Östman 1981), анализируя финский пассив в рамках РГ, приходит к выводу, что конструкция, традиционно именуемая безличным пассивом (см. пример 14), не выполняет условий ни промоции, ни демоции и поэтому не представляет собой пассив в смысле пассива в индоевропейских языках. Интерес с точки зрения РГ представляет конструкция с агентивным причастием, рассмотренная уже в связи с ТГ-теорией (см. Östman 1981:286, Siro 1977:35-39). Сравним следующие предложения:

- (i) Pojat rakastivat tyttöjä.
 1: парни-Ном Р: любили 2: девушки-Парт
 'Парни любили девушек.'
 (ii) Tytöt olivat poikien rakastamia.
 1: девушки-Ном Р: были 1̂: парни-Ген Р:АгПрич
 'Девушки были любимы парнями.'

Дополнение предложения (i) продвигается в позицию подлежащего (ii), а подлежащее вытесняется со своей позиции. Подлежащее предложения (i) оказывается шомёром в (ii), выраженным генитивом, но вместе с тем этот шомёр, в отличие от пассивных конструкций большей части других языков, является структурно обязательным. Однако, как мы отметили в предыдущей главе в связи с пассивной трансформацией, этот, по мнению Сиро (Siro 1977:35, 37), "длинный пассив" по своему функциональному назначению лишь частично соотносим с пассивными конструкциями, характеризующимися пассивной предикацией и рассматриваемыми в данном исследовании.

На наш взгляд, в финском языке происходит демощия в семантическом плане, не в синтаксическом, как в РГ предполагается, так как агентивная именная группа не включается в поверхностную структуру пассива. Из этого следует, что подход РГ неприменим в истолкованию финского пассива.

Формальный подход РГ к определению пассива критикует, в частности, Гивон (Givón 1979:19-21). Он недоволен тем, что и в этом подходе, как в ТГ-теории, остается без внимания самый главный факт, т.е. функционирование пассива. По его мнению, назначение пассива в первую очередь заключается не в синтаксических операциях как таковых, а в том, какой компонент и по какой причине тематизируется: "Passivization is the process by which a nonagent is promoted into the role of main topic of the sentence. And to the extent that the language possesses coding properties which identify main topics as subjects and distinguishes them from topics, then this promotion may also involve subjectivalization." (Givón 1979:186). Этот принцип применим к пассивным конструкциям русского языка и к большинству пассивных предложений финского языка (вне остаются пассивные предложения с непереходным глаголом, состоящие лишь из предиката), в которых в позицию темы переносится какая-либо из послеглагольных именных групп.

В целом трактовка РГ, ограничивающаяся в своем определении пассива лишь формальным синтаксическим уровнем и не обсуждающая вопрос о том, как соотносить синтаксическую форму со значением, т.е. с семантикой и прагматикой, мало способствует стремлению к более целостному подходу к языковым явлениям, к выяснению возможной общей функциональной основы, в частности, в использовании пассива в генетически неродственных языках.

1.4 Пассив в диатезной теории

В истории русской лингвистики категория залога трактуется противоречиво. Имеется целый ряд исследований, в которых в понятие залога вкладывается крайне разнообразное лексико-грамматическое содержание этой категории с малым учетом семантики¹².

Исаченко считает залог чисто грамматической категорией, которая "существует и проявляется в системе формально выраженных противопоставлений (оппозиций)" (Исаченко 1960:354-355). Вследствие этого он исключает из определения пассива такие "неграмматические" понятия, как "производитель действия" и "реальный объект (цель) действия". Несмотря на то, что Исаченко признает только синтаксический и морфологический уровни залога, он вводит в его определение семантическое понятие "направленность глагольного действия на субъект предложения" и далее продолжает: "эта направленность глагольного действия на субъект и является общим семантическим признаком, характеризующим пассив" (Исаченко 1960:355). Подход Исаченко нам представляется спорным, так как в нем синтаксические и семантические понятия перемешиваются.

Понятие о семантическом содержании залога вводится более широко в Русской грамматике (далее - РГ, 1980). Наряду с семантическим компонентом, включающим понятия семантического субъекта и объекта, а также действия, подчеркивается и морфологическая сторона залога: "Залог - это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом" (РГ 1980 I:613). При этом приводятся такие понятия, как "глагольный признак"

---

¹² О числе залогов (залог - дословный перевод греческого слова *diáthesis*) не существует единого мнения среди лингвистов. Например, Ломоносов выделял шесть, Некрасов и Даль шестнадцать залогов. В рамках нашего исследования мы не будем более подробно касаться этой дискуссии, а отметим, что нами принимаются трактовки Русской грамматики (1980) и Исаченко (1960) о двух залогах, т.е. о действительном и страдательном залогах.

и его "носитель", выраженный подлежащим. Различие между активом и пассивом заключается в разной направленности этого глагольного признака по отношению к его носителю: в активе функцию носителя глагольного признака выполняет семантический субъект, а в пассиве - семантический объект (там же)¹³.

Иной подход к выяснению сути залога и "залогового значения" принимается в диатезной теории. Решением вопроса о залоге и его содержании заинтересовалась ленинградская структурно-типологическая школа уже в конце 60-х годов. В данной теории на морфологическое выражение залоговых преобразований обращается меньше внимания, чем на семантическое содержание и синтаксическую структуру. Основоположниками этого направления считаются А.А. Холодович (1970) и В.С. Храковский (1970). Они исходят из принципа "от смысла к форме". Рассмотрение предложения начинается с ситуации, выраженной глаголом. Участниками, партиципантами, этой ситуации являются в первую очередь субъект, объект и адресат. От уровня смысла анализ переходит к уровню, на котором данные понятия обозначаются членами предложения: подлежащим, прямым дополнением, косвенным дополнением. Это означает, что анализ происходит на двух уровнях: семантическом и синтаксическом, считающимися универсальными. Далее, соответствие между этими двумя уровнями образует диатезу: "Диатеза - это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня" (Холодович 1970:13). Выделяются исходные и производные диатезы, обозначающие одну и ту же денотативную ситуацию и связанные между собой деривационными отношениями. Исходная диатеза - это конструкция, в которой подлежащее обозначает субъект, прямое дополнение - объект, косвенное дополнение - адресат, инструмент и т.п. В производной диатезе данное соответствие

¹³ Подобным образом подходит и Бондарко к определению сути залоговой оппозиции, приводя следующее определение: "залог - это грамматическая категория, образуемая (поскольку речь идет о глаголе) оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией одного и того же понятийного соотношения Sb - понятие действия - Ob" (Бондарко 1978:45). Он соотносит эти понятийные категории Sb и Ob с членами предложения, как это делается в диатезной теории. По его трактовке, в активе действие представляется как исходящее от субъекта, который выступает в позиции подлежащего, а в пассиве как действие, при котором субъект устраняется с указанной позиции, и ее занимает объект (Бондарко 1991:129).

нарушается: партиципранты не обозначаются теми же членами предложения, что в исходной диатезе, или они могут полностью опускаться.

Частным случаем диатезы является залог, определяющийся как "регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня" (Холодович 1970:13). Храковский же отмечает, что залоговыми являются деривационные отношения, связывающие исходную и производную конструкцию (Храковский 1974:13)¹⁴. Холодович уточняет, что "залог - это грамматически маркированная в глаголе диатеза" (Холодович 1970:13). Именно эта маркированность в глаголе приближает диатезную трактовку к традиционному пониманию залога.

Определив производную залоговую конструкцию, Храковский приходит к определению пассивных конструкций, "в которых, в отличие от исходных, лексически выраженный конкретный субъект не занимает позиции подлежащего" (Храковский 1974:15, см. также Храковский 1991:148). Место подлежащего может быть занято каким-либо другим партиципантом, либо остаться незанятым. Другие признаки при определении ПК не учитываются. Данное определение семантико-синтаксическое, и поэтому способно включить в свой круг более разнообразные по структуре конструкции, чем традиционное истолкование пассива. Семантический уровень представляют термины субъект, объект, но в рассмотрении изменений между исходными и производ-

---

¹⁴ В применении диатезной теории к залоговым преобразованиям, Храковский позднее предлагает три уровня анализа: во-первых, референтный уровень, т.е. уровень участников абстрактных ситуаций (партиципранты, исполнители, обозначаются А, Б, В, ...): во-вторых, семантический уровень или уровень ролей референтов (Sb, Ob₁, Ob₂, Ob₃) и, в-третьих, синтаксический, или уровень актантов (П, Д_ц, Д_к, Д_{ар}). Он подчеркивает, что при образовании пассивных конструкций меняется только соотношение единиц референтного и синтаксического уровней: между референтным и семантическим уровнями не происходит изменений. Далее он продолжает: "Следует также заметить, что роли - единицы семантического уровня и актанты - единицы синтаксического уровня, если, разумеется, согласиться с предложенной трактовкой, соотносятся друг с другом не непосредственно, а опосредованно через единицы референтного уровня" (Храковский 1981:10-11). Богданов (1978:37-42) постулирует следующие уровни: 1) глубинно-семантический уровень, т.е. уровень семантических ролей, 2) семантический, т.е. субъектно-объектный уровень, 3) синтаксический уровень, т.е. подлежащно-дополнительный уровень и 4) коммуникативный, т.е. темо-рематический уровень. Все эти уровни будут в разной степени представлять интерес и для нашего исследования.

ными конструкциями учитываются также глубинно-семантические роли - агенс, пациенс, адресат и т.п.¹⁵. Легко заметить, что определения пассива в диатезной теории и РГ во многих моментах похожи: хотя в диатезной теории обращается внимание и на семантические роли субъекта и объекта, сама суть определения пассива заключается в устранении субъекта с позиции подлежащего, т.е. речь идет о демонации в терминах РГ.

Позднее Храковский (1981, 1991), рассматривая как семантические предпосылки использования ПК в тексте, так и ее коммуникативные функции, учитывает и функциональную сторону пассива. Он отмечает тенденцию пассивного предложения "сфокусировать внимание собеседника на референтах объекта (или какого-либо другого участника) и на действии, которому они подверглись и которое обычно имеет наблюдаемые результаты." (Храковский 1981:7). Важность учета функционирования пассива в тексте подчеркивает и Буланин, критикуя традиционное классификационное понимание залога. Он пишет: "Для залога, наиболее синтаксической из всех глагольных категорий, теснейшим образом связанного со структурой отдельного предложения и предложения как компонента текста, обращение к его функциональной стороне представляется в высшей степени актуальным" (Буланин 1985:125). Буланин, однако, придает большее значение синтаксису за счет семантики, которую пытается учесть Храковский в своем определении залога.

В выяснении предпосылок для функционирования залога и диатезы, а, с точки зрения нашего исследования, в особенности пассива, нужно отдать должное и прагматическому аспекту, на который имплицитно ссылается Храковский в определении, приведенном выше. Изучение функционирования какого-либо языкового элемента предполагает учет прагматических факторов, толкающих говорящего к его употреблению.

---

¹⁵ Мы согласны с Дэже (1978:26-27, см. Ванхала-Анишевски 1983), постулирующим, что термин "диатеза" следует оставить за системой соотношений между глубинными и поверхностными структурами, независимо от того, маркируются ли они глаголом, а термин "пассив" сохранить для тех диатез, которые маркированы глаголом с помощью пассивной парадигмы.

1.5. Функционально-прагматический подход к истолкованию пассива

1.5.1 Об исходных принципах функционального подхода

Как концепция ТГ, так и РГ со своими строго формулируемыми правилами толкуют лингвистические явления без учета несинтаксических факторов, в частности, семантических и прагматических. Однако для выяснения роли какого-либо языкового элемента в системе данного языка необходимо обратить внимание на все названные аспекты, т.е. как на формальные, так и на семантические и прагматические. При этом, одну из главных проблем составляет соотношение между данными аспектами, точнее, между формой и функцией. Лингвистическим подходом, способным учесть это взаимоотношение, является функциональная грамматика (далее - ФГ), в которой прагматическому компоненту подчинен семантический, а ему, в свою очередь, синтаксический компонент. Этот подход изучает языковые элементы в их отношении к языковой среде, а также их роль в контексте целого. Под функционированием языковых единиц понимается "обусловленное строение языка и актуализируемое в речи взаимодействие разноуровневых элементов языковой системы и среды" (ТФГ 1987:10). Этот процесс функционирования осуществляется в речи, но закономерности, правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе языка.

Мнения лингвистов расходятся в том, как вообще определить понятия "функция" и "функциональный подход" к языковым явлениям и что считать исходным пунктом анализа, форму или функцию (ср. Mustajoki 1992). По мнению Бондарко, функция языковой единицы заключается в ее способности к выполнению определенного назначения, и вместе с тем в реализации этой способности, иными словами, функция - это результат, цель употребления (Бондарко 1984:29). Если исходить из цели нашего исследования, весьма ценным представляется тот факт, что в функциональном подходе учитываются как система языка, так и

его функции и употребление¹⁶. О функциональной теории Дик пишет следующее: " .. though a functional theory of language can distinguish between the **system** of language and the **use** of language, it would avoid studying the one in abstraction from the other. In fact, such a theory is especially interested in the relationship between the system and its possible uses in the sense that it attempts to describe the system determining the construction of linguistic expression in the light of the uses made of such expressions in social interaction." (Dik 1980:1-2, см. также Dik 1978, 1983, 1989).

Функциональный подход, таким образом, служит для того, чтобы исследовать язык в его конкретной реализации, как инструмент социальной интеракции в установлении коммуникации между говорящим и адресатом. Это означает, что в данном подходе коммуникативная функция выдвигается на первое место. В этом Гак и видит задачу функционального приема, обосновывая его следующим образом: "...языкознание все пристальнее изучает использование языковых фактов и структур в практике человеческого общения, в условиях их функционирования. Отсюда известный интерес к функциональному аспекту языка, к изучению речи (дискурса), речевого поведения человека и к "поведению" (функционированию) языковых явлений в реальных актах коммуникации, в речи, в текстах." (Гак 1985:5). Именно в изучении языка в синтезе с речью заключается специфика ФГ, характеризующейся тесным соотношением между языковой системой и ее использованием, между формой и функцией.

При анализе исходным пунктом может служить либо форма (направленность анализа от формы к функции), либо функция (от функции к форме)¹⁷. В нашем исследовании ведущим подходом является первый,

---

¹⁶ В связи с этим иногда различают понятия "функция" и "использование", "употребление". Функция понимается как примарное назначение, предусмотренное системой, а употребление носит вторичный характер (см. Гак 1985:8).

¹⁷ Золотова (1982) исходит из тройкого противопоставления: форма - значение - функция. По этому поводу Бондарко пишет: "Функции грамматических единиц (формы конструкций) необходимо отличать от значений. Значение представляет собой знаковое содержание формы, ее системно значимое внутреннее свойство .. Что же касается функции, то ее реализация в речи может представлять собой цель употребления того или иного средства или комплекса средств, выходящую за пределы языка." (Бондарко 1984:31-32). Иногда, однако, понятия функции и значения могут перекрещиваться, как отмечает и Бондарко: "...когда речь идет о функции как о способности формы

о котором Бондарко пишет: "Грамматическое описание может быть основано на анализе лишь в направлении от формы к значению (от средств к функциям) - и тем не менее оно будет функциональным, если его характеризует специальная ориентация на изучение закономерностей функционирования грамматических единиц в речи." (Бондарко 1984:6, см. также ЛЭС 1990:365). Однако в ходе анализа мы прибегаем и к синтезу названных подходов, т.е. к двустороннему подходу, поскольку - особенно это заметно при сопоставлении двух языков - одно и то же языковое средство может, помимо общей для данных языков функции, обладать и другими функциями в другом языке, и, наоборот, рассматриваемая общая функция может быть реализована разными языковыми средствами в другом языке.

Существует несколько трактовок функционального подхода, которые отличаются друг от друга в определенных моментах (см. общий обзор различных функциональных грамматик в Mustajoki 1992). Несмотря на то, что в данном исследовании последовательно не применяется ни одна из существующих концепций ФГ, наш подход имеет определенные сходные моменты с общими теоретическими положениями функционального подхода, представленного Диком (Dik 1978, 1980, 1983, 1989). В своей концепции Дик исходит из трех уровней анализа, называемых функциями. Эти функции следующие: 1) семантические функции (агенса, цель ['Goal']), которые специфицируют роли, выполняемые данными участниками в ситуации, 2) синтаксические функции (подлежащее и дополнение), указывающие на перспективу, с точки зрения которой действие представлено и 3) прагматические функции (топик, фокус, тема, рема ['Tail'] и т.д.), специфицирующие информационный статус компонентов высказывания в более широком контексте¹⁸.

В этом трехуровневом подходе к анализу языковых явлений, встречаемом в ряде других концепций ФГ, основными функциями являются семантические и прагматические, представляющие собой универсаль-

---

выражать те или иные значения, грань между функцией в ее потенциальном аспекте и значением может стираться." (Бондарко 1985:21).

¹⁸ Дискуссию относительно определения данных понятий (топик фокус, тема - рема и т.п.) см. ниже.

ные функции, между тем как синтаксические функции не приобретают универсального статуса, так как они могут быть весьма различны в зависимости от системы рассматриваемого языка (Dik 1989:24-25). В сопоставлении языковых явлений двух генетически неродственных языков, например русского и финского, в которых синтаксические структуры, в том числе пассивные конструкции, во многом отличаются, главное внимание следует уделить именно семантическим и прагматическим функциям. Об отношении ФГ к прагматике Дик пишет следующее: "It is not, in itself, a pragmatic theory, but a theory of grammatical organization which, if has any value, should be capable of being incorporated into a wider theory of verbal interaction." (Dik 1983:4)¹⁹.

Несмотря на то, что ФГ Дика подчеркнуто отличается стремлением учесть прагматический фактор языка, прагматика в его трактовке сводится к зависимости от контекста, т.е. прагматическая функция какого-либо языкового элемента определяется его контекстуальной обусловленностью. Основу прагматических функций составляет соотношение между понятиями "топик" и "фокус", которыми обозначаются компоненты высказывания в соответствии с их информационным статусом в сообщении: "топиком" обозначается исходный пункт сообщения, а "фокусом" - нечто новое либо важное, заслуживающее, по предположению говорящего, внимания адресата. В данном исследовании в истолковании функционирования пассива названные прагматические функции также занимают важное место, лишь понятия, используемые нами, называются по-другому: вместо терминов "топик" (с различными "подтопиками") и "фокус" мы будем говорить о соотношении "тема - рема", составляющем первоначальную основу и для деления на данные прагматические функции в трактовке Дика. След-

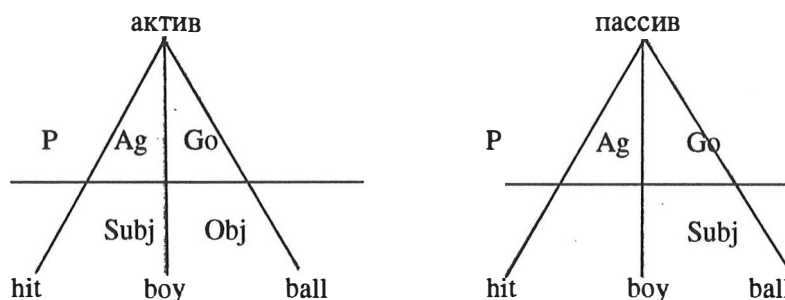
---

¹⁹ Мы придерживаемся определения прагматики, приведенного Диком: "By *pragmatic information* I mean the full body of knowledge, beliefs, assumptions, opinions, and feelings available to an individual at any point in the interaction." (Dik 1989:9). В его концепции прагматическая информация состоит из общей, ситуационной и контекстуальной информации. Под общей информацией понимается уровень познания говорящим мира. Ситуационная информация обозначает знание участниками общения ситуации, в которой проходит интеракция. Под контекстуальной информацией имеется в виду информация, извлеченная из языковых выражений до или после определенного момента речи. С точки зрения нашего исследования, данные прагматические типы информации играют немаловажную роль при выяснении сущности дефокусированного агенса.

ствие этого, рассматривая темо-рематические отношения при использовании пассива в тексте, мы вместо использования термина "прагматические функции" будем прибегать к термину "актуальное членение", в теоретическом плане к более обоснованному понятию при обсуждении коммуникативной задачи высказывания на фоне сверхфразового единства. Термин "фокус" в нашем исследовании используется в связи с понятием "дефокусировка агенса", составляющим основную прагматическую функцию пассива в сопоставляемых нами языках. В этом понятии объединяются компоненты как семантического, так и прагматического уровней анализа. Кроме того, прагматический фактор играет большую роль в другом плане, т.е. при рассмотрении причин дефокусировки агенса. В этом анализе учитывается как можно более тщательно прагматическая информация, как общая, так и заданная ситуацией и контекстом, которая способна, с одной стороны, объяснять причины устранения агенса говорящим, и, с другой стороны, способствовать, если это нужно, идентификации агенса адресатом.

Трактовка Дика, как заметно, в частности, на основе выделения лингвистических уровней анализа, имеет связь как с Филлморской падежной теорией, так и с РГ и с концепцией о функциональной перспективе предложения, созданной Пражской школой функциональной лингвистики²⁰. Сходную позицию с последней занимает так-

²⁰ Дик (Dik 1980:61-62) сравнивает обозначение соотношения между активом и пассивом в ФГ с обозначением пассива в РГ. Он изображает данное соотношение с помощью следующей схемы:

Анализ начинается с предиката и его аргументов с семантическими функциями агенса и пациенса (Goal). Трансформации, изменяющие отношения, не применяются: в пассиве функцию грамматического субъекта приобретает пациенс, а агенс остается агенсом без обозначения демотивированного субъекта. Как видно, схема и понятия во многом сходны с представлениями РГ и падежной грамматики. Однако в данной схеме не учитываются прагматиче-

же т. наз. системно-структурный подход ФГ Хэллидея (Halliday 1976, 1985)²¹. Хэллидей в своей теории исходит из толкования языка как системы и как процесса. Результатом этого является текст. Предложение как основная единица ФГ понимается одновременно как репрезентация (clause as representation), как средство интеракции (clause as exchange) и как сообщение (clause as message): на уровне репрезентации фигурирует Actor (логический субъект), на втором уровне Subject (грамматический субъект), а на третьем Theme (психологический субъект) (Halliday 1985:32-37). Хэллидей не считает свою теорию прагматической, хотя, по мнению Лича (Leech 1983:57), интерперсональная и текстовая функции являются не чем иным, как прагматической функцией языка. Правда, текстовая функция Хэллидея во многом совпадает с прагматическими функциями Дика: основой анализа как у Дика, так и у Хэллидея, служит темо-рематическое соотношение в предложении. Различие между истолкованиями данных функций у этих лингвистов сводится в основном к терминологии.

Под функциональным подходом, помимо приведенных трактовок, подразумеваются самые различные аспекты функционирования языка, в частности, уже упомянутая функциональная перспектива предложения, а также различные семантические и прагматические факторы, аспекты речевого акта и т.п. В русистике под функциональным подходом чаще всего понимается либо теория о функциональной перспективе, т.е. об актуальном членении предложения (см. РГ 1980, Ковтунова 1976, Адамец 1966), либо коммуникативно-синтаксическая концепция, принятая Золотовой (1982), либо концепция функционально-семантических полей, созданная Бондарко (см. 1984, 1985, ТФГ 1987)²². В дальнейшем рассмотрении функционирования пассива синтаксические и

ские функции, создающие предпосылки для более глубокого анализа функционирования пассива.

²¹ Функции, выделяемые Хэллидеем, соответствуют в главных чертах грамматическому уровню, семантическому уровню и уровню тематической организации высказывания, т.е. функциональной перспективе предложения у Данеша (Daneš 1974).

²² Бондарко определяет понятие функционально-семантического поля следующим образом: "Функционально-семантическое поле (ФСП) - это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных - лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций." (Бондарко 1984:21-22).

семантические функции принимаются в смысле, представленном Диком. Среди прагматических функций пассива примарной считается дефокусировка агенса, составляющая сущность функционирования пассива как в финском, так и в русском языках. При рассмотрении функционирования пассива с точки зрения более широкого контекста, применяется, как уже упоминалось, концепция актуального членения, представляющая собой надежную теоретическую основу для анализа коммуникативной задачи высказывания в контексте целого.

1.5.2 Дефокусировка агенса как основная функция пассива

Уже в связи с обсуждением трактовки РГ отмечалось, что при рассмотрении пассива в разных языках самое главное внимание следует уделять роли агенса, а точнее, устраненному деятелю. Это касается и сопоставляемых нами языков в силу того, что, во-первых, в русском языке подавляющее большинство пассивных предложений выступает без поверхностного выражения агенса, т.е. без АД (по нашим подсчетам - ок. 84%; см. ниже), и, во-вторых, в финском языке в пассиве синтаксическое обозначение агенса (подобно АД) недопустимо. По аргументации Шибатани (Shibatani 1985, 1988) именно то, что в большей части пассивных конструкций разных языков отсутствует формальное указание на агенс, составляет сущность определения пассива²³. Лишним доказательством примарной роли агенса в пассиве является то, что в тех языках (в частности, в финском), в которых пассив образуется и от непереходных глаголов, лишь глаголы, предполагающие одушевленного деятеля, способны выступить в пассиве. Рассмотрим примеры:

- (15) Laulettiin. Uitiin.
петь-ПасПрет купаться-ПасПрет
'Пели.' 'Купались.'

²³ В английском языке по данным Свартвика (Svartvik 1966:141) ок. 80% всех пассивных предложений и по данным Гивона (Givón 1979:59) от 4% до 18% в зависимости от стиля выступают без АД. В немецком языке количество пассивных предложений без лексически выраженного субъекта-агенса составляет 84% (Schoenthal 1974:124) и в русском языке (в газетно-публицистическом стиле) - 85% (Леч 1991: 194).

- (16) *Myrskyttiin. *Tuultiin.
бушевать-ПасПрет дуть-ПасПрет

В примере (15) глаголы предполагают одушевленного деятеля (первый глагол переходный, второй непереходный), а в (16) "деятель" - неодушевленная природная сила²⁴. В силу того, что и непереходные глаголы пассивизируются, топиализация (т.е. продвижение какого-либо компонента, не указывающего на деятеля, в позицию темы), которая выдвинута некоторыми лингвистами (Givón 1979, 1983, см. дискуссию по этому поводу в Siewierska 1984) как наиважнейшая функция пассива, не способна истолковать всю сущность пассива в таких языках как, например, финский и латинский. К тому же использование, в частности, ПК с АД не представляет собой обязательный способ для топиализации каких-либо компонентов, например, в русском языке, в котором довольно свободный порядок слов выполняет эту же функцию. Этот вопрос мы рассмотрим подробнее в следующем разделе. В данном исследовании мы исходим из того, что топиализация, в наших терминах, тематизация, является функцией пассива, но не примарной его функцией.

В результате анализа пассива в русском и финском языках, мы, вслед за Шибатани, считаем, что устранение производителя действия должно составлять суть определения пассива в сопоставляемых нами языках. Однако для выяснения условий функционирования пассива формальное либо семантическое устранение субъекта-агенса (*agent demotion*, *agent suppression*, *agent backgrounding*) представляет собой лишь одну сторону данного явления. Наиболее существенным является выяснение причин, заставляющих говорящего употреблять пассив с вытесненным, но чаще всего имплицитным деятелем. Это стремление избежать прямого

---

²⁴ Шибатани приводит примеры английских предложений, в которых глаголы не поддаются пассивизации, поскольку в активе субъект не представляет собой одушевленного производителя действия (iii). Сравним (i) и (ii) с (iii) и (iv):

- (i) John bought this house for \$250.000 in 1980.
- (ii) This house was bought by John for \$250.000 in 1980.
- (iii) \$250.000 won't buy this kind of house any more.
- (iv) *This kind of house won't be bought by \$250.000 any more.

Предложение (iii) не пассивизируется, так как в нем действие не производится одушевленным деятелем (или, например, экспериенцером), который поддавался бы устранению (Shibatani 1985:831-832).

называния агенса в качестве подлежащего, происходящее по контекстуальным и прагматическим причинам, Шибатани называет, ссылаясь на Есперсена, **дефокусировкой агенса**²⁵. Он утверждает, что лишь дефокусировка агенса составляет функционально-прагматическое назначение пассива в разных языках (Shibatani 1985:830)²⁶. Дефокуси-

---

²⁵ Термин "фокус" определяется в лингвистических исследованиях по-разному. Дик пишет следующим образом: "The Focus presents what is relatively the most important or salient information in the given setting." (Dik 1978:19). Это определение лежит и в основе понятия "дефокусировки агенса" (см. Shibatani 1985). За исходный пункт в определении данного понятия берется то, что все компоненты, соответствующие элементам семантической валентности предиката, уже сфокусированы в какой-то степени по сравнению с семантически некодифицированными компонентами. Они выделяются как самые существенные элементы, которые должны быть учтены адресатом для правильного восприятия информации. Эти семантически валентностные элементы (агенса и пациенс в пассивной предикации) имеют различную степень приоритета для говорящего: одни компоненты более существенные, чем другие. Для выражения приоритета, важности какого-либо семантического элемента, т.е. для его фокусировки, язык располагает определенными морфологическими и синтаксическими способами. Это значит, что элемент, занимающий позицию подлежащего, имеет самую высокую степень в иерархии фокусировки, и, наоборот, элемент, предполагающий мало внимания, подвергается дефокусировке, в частности, полному его невыражению в синтаксическом плане: "An element which requires the least amount of attention is subjected to a defocusing strategy, and the most obvious means of defocusing an element is not to encode it syntactically. The passive which omits an agent nominal represents such a defocusing strategy." (Shibatani 1985: 832). Это приводит к тому, что и синтаксически кодифицированный агенса в пассиве, в противоположность активу, занимает в иерархии фокусировки более низкую позицию.

²⁶ В определении признаков прототипического пассива, т.е. ПК без АД, Шибатани (Shibatani 1985:837), кроме его прагматической функции, т.е. дефокусировки агенса, учитывает также семантические, синтаксические и морфологические свойства, характеризующие, однако, в первую очередь пассив в индоевропейских языках, в частности пассив в русском языке. Также в финском языке наблюдаются морфологические и прагматические признаки прототипического пассива, определенного в трактовке Шибатани, но в особенности в синтаксическом плане финский пассив различается. В связи с этим Шибатани отмечает: "... since defocusing of an agent is taken to be primary pragmatic function of the passive prototype, it follows that passive of intransitives, passives without promotion, and the like are passives TO THE EXTENT THAT they share this function." (Shibatani 1985:837). Сундман (Sundman 1987:353-356), считая основной функцией пассива разных языков "avsubjektiverande funktion", отмечает, что прототипический пассив характеризуется, с одной стороны, устранением агенса и, с другой стороны, выдвижением объекта в позицию подлежащего. Пассивные конструкции, обладающие лишь первым свойством, как например пассив финского языка, менее прототипические. В обратном порядке к определению функций пассива подходит Шелякин (1991:313-314), считающий выдвижение объекта, т.е. его фокусировку, первичной функцией пассива, из которой следует устранение определенности агенса или его перенос в периферийную позицию.

вку агенса как главную функцию пассива отметил также Эстман (Östman 1981:291), анализируя финский пассив.

Помимо удаления агенса полностью (ниже примеры 17 и 18), понятие "дефокусировка агенса" включает и возможность импликации существования агенса разными синтаксическими способами, в виде других актантов предложения, например, определения, обстоятельства и т.п. (примеры 19-21), а также эксплицитное обозначение субъекта-агенса агентивным дополнением, выраженным каким-либо определенным поверхностным падежом в разных языках (примеры 22-26):

- (17) Президент Кеннеди был убит 30 лет назад.
- (18) Suomen viimeinen majava ammuttiin v. 1868.
'Последний бобр Финляндии был застрелен в 1868 г.'
- (19) В работе Виноградова делается попытка выяснить...
- (20) Dabei werden je nach Absicht des Sprechers verschiedene Verbformen gebraucht... (Pape-Müller 1980:84)
- (21) Luokassa melutaan.
'В классе шумят.'
- (22) Дом был построен рабочими.
- (23) Mary was kissed by John.
- (24) Kalle slogs av Lasse.
- (25) Der Acker wird von Bauern gepflügt.
- (26) Dom został zbudowany przez robotników.

Примеры (22-26) представляют собой, по классификации Шибатани, неполную дефокусировку (ПК с АД среди всех пассивных предложений встречается, в частности, в письменной речи английского, немецкого и русского языков в среднем ок. 16%, см. сноску 23), а остальные типы - полную дефокусировку: в них референт производителя действия либо полностью неизвестен, либо более затушеван по сравнению с канонически выраженным агенсом. В русском языке, как показывают приведенные примеры, происходит как полная (примеры 17, 19), так и неполная (22) дефокусировка агенса в пассиве. В финском языке, по этому разделению, встречается лишь полная дефокусировка агенса (примеры 18, 21). Однако, поскольку и в русском языке большинство пассивных предложений дефокусирует агенса, не выражая его экспли-

цитно в виде АД, мы будем говорить лишь о дефокусировке агенса без разделения на полную и неполную дефокусировку.

Причиной устранения деятеля могут служить различные функционально-прагматические факторы. Во-первых, агенс не называется, так как он в самом деле неизвестен либо иррелевантен (17 и 18) и предполагается, что его нельзя восстановить даже на основе контекста. Во-вторых, агенс может пониматься как обобщенный (21). В-третьих, агенс может не вводиться в силу языковой экономии, чтобы избежать лишнего повтора или избыточности изложения, если референт агенса либо эксплицитно называется анафорически или катафорически, либо его идентификация вполне ясна, например, на основе семантики глагола, выступающего в пассиве (см. Pape-Müller 1980, Girke & Weiss 1980, Bartsch 1985)²⁷. В-четвертых, агенс не называется, если о нем дается контекстуально и/или прагматически опосредованная информация, адекватная в данной ситуации. Например, в предложении (21) говорящий, компенсируя выражение конкретного производителя действия локативом с агентивным значением, либо избегает его прямого названия, чтобы "смягчить" роль субъекта в совершении действия, либо специально хочет оставить конкретный агенс неопределенным.

Языковая экономия, т.е. избежание избыточности выражения, отмечается и Грайсом (Grice 1975, ср. "принцип экономии" у Leech 1983:67-68), исследовавшим правила коммуникации и языковое поведение коммуникантов в интеракции. Согласно Грайсу, коммуниканты в процессе общения действуют, в частности, по "принципу кооперации", соблюдая определенные правила ("максимы"). Одним из них является принцип количества, состоящий из двух подпринципов: "1. Make your contribution as informative as is required .. 2. Do not make your contribution more informative than is required." (Grice 1975:45). Языковая экономия в "чистом" виде встречается в случаях, в которых агенс вводится эксплицитно в предыдущем контексте, и нет необходимости повторять его. Помимо языковой экономии, весьма часто неупоминание производителя действия

---

²⁷ Под термином "анафорический агенс" имеется в виду название агенса не в самом пассивном предложении, а в предшествующем контексте, а понятием "катафорический агенс" обозначается выражение агенса в последующем контексте. Термины заимствованы нами у Папе-Мюллер (Pape-Müller 1980), см. подробнее ниже.

объясняется и прагматическими факторами. Рассмотрим следующие примеры:

- (27) ..ich möchte also, dass im Bundestag darüber sorgfältig diskutiert wird.
(Pape-Müller 1980:81)
- (28) Mikko pidätettiin eilen.
'Микко был арестован вчера.'
- (29) Роман "Анна Каренина" был закончен в 1877 г.

Несмотря на то, что агенс конкретно не называется, он имплицитруется либо в виде локатива (27), либо семантикой глагола (28), либо предполагается, что информация об агенсе не нужна в силу известности референции объекта (29). Эксплицитное выражение производителя действия не принесло бы существенной новой информации. По этому поводу интересные данные о пассиве английского языка приводит Гивон (Givón 1979:56-65). Согласно его наблюдениям, в пассивных предложениях без АД английского языка производитель действия идентифицируется следующим образом: либо он понятен на основе дискурсивного контекста, т.е. он вводится анафорически или катафорически (таких случаев - 31% от всех ПК без АД), либо идентификация агенса не обязательна, поскольку у адресата есть прагматическое знание о референте агенса, как в примерах 27 - 29 (этих случаев - 46% от всех ПК без АД).

Кроме названных, общих для сопоставляемых языков, мотивов дефокусировки агенса, в финском языке пассив используется также в речи вместо личных форм, чтобы дефокусировать либо самого говорящего, его "Эго", либо адресата. (см. Hakulinen 1987, Brown & Levinson 1988, Salminen 1990). Пассив выступает в этой вторичной, называемой нами интерперсональной, функции в таких речевых ситуациях, в которых либо правила вежливости, либо социальная или личностная дистантность, либо желание избежать ответственности или остаться анонимным и т.п. "препятствуют" употреблению личных форм.

Шибатани рассматривает дефокусировку в основном на уровне высказывания, хотя и отмечает, что очень часто идентификация агенса возможна лишь на основе более широкого контекста. В нашем исследовании дефокусировка агенса толкуется не только на уровне высказыва-

ния-предложения, но и на уровне сверхфразового единства, с учетом предыдущего и последующего контекста. Эта контекстуальная обусловленность и составляет суть как определения понятия дефокусировки агенса, так и функционирования пассива.

1.5.3 Функция пассива в тексте²⁸

1.5.3.1 Об актуальном членении

Дефокусировка агенса представляет собой примарную прагматическую функцию пассива как в финском, так и в русском языках. В связи с устранением агенса пассивное предложение приобретает по сравнению с активным другие задачи в процессе коммуникации. Прибегая к пассиву, говорящий, в зависимости от своих коммуникативных намерений, выдвигает вместо подлежащего-агенса на передний план своего сообщения какой-либо другой элемент предложения. Это выдвижение контекстуально и ситуационно обусловлено, т.к. конкретная ситуация общения влияет на коммуникативную структуру сообщения. Выяснение функции какого-либо языкового элемента в ситуации коммуникации, в контексте целого - цель функционального подхода (ср. прагматические функции Дика [Dik 1978], текстовый компонент Хэллидея [Halliday 1985]), и особенно того направления функциональной лингвистики, которое называется функциональной перспективой предложения (ФПП; Functional Sentence Perspective, см. Матезиус 1967b, Daneš 1974, Firbas 1974)²⁹. ФПП изучает организацию предложения как сообщения,

²⁸ Под "текстом" имеется в виду сложное связанное синтаксическое целое, представляющее собой коммуникативную единицу сверхфразового уровня (Крылова и Матвеева 1990:60; см. также Enkvist 1975). Термином "текст" в данном исследовании обозначается как письменная, так и устная речь.

²⁹ Перспектива может пониматься и как точка зрения говорящего (Jespersen 1924) или как эмпатия (Kuno 1976): говорящий выбирает в своем сообщении как исходное то, к чему он чувствует эмпатию, будь то агенс, пациент, экспериенцер и т.п. Комри (Comrie 1981a:69, см. также Leinonen & Östman 1983:179-181) называет данное явление ориентацией (актив - это агенс-ориентированная, а пассив - пациент-ориентированная конструкция), так же как и Бондарко (1991:129), выделяя соответственно субъектно-ориентирован-

выражающего интенции говорящего в ситуации коммуникации. Это изучение проводится в тесной связи с окружающим контекстом.

В русской лингвистической литературе вместо термина ФПП используют термин "актуальное членение предложения" (далее - АЧ), выражающий коммуникативную установку высказывания. В Русской грамматике АЧ называется "членение предложения на две части, определяемое коммуникативной задачей, существенной для данного контекста или данной речевой ситуации" (РГ 1980 II:191). В зависимости от своей коммуникативной задачи говорящий выбирает исходный пункт своего сообщения, о котором он что-то сообщает. Согласно концепции Матезиуса, основа, исходная точка высказывания выражает "то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть легко понято и из чего исходит говорящий, а ядро высказывания .. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания" (Матезиус 1967b:239)³⁰. Исходную точку высказывания мы будем, вслед за многими лингвистами, называть темой, а ядро - ремой (см. Adamec 1973, 1978, Daneš 1974, Halliday 1985, РГ 1980, Ковтунова 1976, Хавроница и Крылова 1989, Pape-Müller 1980)³¹. Таким образом, тема в нашем исследовании понимается либо как нечто данное, упомянутое в предыдущем контексте или нечто легко идентифицируемое на основе контекста, либо то, о чем говорящий хочет сделать свое сообщение. Рема представляет собой либо новую, в предыдущем контексте не упомянутую информацию, либо новое по отношению к теме данного высказывания (см. Daneš 1974:111). Следует, однако, подчеркнуть, что совпадение темы с данным и ремы с новым необязательно, т.к. тема может иногда

ные (т.е. активные) и объектно-ориентированные (т.е. пассивные) конструкции. Адамец (1978) говорит о "грамматической презентации предложения", см. подробнее сноску (34).

³⁰ Термин "высказывание" определяется, в частности, следующим образом: "Предложение, рассматриваемое с его коммуникативной стороны, принято называть высказыванием" (Ковтунова 1976:30); "Высказывание - такое минимальное речевое произведение, которое, совпадая по форме с грамматическим предложением, представляет собой единицу, включенную в контекст (или речевую ситуацию)" (Хавроница и Крылова 1989:8).

³¹ Дик (Dik 1978), как выше отмечалось, использует в данном значении термины "топик" и "фокус". Фоли и ван Валин (Foley & van Valin 1985:305-306) употребляют понятие "прагматический пик" об элементе, несущем контекстуально данную информацию, и находящемся в "фокусе интереса" говорящего.

содержать и элементы нового, а рема - элементы данного³². Из приведенного определения темы и ремы заметно, что прагматика сопутствует и описанию семантики АЧ: в определении темы и ремы приоритет отдается признаку "известность / неизвестность" их референта.

Коммуникативная структура высказывания формируется взаимодействием темы и ремы, организация которого определяется конкретным коммуникативным заданием данного высказывания и диктуется условиями контекста. Любой член предложения может, в зависимости от контекста или ситуации, выступать в качестве темы или ремы. При нейтральном порядке слов АЧ состоит из препозиционной темы и постпозиционной ремы, и, таким образом, обеспечивается "тематическая прогрессия" (*thematic progression*, [Daneš 1974:114]), т.е. последовательность сообщения от известного к неизвестному (см. Хавронина и Крылова 1989, Halliday 1985). Этот прямой порядок следования "тема - рема" преобладает и именуется нейтральным, объективным. Обратный порядок слов, т.е. "рема - тема", называется инверсированным, субъективным, эмфатическим. При нем говорящий не обращает внимания на естественный переход изложения от известного к неизвестному, а наоборот, желает скорее высказать главное, чтобы контрастировать референт тематического компонента с каким-либо компонентом предшествующего предложения.

При рассмотрении роли АЧ для сверхфразового единства, на передний план выдвигается именно тема и тематизация, а не рематизация. Это объясняется тем, что тематический компонент является весьма часто необходимым элементом связи предложения с предыдущим контекстом. Принятое выше определение темы подтверждает то, что перспектива предложения, т.е. коммуникативная направленность высказывания тесно связана с окружающим контекстом: то, что говорящий выбирает в качестве исходного пункта своего сообщения, что он считает "данной"

---

³² О понятиях "тема - рема", "данное - новое" и "топик - комментарий/фокус" и о соотношении между ними существуют среди лингвистов разные мнения. Особенно это касается параметра "тема - данное - топик". Например, Хэллидей выделяет кроме тематической структуры предложения с темой и ремой отдельно его информационную структуру с "данным" и "новым". (Halliday 1985:278). В нашем исследовании эти структуры входят в понятие "тематическая структура".

информацией и для адресата, зависит от контекста или ситуации. Из этого вытекает, что лишь на основе того, как предложение связано контекстуально, оно получает коммуникативную функцию. Как отмечают Хавронина и Крылова (1989:35-39, см. также Halliday 1985, Крылова и Матвеева 1990, Daneš 1974), в нейтральном тексте предшествующий, т.е. левый контекст играет решающую роль с точки зрения коммуникативной установки рассматриваемого предложения: чаще всего предшествующее предложение диктует АЧ следующего. Последующий контекст дает лишь ретроспективный вид. Правильно выбранная тема, в свою очередь, обуславливает логичность и целостность повествования, а также связность предложений сверхфразового единства.

1.5.3.2 Актуальное членение и пассив

Основными выразителями АЧ в русском языке являются порядок слов и интонация, а также лексические средства, например, частицы (Адамец 1966:24-25), а в финском языке - порядок слов, интонация и т.п. (см. Nakulinen 1975, Holman 1975, Vilkuna 1989, Bátori 1977, 1978). В данных языках порядок слов не грамматикализован: как в русском, так и в финском языках ярко выраженная морфологизация частей речи отражается в падежных окончаниях членов предложения, которые могут иметь различные места в предложении без изменения их синтаксической функции. Рассмотрим параллельные примеры:

- (30) Иван убил Колю. - Jussi tappoi Kallen.
Юсси-Акк/Ном убить-Прет Калле-Акк/Ген
- (31) Колю убил Иван. - Kallen tappoi Jussi.
Калле-Акк/Ген убить-Прет Юсси-Акк/Ном

Однако перестановка компонентов высказывания приводит к определенным сдвигам, ограничивающим свободу словопорядка: при изменении порядка слов изменяется коммуникативное назначение высказывания: в первом примере исходными предметами сообщения, темами, являются **Иван** и **Jussi**, а во втором - **Колю** и **Kallen**.

Кроме изменения порядка слов, для выдвижения какого-либо элемента в языках используются различные морфо-синтаксические средства. Например, английский и шведский языки, в которых порядок слов более грамматикализован, используют для выдвижения объектного компонента (подобно примеру 31) пассивную конструкцию³³. Также в русском языке ПК с АД может использоваться для тематических целей, но не на уровне синтаксической структуры отдельного предложения, на котором достаточно использовать АК (ср. примеры 30 и 31), а на уровне сверхфразового единства, на котором выбор ПК обусловлен ее коммуникативно-стилистической задачей в контексте целого³⁴. Сравним следующие примеры:

- (32) Во всем мире известно имя архитектора **Алвара Аалто**. **Аалто** спроектировал, в частности, главное здание Ювяскюльского университета.
- (33) В центре города стоит новая **церковь**. **Церковь** спроектирована известным архитектором.

Во втором предложении примера (32) имя **Аалто**, обозначающее субъект-агенса, представляет собой естественную тему на основе предыдущего предложения, в котором оно входит в состав ремы. В примере (33) во втором предложении имя **церковь**, кореферентное с ранее введенным именем (церковь), является объектом и занимает позицию темы. Именная группа, обозначающая субъект-агенса, не может стать темой без нарушения связности текста, а замена пассивного предложения

³³ См. подробнее разделе 4.1.6.1.

³⁴ Адамец (1978, ср. Адамец 1973), рассматривая образование предложений из пропозиций, говорит о "грамматической презентации", под которой подразумевается "способ грамматического представления денотативного содержания, заключенного в пропозиции" (Адамец 1978:33). Эта грамматическая презентация, примарная либо непримарная, отражает угол зрения говорящего на одну и ту же ситуацию, его субъективное восприятие ситуации. Предложения с непримарной грамматической презентацией он делит на три группы, одну из которых составляют т.наз. конверсивные предложения, к которым он перечисляет и пассивные предложения. Кроме них, конверсивными считаются (1) демипассивные предложения: Мне вспомнился случай (< Я вспомнил случай), (2) медиальные предложения: Комната наполнилась дымом (< Дым наполнил комнату), (3) конверсивно-активные предложения: Люди возмущаются этими недостатками (< Эти недостатки возмущают людей) (Адамец 1978:34-69). Среди ПК термин "конверсия", однако, на наш взгляд, применим лишь к пассивному предложению с АД, т.к. в нем набор ролей один и тот же по сравнению с соответствующей АК (см. Храковский 1991:180).

активным с сохранением того же порядка слов приводит к изменению в акцентировке компонентов. Об употреблении актива либо соответствующего пассива в связном тексте Фоли и ван Валин пишут, что в них "the same event is reported in each sentence, but from a different perspective. The same information is expressed in each sentence, but it is 'packaged' in different ways. When people interact verbally, they do so with a context or setting that can include previous speech. This context is the background against which people interpret the meaning and relevance of new utterances so that the utterances go together to make a discourse." (Foley & van Valin 1985:282). Приведенные примеры (32 и 33) являются хорошим доказательством того, что пассив, устраняя агенс, способен служить гибким средством для тематизации какого-либо другого компонента в целях обеспечения коммуникативной связности текста (см. Храковский 1991: 170-171).

Гивон (Givón 1979:58), анализируя употребление ПК в английском языке, пришел к выводу, что в составе текста она контекстуально более маркирована, чем АК. К подобному выводу пришли и Болкенстейн и Рисселада (Bolkenstein & Risselada 1987:505-506), утверждающие, что на выбор пассива вместо актива влияет именно связь тематического элемента (которым в английском языке чаще всего является подлежащее) с предшествующим контекстом. Далее они отмечают, что в английском языке агентивное дополнение в ПК редко связано с тематическим элементом последующего предложения. Это подтверждает нашу трактовку дефокусировки агенса: агенс, который выражается АД, занимающимся низкий ранг как в актантной иерархии, так и в иерархии фокусировки, настолько "понижен", что отсылающая к нему именная группа весьма редко способна стать темой в следующем предложении. Сравним следующие примеры русского языка:

- (34) Предисловие к статье написала **сестра** Тарковского. **Она** также подготовила статью к публикации.
- (35) Предисловие к статье написано **сестрой** Тарковского.
 а) Оно содержит общую характеристику творчества художника.
 б) **Она** также подготовила..

В примере (34) в первом предложении речь идет о 'предисловии', но внимание сконцентрировано на подлежащем-агенсе, готовом стать темой последующего предложения. Также в (35) в пассивном предложении имя **предисловие** представляет собой данное, но сейчас и внимание

сфокусировано на нем. Хотя агенс в виде агентивного дополнения представляет собой новую информацию, он дефокусирован, и в последующем предложении речь может идти либо о референте агенса (б), либо о референте подлежащего-объекта предыдущего предложения (а), либо продолжения не ожидается. Как мы в дальнейшем заметим (см. 4.3.1.1), вариант (б) очень малочастотен.

В финском языке нельзя говорить о пассиве как о средстве актуального членения в таком понимании, как в индоевропейских языках (см. Nakulinen 1975, Nakulinen & Karlsson 1988). Для достижения тех коммуникативных целей, которых данные языки достигают с помощью ПК с АД, финский язык, не располагающий соответствующей конструкцией, использует активные предложения с различным порядком слов. Нейтральный порядок слов предложения обусловлен его контекстуальной зависимостью: в начале предложения помещается данная информация, а в конце - новая.

Несмотря на специфику русской ПК с АД, ПК без АД в русском языке и ПК в финском языке выполняют сходную функцию в связном тексте: дефокусировав деятеля полностью, они "свободны" выделить другие элементы в зависимости от коммуникативной задачи говорящего и в согласии с коммуникативной связностью текста. В обоих языках продвигается в позицию темы элемент, наиболее тесно связанный с предыдущим контекстом. Чаще всего это семантический объект либо локатив. Это значит, что в прагматическом и семантическом отношениях русские ПК без канонически выраженного агенса и финские ПК имеют эквивалентные функции, хотя отличаются в синтаксическом плане: в русском языке происходит промощия дополнения (см. 33), а в финском языке нет. В нем на нулевое место подлежащего переносится какая-либо из послеглагольных именных групп, например:

- (36) ? Rakennettiin Jyväskylään uusi teatteri. =>
 построить-ПасПрет Ювяскюля-Иллат новый театр-Акк/Ном
Jyväskylään rakennettiin uusi teatteri.
 'В Ювяскюля был построен новый театр.'

Хакулинен и Карлссон (Nakulinen & Karlsson 1988:304) говорят о т.наз. компенсационной тематизации, т.е. в пассиве, чтобы избежать началь-

ного предиката, в предглагольную позицию переносится один из послеглагольных компонентов. В связном тексте в данную позицию выносятся именно тот компонент, который служит связным элементом с предшествующим контекстом. Таким образом, мы имеем дело уже с текстовой тематизацией, определяющей выбор тематического компонента и в русском пассивном предложении.

1.6 Выводы

Задачей данного исследования является рассмотрение функций пассива в финском и русском языках. Исходным пунктом сопоставления является морфолого-синтаксическая конструкция, называемая в обоих языках пассивной. Однако мы ставим целью не изучение соответствий структурной устроенности или конкретных сходств и различий ПК в данных языках, а выяснение ее функционирования в прагматическом и семантическом плане. Лингвистическим подходом, способным, на наш взгляд, наилучшим образом учесть названные аспекты, является функциональный подход. Несмотря на то, что ни одна из его концепций в нашем исследовании как таковая не применяется, концепция о трех уровнях описания, принятая многими представителями ФГ, в частности Диком, создает общую теоретическую основу для анализа и, следовательно, для установления общего знаменателя в сопоставлении ПК. Таким общим знаменателем является дефокусировка агенса, образующая сущность пассива в названных языках в функционально-прагматическом плане. Дефокусировка агенса проявляется в ПК как в финском языке, так и в большей части ПК русского языка в отсутствии поверхностного выражения производителя действия. Также в тех ПК русского языка, в которых агенс выражается агентивным дополнением, он, занимая в актантной иерархии низкий ранг, воспринимается в функциональном отношении как дефокусированный.

Существенным при применении функционального подхода является и то, что при анализе языковых явлений учитывается не только уровень одного предложения-высказывания, но и сверхфразовое единство. Это позволяет нам, во-первых, выяснить как причины, ситуационные и

контекстуальные, так и степень дефокусировки агенса, и, во-вторых, установить, какую роль пассив играет в контексте целого. В этом анализе пассива в составе сверхфразового единства мы прибегаем к концепции функциональной перспективы предложения, т.е. актуального членения высказывания, способного истолковать, какие компоненты и по каким причинам выдвигаются в пассиве в связном тексте после того, как производитель действия устранен.

2 ПАССИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1 Общие положения

В морфолого-синтаксическом плане в русском языке выделяются два пассива: морфологический и перифрастический. В основе дифференциации лежит видовая оппозиция: морфологический пассив образуется в первую очередь из глаголов несовершенного вида синтетическим, т.е. суффиксальным способом (аффиксом -ся), а перифрастический пассив в основном из глаголов совершенного вида аналитически, т.е. посредством вспомогательного глагола "быть" и краткой формы страдательного причастия (см. Keenan 1985, Leinonen & Östman 1983; Siewierska [1988] прибегает к терминам "рефлексивный" и "перифрастический" пассивы)³⁵. Третья конструкция, отнесенная некоторыми лингвистами

---

³⁵ Исключение составляют те немногочисленные случаи, в которых морфологический пассив образуется от глаголов совершенного вида, например, из некоторых глаголов восприятия (Эти события нами забылись) и перифрастический пассив краткой формы действительного причастия (Учитель уважаем учениками). Перечисление системных и нормативных ограничений, в силу которых определенные группы глаголов совершенного и несовершенного вида вообще не имеют пассивных форм, представлена в работе Храковского (1991:154-155, см. также Храковский 1974:30, Beedham 1982:75-81). Кроме этого, Адамец (1973:101) перечисляет случаи, когда пассив в русском языке не употребляется: 1) Предложения, выражающие разные действия, связанные с частями тела и с одеждой человека, не употребляются в пассиве, например: *Девочкой были открыты глаза. 2) Морфологический пассив не образуется в

(ср. диатезную теорию) к пассивным, называется в грамматиках неопределенно-личной конструкцией, представляющей собой в синтаксическом и морфологическом отношении активную конструкцию. Так как она, однако, в функциональном плане имеет эквивалентное с собственно ПК назначение, т.е. устраняет, дефокусирует агенс и является весьма часто эквивалентом финского пассива, ей в данном исследовании будет уделено должное внимание.

В задачу данного исследования не входит рассмотрение морфологических и синтаксических операций, необходимых для образования пассива, различные ПК будут в общих чертах анализироваться с точки зрения их семантической характеристики. Внимание будет уделяться тем основным чертам, которые способны характеризовать морфологическую и перифрастическую ПК в русском языке в семантическом плане. Также будет проанализировано, насколько существенными эти свойства представляются для рассмотрения пассива в функциональном плане. В настоящем исследовании в качестве основных семантических параметров для характеристики ПК русского языка принимаются акциональность / статальность, аспектуальность, агентивность, аффектность подлежащего (ср. Leinonen & Östman 1983).

2.2 Акциональность / статальность

Семантическое содержание предиката заключается в обозначении состояния, процесса или действия (Chafe 1970:95)³⁶. Эти значения в

тех случаях, где форма глагола имеет неpassивное значение: *Борис останавливается мною. 3) Хотя образование пассива формально возможно, он не используется в разговорно-бытовом стиле: ? На завтрак была мною куплена булка. Пассив не образуется от глаголов, разговорных или сугубо просторечных.

³⁶ В частности Дик (Dik 1980:7-9) выделяет "four states of affairs", (положение вещей) т.е. глаголы состояния, процесса, действия и позиции, характеризующиеся на основе семантических признаков [$\pm$ controlled] и [$\pm$ dynamic].

русском языке могут выражаться, в частности, различными ПК: с помощью формы перифрастического пассива передается статальное и акциональное значение (значения состояния и действия), а посредством морфологического пассива - процессное значение. Вопрос сохранения пассивного значения в конструкциях, выражающих статальное значение, по-разному рассматривается лингвистами. Бондарко и Буланин (1967:180-181) говорят о статальном пассиве, т.е. о пассиве состояния и о процессуальном пассиве, т.е. о пассиве действия, подчеркивая, однако, что статальный пассив не представляет собой типичную пассивную конструкцию. В русском языке дополнительные трудности для дифференциации статального и акционального значения создает тот факт, что выражающие эти значения конструкции не отличаются друг от друга формально. Например, в немецком языке аналогичные конструкции различаются формальными операторами в виде вспомогательного глагола (Бондарко и Буланин 1967:189; см. также Schoenthal 1976, 1987):

- (1) Die Tür war geschlossen, als ich um fünf Uhr vorbeiging, aber ich weiss nicht, wenn sie geschlossen wurde.

Первая пассивная форма глагола обозначает пассив состояния, а вторая - пассив действия. Позднее Буланин (1985:128) подчеркивает, что в статальной конструкции скорее всего речь идет о постоянно-непрерывном значении несовершенного вида, т.е. "дверь была закрытой". Он сравнивает русские примеры:

- (2) Дверь на веранду была закрыта в полночь.
 (3) Дверь на веранду была всегда закрыта.

По его трактовке пример (2) представляет собой пассивную конструкцию, а предложение (3) - статальную конструкцию. В статальной конструкции исключается всякая динамичность действия: в ней контекстуально ("всегда") имплицитно, что объект (дверь) находился в определенном состоянии, и нет указаний, что это состояние является результатом предшествующего действия. В первом предложении, наоборот, выражается динамическое действие, произведенное над объектом. Субъект действия не называется, но он предполагается (Keenan 1985:258, см. Siewierska 1984, 1988). В дифференциации статальности / акциональности в подобных прототипических примерах без контекста большую роль играют обстоятельства времени. В приве-

денных предложениях при пассиве (2) действие локализуется в определенном отрезке времени, а при стативе (3) указывается лишь на постоянность состояния. Предложение без временных квалификаторов амбивалентное по отношению к признаку акциональность / статальность:

(4) Дверь на веранду была закрыта.

В данном примере то или другое осмысление семантики причастия определяется контекстом.

Дифференциацию между собственно пассивом (т.е. акциональным пассивом) и статальной конструкцией как непассивной конструкцией приняли и многие другие лингвисты. Князев (1982:79, см. также Недялков и Яхонтов 1983) употребляет термины "собственно пассив" в значении акционального пассива и "объектный результатив" для обозначения статального пассива. Позднее Князев (1989a, 1989b) делит объектный результатив на две разновидности: "результатив" и "статив": результативами называются производные статические конструкции, а стативами — производные. Результатив сообщает одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого является это состояние. Статив же обозначает лишь устойчивое состояние предмета. Общим наименованием для них служит "статальное значение"³⁷, например:

(5) На стене повешена картина.

---

³⁷ Князев (1989a:47) называет акциональные и статальные конструкции стандартными соотношениями, составляющими 93,7% всех употреблений конструкций с пассивным причастием. Нестандартными соотношениями называются обозначения статических ситуаций, в которых форма отпричастного прилагательного подверглась лексикализации и семантически во многих случаях отошла от исходного глагола (ср. Буланин 1978:201), например:

(i) Мы целовались потому, что она была девочка, а я мальчик, и потому, что на свиданиях было принято целоваться.

Адамец (1973:122-123) употребляет понятие "демипассив с девербативно-адъективным предикатом" и приводит пример:

(ii) Мне видна дорога.

В нашем исследовании конструкции с лексическим стативом (см. лексический статив в финском языке в сноске 61) остаются за рамками более тщательного анализа.

(6) Мозг ребенка устроен так, что яркий свет ему нравится.

Предложение (5) представляет собой по данной дифференциации результатив, а (6) - статив, потеряв в известной мере свой глагольный характер, обозначает естественное состояние, не являющееся результатом какого-либо действия.

В трактовке Князева (1989b) граница между пассивом и результативом, с одной стороны, и между результативом и стативом, с другой стороны, остается неясной. На наш взгляд, дифференциация между стативом и результативом не нужна, а понятие "результатив" лучше отнести к видовой категории (см. раздел 2.3). В данном исследовании принимается концепция, заключающаяся в дифференциации лишь статива и пассива, включающего и значение названного "результатива" (ср. Siewierska 1984: 140, см. также Буланин 1973, 1978, 1985). Пассив выражает динамическое действие, произведенное над объектом, а статив - состояние без указания на предшествующее действие. Вместе с тем пассиву свойственна либо точная временная локализация действия, либо возможность его включения в цепочку последовательных действий, а статив характеризуется отсутствием временной локализации или ему сопутствуют обстоятельства, подчеркивающие постоянность состояния. К тому же в пассиве сохраняется глагольность причастия-предиката, а в стативе предикат - это лексикализованное адъективированное причастие. Важным различительным признаком между пассивом и стативом является тот факт, что статив не содержит указания на деятеля, а в пассиве деятель может быть эксплицитно выражен или его существование имплицитно. На основе изложенного делается вывод, что предложение со стативом не может считаться пассивом. Таким образом, под перифрастическим пассивом в данном исследовании понимается именно акциональный пассив. Тем не менее следует добавить, что дифференциацию пассива и статива провести не всегда просто, так как в ней следует учитывать, например, семантику исходного глагола, лексическое окружение причастия и т.п.

Статив и пассив отличаются и по своему функционированию в речи. Функцией статива является описание типовых ситуаций - местонахождения, состояния предмета, его внешних либо внутренних признаков, и т.д., а пассив употребляется в повествовании для обозначения дей-

ствий - отдельных или последовательных. Предложение со стативом, таким образом, является семантически более автономным по сравнению с ПК, коммуникативные особенности которой способны содействовать ее важной роли при построении текста. С функциональной точки зрения значение ПК, и в особенности идентификация дефокусированного агенса, предполагает весьма часто отсылку к предшествующему или последующему контексту. В этом учете окружающего контекста, его импликаций, в учете связей с другими предложениями и заключается определение сути функционального назначения ПК (см. Буланин 1985:128, Храковский 1991:170-172, Чагина 1989).

2.3 Аспектуальность и пассив

Между видом и пассивом существует корреляция не только в морфологическом плане, но и в семантическом. Морфологический пассив имеет имперфектное значение, т.е. он выражает действие в процессе его протекания и не способен выражать изменение состояния либо законченный процесс³⁸.

Особенно сильная корреляция существует между перифрастическим пассивом и совершенным видом. По мнению Лейнонен и Эстмана (Leinonen & Östman 1983:185, см. также Князев 1989a:15, Dahl 1984:13), перифрастическая пассивная конструкция имеет в русском языке типичное значение совершенного вида, заключающееся в достижении предела глагольного действия. О важности учета вида в истолковании пассива пишет Кинэн: "If a language has any passives it has ones which can be used to cover the perfective range of meaning" (Keenan 1985:267, см. Comrie 1981a). Это перфектное значение перифрастического пассива, учитывающее как действие, так и достигнутый результат (Siewierska 1988:248),

---

³⁸ Следует добавить, что в общем глагольные формы как морфологического, так и перифрастического пассива имеют те же частные видовые значения, которые свойственны соответствующим активным формам, т.е. для морфологического пассива, в частности, характерно кроме конкретно-процессного значения и ограниченно-кратное значение.

заключается в выражении связи действия в прошлом с планом настоящего, т.е. в соединении в предикативной единице двух связанных между собой временных планов - предшествующего и последующего (Князев 1981, 1989а, 1989б; см. также Недялков и Яхонтов 1983, Томмола 1986). Надежным признаком перфектного значения является способность перфекта пассива сочетаться с какими-либо формами вспомогательного глагола быть (ТФГ 1987:201), например:

(7) Стул поставлен у окна.

В данном примере перфектное значение выражает связь законченного действия в прошлом с наличным результатом этого действия в настоящем: стул был когда-то поставлен у окна и находится там и в данный момент (ср. "результатив" в предыдущем разделе). Перфект пассива предполагает сохранение результата действия так же, как и вообще формы прошедшего совершенного с перфектным значением (см. Бондарко 1971). Если результат явно не сохранился, используется претерит пассива³⁹:

(8) Он был арестован и освобожден позднее.

Перфекту пассива свойственна ненарративность, т.е. неспособность обозначать сменяющие друг друга события в их хронологической последовательности. Часто действие, выраженное перфектом пассива, выделяется как изолированное от реальной последовательности событий. Его употребление может сопровождаться эмоциональной оценкой: в середине повествования вдруг отмечается что-то важное, неожиданное, заслуживающее особого внимания адресата. В обычной повествовательной функции с сменяющимися действиями употребляется претерит пассива в сочетании с формами прошедшего совершенного, облада-

---

³⁹ Совсем по-иному решает проблему перфектности подобного пассива Бидэм. Он утверждает, что предложения типа (i) образуют самостоятельное **видовое** образование, которое обозначает новое состояние, возникшее в результате предшествующего действия, например:

(i) Дом построен.

Это перфектное значение сохраняется, по его мнению, во всех временах (Бидэм 1988:63-67)

ющими основным частным видовым значением совершенного вида, т.е. конкретно-фактическим значением (Князев 1989а:148), например:

- (9) Но мое предложение было выслушано с недоумением, а затем меня просто выгнали на улицу.

В составе сверхфразового единства, однако, как мы позднее заметим, могут выступать несколько форм перфекта со значением последовательности действий с тем ограничением, что эти последующие действия не должны отменять результат предыдущего действия. В целом, употребление перфекта пассива присуще кратким сообщениям, заголовкам, сообщающим о связи с только что случившимся и имеющим целью скорее всего выражение близости действия к моменту речи.

2.4 Агентивность

Агентивность - это лишь одна из возможных характеристик субъекта. Термином "агенс" обозначают производителя действия, т.е. "одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является "источником энергии" этого действия" (ЛЭС 1990:17). Действие, произведенное и контролируемое подобным прототипическим агенсом, является активным, волевым, намеренным. Кроме признака [+одушевленность] агенса, многие лингвисты выделяют и признак [+ответственность] агенса за произведенное действие. В частности, Лакофф считает этот признак агенса одним из важнейших: "Among the prototypical agent properties are VOLITION, CONTROL and PRIMARY RESPONSIBILITY" (Lakoff 1977:248; см. также Keenan 1985, Givón 1979, Leinonen 1982, Leinonen & Östman 1983, Fillmore 1966, 1968, 1971, Hakulinen 1972, Sundman 1987). Названные семантические признаки агенса вызывают среди лингвистов острую дискуссию. В частности, признак [+намеренность] действия трудно идентифицировать лишь на основе семантики исходного глагола. Необходимо, помимо этого, контекстуальное либо прагматическое знание ситуации (см. Pleines 1976, Järventausta 1991). Также признак [+одушевленность] является спорным, так как в

качестве агенса встречаются и неодушевленные существительные, имеющие референтом общность людей, животных, природную силу. Тем не менее в данном исследовании под прототипическим агенсом понимается активно действующий одушевленный производитель контролируемого действия.

В АК обозначение агенса занимает самую сильную позицию в актантной иерархии, подлежащую позицию, но в пассиве он устраняется с этой позиции, и его место занимает объект. В устранении агенса с подлежащей позиции и заключается одна из семантических характеристик пассива: в пассиве грамматический субъект не несет примарной ответственности за действие по сравнению с грамматическим субъектом-агеном актива. Северска отмечает: "The subject in passive clauses is depicted as "bearing no responsibility" for the situation or state in which it is in even if logically it can or must be regarded as somehow responsible" (Siewierska 1984:78). Это, как отмечает Лейнонен (Leinonen 1982:206), семантическая корреляция синтаксической демощи субъекта в пассиве. Устранение ответственности грамматического субъекта является, по мнению Лейнонен и Эстмана (Leinonen & Östman 1983:179-181, 192-193), примарным семантическим признаком пассива. Рассмотрим примеры ПК без лексически выраженного агенса (ср. Shibatani 1985:837):

(10) Дом построен / строился.

Подлежащее **дом** не несет с семантической точки зрения примарной ответственности за действие. В прагматическом плане примарно ответственным за действие является скрытый, анонимный агенс. (Адамец 1973:103, см. также Leinonen 1982; Girke & Weiss 1980). В предложении (10) деятель остается анонимным на уровне предложения. Однако скрытый анонимный агенс, как мы ниже заметим, может конкретизироваться или имплицироваться в контексте. Эта импликация существования агенса считается, в частности, Кинэном (Keenan 1985:254, см. Siewierska 1984:78) самым важным семантическим признаком пассива.

Традиционно единственным стандартным способом выражения агентивности в ПК русского языка является т. наз. агентивное дополнение в творительном падеже (АД), например:

- (11) Дом был построен рабочими.
 (12) Проект разрабатывается инженером.

Присутствие АД (рабочими, инженером) или возможность его введения составляет одну из самых характерных черт как перифрастического, так и морфологического пассива (Князев 1989а:164-165). Понятие агентивное дополнение не удачно, во-первых, в силу синтаксической нагрузки термина "дополнение", и, во-вторых, признак "агентивность" не характеризует таких пассивных конструкций, в которых исходный глагол обозначает, например, восприятие⁴⁰. Так как в большинстве пассивных предложений, имеющих АД, им обозначается производитель действия в смысле выше приведенного определения агенса, мы будем в данном исследовании придерживаться термина "агентивное дополнение", тем более, что это понятие занимает уже устойчивое место в описании пассива в русском языке.

Анализируя пассив в немецком языке, Недялков и Яхонтов (1983) делят АД на две разновидности: на каноническое и неканоническое АД. Под каноническим ими понимается АД, обозначающее активно действующего одушевленного производителя действия или приравниваемый к нему предмет. Неканоническое АД обозначает какую-либо активную силу (оружие, снаряд, кислота, взрыв, буря, дождь, наводнение). В настоящем исследовании для обозначения названных семантических разновидностей используются термины "прототипический агенс" и "непрототипический агенс", отражающие в большей степени семантическое своеобразие категории агентивности. Термины "канонический" и "неканонический" применяются на морфолого-синтаксическом уровне: "канонический" для обозначения агенса (как прототипического так и непрототипического) творительным падежом, а "неканонический" - для его выражения другими, "косвенными", способами.

---

⁴⁰ Подобное наблюдение делает Кинэн в английском языке, отмечая, что: "...the term 'agent phrase' is misleading in that its thematic role (Agent, Experiencer, etc.) is whatever is required by the verb of which it is the understood subject, and need not be specifically Agent, as in the example *Money is needed by the church*" (Keenan 1985:261). В понятие "агенс" включаются в данном исследовании также аргументы, выступающие субъектом психического или чувственного восприятия или субъектом, в пользу (или в ущерб) которого действие совершается, например:

- (i) Напряженная атмосфера чувствовалась всеми присутствующими.

2.4.1 Прототипический агенс

В пассивном предложении прототипический агенс (далее - ПА), т.е. одушевленный производитель действия, принято выражать именем существительным либо местоимением в форме творительного падежа, например:

- (13) Это здание спроектировано Алваром Аалто.
- (14) Первый русский университет был основан Ломоносовым.
- (15) Достоевским было написано около ста рассказов.

В приведенных примерах АД, т.е. Алваром Аалто, Ломоносовым и Достоевским, выполняют все требования, предъявляемые к ПА, т.е. обозначают одушевленного деятеля (человека), производившего обозначаемое в данной ситуации активное действие. Кроме единичного (либо единичных) производителя действия, под ПА мы понимаем и приравняемый к нему предмет, например, общность, коллектив одушевленных производителей и т.п., содержащие указание на лицо. Само существительное характеризуется признаком [-одушевленность], но по своему лексическому значению оно приравнивается к активному деятелю и воспринимается как ПА, например:

- (16) Все лучшее, что достигнуто миром к сегодняшнему дню, должно отразиться в этом зеркале.. (МН 52/ 89:3)
- (17) Если эти действия совершаются группой и влекут за собой гибель людей.. (ЛГ 15/89:2)
- (18) Нынешний год был объявлен ЮНЕСКО годом Мусоргского. (Путешествие 6/89:33)
- (19) В связи с просьбой правительства Швеции Советским правительством было поручено соответствующим советским органам провести рассмотрение и проверку материала относительно Рауля Валленберга.. (МН 42/89:4)
- (20) Организовано оно (обсуждение - MVA) было отделом критики "ЛГ" и редколлекцией журнала "Урал", .. (ЛГ 15/89:4)
- (21) Здание оцеплено милицией, посторонних сюда не пускают. (МН 24/89:5)

Большинство подобных АД представляют собой существительные, обозначающие совокупность производителей действия (мир, группа,

ЮНЕСКО, правительство, редколлегия), а также (отдел, милиция) одновременно и место, в котором действующие лица находятся. АД, однако, может иметь первоначальное значение места, например, учреждения, института, города или страны, и употребляться метонимически для обозначения ПА. Рассмотрим примеры:

- (22) Ученый был послан на собрание университетом.
 (23) Ленинградом совершен беспримерный подвиг в истории Великой Отечественной войны.
 (24) Финляндией проводится миролюбивая внешняя политика.

Здесь в качестве производителя действия имеются в виду в первую очередь люди, представляющие референт АД. Обозначение места остается на заднем плане⁴¹. В приведенных примерах, как и в следующем примере, происходит персонификация, т.е. неодушевленный, но приравняемый к одушевленному деятелю предмет ведет себя подобно ПА:

- (25) - Леонид Петрович, расскажите, пожалуйста, как освещается журналом афганская тема? (ЛГ 15/89:7)

ПА может выражаться и АД, состоящим из количественного слова в сочетании с существительным, обладающим значением производителя действия, например:

- (26) Космос изучается рядом исследователей.
 (27) Этот факт подтверждается множеством ученых.

Кроме АД в творительном падеже ПА может выражаться либо имплицироваться и другими поверхностными структурами (см. 4.1.3, 4.1.4), например, с помощью субъектного детерминанта либо локатива с агентивным значением, обозначающими прямо или косвенно произво-

---

⁴¹ Если заменить творительный падеж местным, то значение предложения коренным образом изменяется: подвиг уже не совершила вся общность людей, а часть, или даже единичное анонимное лицо:

(i) В Ленинграде совершен беспримерный подвиг...

Незаменимость АД в творительном падеже локативным распространителем в примере (23) свидетельствует о том, что в этих случаях имплицитный субъект действия имеет более тесную связь с людьми, чем с местом, в котором находится. Локативная форма В Ленинграде в (i) имеет значение лишь обстоятельства (см. Ванхала-Анишевски 1984:183-185).

дителя действия (см. Keenan 1985:263-265). Эти "косвенные", неканонические средства выражения агенса, однако, привносят с собой семантические контаминации, накладывая на значение субъекта свое собственное значение как формы слова (РГ 1980 II:150-151). Лишь агенс, выраженный АД, отвечает всем требованиям определения ПА, приведенного выше. Чем ниже в актантной иерархии элемент, содержащий агентивное значение (например агентивное определение), тем труднее он осмысливается как производитель действия, названного пассивной формой глагола.

2.4.2 Непрототипический агенс

Непрототипический агенс (далее - НПА), выраженный АД, обозначает, как мы предварительно определили, активную, чаще всего негативную, стихийную силу, каузирующую непроизвольное действие. Обозначение природной силы в качестве деятеля составляет лишь часть значения НПА⁴². Рассмотрим примеры:

- (28) Крыша была унесена ветром.
- (29) Более 100 миллионов гектаров пахотных земель в той или иной степени разрушены эрозией. (НиЖ 8/89:3)

---

⁴² Стихийность действия выражается в русском языке также т. наз. безличной конструкцией (т.е. $N_i V_{3\text{sg n}} N_a$). Рассмотрим примеры:

- (i) Крышу унесло ветром.
- (ii) Генерала убило гранатой.

Данная конструкция отличается от пассивной конструкции, приведенной в примерах (28) и (30), тем, что в ней морфологически маркирован признак независимости процесса от воли субъекта (см. Золотова 1982:153). Адамец, считая приведенные безличные конструкции "демиактивными", отмечает, что в них "субъектом является обозначение какой-нибудь стихийной, природной или роковой силы или какого-нибудь предмета, способного причинить беду кому-то или чему-то, а предикатом - обозначение какого-то, обычно нежелательного, воздействия на кого-то или на что-то" (Адамец 1973:128). По мнению Саль-никова (1977:282), в собственно пассивных конструкциях нежелательность действия остается невыраженной. Кроме существительных, обозначающих природные явления, производителем действия в подобной безличной конструкции могут выступать и названия технических средств, например (см. Ванхала-Анишевски 1983:73-85):

- (iii) Грузовиком сбило старушку.

(30) Лошадь была убита молнией.

Перельмуттер употребляет термин квазиагенс, отмечая, что в пассиве в понятие "субъект действия" включаются "наряду с подлинными производителями действия, подлинными агенсами, также квазиагенсы, в реальности не являющиеся производителями действия, но уравненные с таковыми языковым значением" (Перельмуттер 1987:12)⁴³. Гивон употребляет в связи с природными силами в качестве агенса понятие "семиагенс", т.е. 'полуагенс' (Givón 1979:343).

К сфере НПА мы причисляем также значение инструмента или средства, орудия действия, обозначенного в ПК творительным падежом, например:

(31) Дом был разбит бомбами.

(32) Деревня разрушена танками.

Подобные ПК с орудийным НПА характеризуются тем, что в их семантическом представлении имплицитруется одушевленный производитель действия, каузирующий действие с помощью упомянутого инструмента. Сравним:

(33) Солдаты разрушили деревню танками.

Своего рода средство, инструмент при совершении действия представляет собой следующее выражение в творительном падеже, встречаемое в официально-деловом стиле (и подобные ему указ, распоряжение и т.п.). В нем закон является "инструментом" имплицитруемого законодателя:

(34) Настоящим законом устанавливаются общие принципы государственной молодежной политики.

О настоящем квазиагенсе, на наш взгляд, или скорее всего о каузаторе идет речь при употреблении НПА, не имеющего конкретного референ-

---

⁴³ Недялков и Яхонтов (1983:34) говорят о "квазиагентивных" АД при статических ситуациях, например:

(i) Бочка наполнена водой.

(ii) Деревня окружена горами.

та, а обозначающего абстрактное понятие, например, причину, образ действия и под.⁴⁴ Этот каузатор уравниен с подлинным агенсом лишь своим языковым значением, но в реальности он не производит действие, и с его помощью нельзя произвести действие (ср. НПА со значением инструмента, средства). Рассмотрим примеры:

- (35) Мирное развитие экономики страны было прервано нападением Германии.
- (36) В отличие от привычных нам холмов суши, глубоководные холмы созданы вулканической деятельностью. (Князев 1989а:166)
- (37) Но преодоление сталинизма и превращение в нормальное общество определяются не одной экономикой. (МН 52/89:3)
- (38) Оно (отравление - MVA) вызывается микродозами множества токсичных веществ. (НиЖ 11/89:33)

В этих примерах квазиагенса, НПА, выраженный АД, становится каузатором другого явления. Подобные ПК в основном характерны для научно-абстрактных текстов.

2.5 Аффектность подлежащего

Аффектность грамматического субъекта, подлежащего, представляет собой интегральное семантическое свойство прототипического пассива и является непосредственным следствием того, что подлежащим выступает объект. С аффектностью подлежащего тесно связана переходность: в русском языке только прямое дополнение способно стать подлежащим в пассиве (Comrie 1981b:77)⁴⁵.

⁴⁴ По мнению Золотовой, "имена отвлеченного значения (движение, волнение..) не могут обозначать деятеля, субъекта. Называемые ими понятия не могут действовать, они сами обозначают действия, состояния, признаки... эти слова должны сочетаться в тех или иных моделях либо с названием субъекта - носителя признака, состояния, либо в значении причины, каузирующей другое действие, состояние, качество" (Золотова 1982:124).

⁴⁵ В русском языке, как уже неоднократно отмечалось, происходит промация прямого дополнения. Лишь с некоторыми глаголами возможна и промация непрямого дополнения, например (Адамец 1973:105):

(i) **Такой успех достигается** редко.

Аффектность подлежащего внешним агенсом отличает морфологический пассив от АК с возвратным глаголом, в которых подлежащее аффицировано своим действием (Shibatani 1985:840-841), например:

- (39)   **Калитка открывается Олегом.**
 (40)   **Калитка открывается.**

В предложении (39) действие совершается агенсом - **Олегом**, а в (40) **калитка** будто бы сама совершает действие. Кинэн (Keenan 1985:254) подчеркивает, что семантическое различие между морфологическим пассивом и рефлексивом состоит в импликации существования внешнего агенса. Однако импликация агенса не является достаточным критерием, если у исходного глагола имеется параллельная возвратная форма глагола: для дифференциации пассива нужно эксплицитное АД, как в примере (39). Формальное совпадение рефлексива и морфологического пассива приводит к тому, что морфологический пассив не выступает - за редкими исключениями - с одушевленным подлежащим-объектом⁴⁶. Перифрастический пассив свободно сочетается и с одушевленным подлежащим-объектом (Shibatani 1985, Siewierska 1984, Leinonen & Östman 1983). Сравним:

- (41)   **Кошка мылась.**
 (42)   ***Кошка мылась девочкой.**
 (43)   **Кошка была вымыта девочкой.**

Хотя вместо морфологического пассива с одушевленным подлежащим-субъектом чаще всего употребляется неопределенно-личная конструкция (44), он нечасто встречается особенно в официальном стиле (45):

Кроме того, в его северных диалектах русского языка встречаются ПК, в которых не происходит промоции, а объект действия сохраняет свой синтаксический статус (ii), а также ПК, в которых предикат не согласуется с подлежащим (iii) (Timberlake 1976:550-551, см. также Храковский 1991:156-157):

- (ii)   **У меня было теленка зарезано.**
 (iii)   **Переехано было дорога тут.**

⁴⁶ С рефлексивом и пассивом тесно связан и вопрос об однореферентности: в рефлексиве субъект и объект могут быть частично либо полностью однореферентны (i), а использование пассива исключается, если объект действия представляет собой референт части тела производящего действие агенса (ii):

- (i)   **Он накрылся одеялом.**
 (ii)   ***Голова была поднята им.**

- (44) Больного оперировали утром.
 (45) Гости принимаются в актовом зале.

Многие исследователи (Храковский 1974, Siewierska 1984, 1988, Comrie 1977) делят пассивные конструкции на личные и безличные на основе того, имеется ли в поверхностной структуре эксплицитно выраженное подлежащее, которое может быть аффектировано внешним действием со стороны агенса: отсутствие подлежащего, т.е. невозможность его аффектируемости, либо его выражение не именительным падежом, приводит к специфической поверхностной форме предиката: как перифрастический, так и морфологический пассивы получают т.наз. безличное оформление. Подобные ПК употребляются в основном с глаголами, обозначающими способ коммуникации, речемыслительной деятельности. Объект этой коммуникации выражается чаще всего предложно-падежной конструкцией, например:

- (46) На собрании говорилось о работе со школьниками.
 (47) Об этом будет сообщено в "Московских Новостях".

Следует подчеркнуть, что термин "безличность" характеризует лишь поверхностно-синтаксические свойства подобных конструкций⁴⁷. В семантическом и прагматическом плане они предполагают существование личного деятеля. Поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно говорить о личной и безличной ПК, а последние следует называть бесподлежащими.

2.6 Пассив и неопределенно-личная конструкция

Как с семантической, так и с функциональной точек зрения с собственно ПК тесно соотносится т.наз. неопределенно-личная конструкция, представляющая собой в морфологическом и синтаксическом плане АК. Например, сторонники диатезной теории причисляют неопределенно-

---

⁴⁷ Ружичка (1963:25) говорит о безлично-пассивной трансформации лично-пассивных конструкций (безличность понимается как структурное свойство), например:

- (i) Конкурс был объявлен. - Было объявлено о конкурсе.

но-личную конструкция к числу ПК на основе того, что в ней, как и в собственно пассивных конструкциях семантический субъект не занимает места подлежащего, а он устранен с данной позиции⁴⁸. Принимая подход диатезной теории, Зимек (1978:82, см. также Комарек 1988:119-120) называет как пассивные, так и неопределенно-личные конструкции "деагентивными" конструкциями с пассивной перспективой, т.к. в них субъект действия отодвинут с позиции подлежащего. В этом, по его мнению, заключается "пассивное значение" и неопределенно-личной конструкции. В данном исследовании мы исходим из того положения, что неопределенно-личная конструкция, являющаяся формально активной, способна, однако, в русском языке выполнять ту же основную функциональную задачу, что и собственно ПК, т.е. дефокусировать агенс. Вследствие различий в поверхностной структуре между неопределенно-личной и ПК наблюдаются также небольшие несходства в их семантической характеристике. Рассмотрим следующие примеры:

(48) Школа была построена в прошлом году.

(49) Школу построили в прошлом году.

В ПК (48) подлежащее **школа** аффектировано действием, а в неопределенно-личной конструкции (49) - дополнение **школу**. Некоторые лингвисты приводят в качестве различительного признака между данными конструкциями понятие "ориентация": в ПК говорящий считает исходным пунктом сообщения семантический объект (школа), а в неопределенно-личной конструкции действие представлено как исходящее от "неопределенно-личного" участника ситуации, который опущен (Klaiman 1988:40-41; Бондарко 1976:228-232). Лейнонен и Эстман видят различие между данными конструкциями в том, что в неопределенно-личной конструкции нулевой агенс является ответственным за действие, а в ПК этот признак не маркирован: "...dummy" Agent (they, people) of indefinite personal constructions is the one that is responsible for the action, only, it has to be kept anonymous for pragmatic reasons" (Leinonen & Östman 1983:180). Анонимность имплицитного человеческого субъекта подчеркивает и Адамец (1973:58-59), считающий "деконкретизацию субъекта" характерной чертой неопределенно-личных предложений.

---

⁴⁸ Храковский (1991:168-170) подчеркивает, что неопределенно-личная конструкция представляет собой лишь функциональный синоним собственно ПК, отличаясь от них многими грамматико-семантическими свойствами.

С точки зрения данного исследования большой интерес представляет вопрос о статусе производителя действия, конкретного деятеля, устраненного как в ПК, так и в неопределенно-личной конструкции. Неопределенно-личная конструкция отличается от прототипических ПК без АД тем, что в ней одушевленный субъект инкорпорируется в личной форме глагола, и поэтому она не допускает включения АД подобно собственно ПК. Так как личная форма глагола содержит в своей глубинной структуре неконкретное значение деятеля, действие совершается именно человеческим субъектом или субъектами (Адамец 1973:59). ПК, в зависимости от лексического значения исходного глагола, может дифференцироваться по признаку [$\pm$ личность] производителя действия, например:

- (50) Лодку разбили.
 (51) Лодка была разбита.

В предложении (50) в качестве производителя действия имплицитно подразумевается личный субъект (единичное или неопределенно-совокупное лицо), а в (51) снимается оппозиция личного и неличного субъекта (Храковский 1991:168-169)⁴⁹. Следует, однако, подчеркнуть, что в большинстве пассивных конструкций, как мы отметили в связи с рассмотрением ПА и НПА, речь идет о намеренной, человеческой деятельности.

Золотова, сопоставляя ПК с неопределенно-личной конструкцией, исходит из одинакового неопределенно-личного значения следующих предложений:

- (52) Лошадей подали.
 (53) Лошади поданы.

Она отмечает, что "неопределенно-личное значение создается не устранением подлежащего, а устранением субъекта действия, агенса в разных его позициях (в том числе и в подлежащей)" (Золотова 1982:109). Далее Золотова пишет, что в подобных конструкциях субъект

---

⁴⁹ В отличие от собственно ПК, формирующейся на основе переходных глаголов, неопределенно-личная форма глагола может быть образована и от непереходных глаголов с тем ограничением, что действие совершается лицом, например:

(i) За стеной шумели.

определенно имплицитруется, но "опускается за ненадобностью или по неведению" (Золотова 1982:108). Как в пассивной, так и в неопределенно-личной конструкции происходит семантическая нейтрализация действующего лица. Нам представляется бесспорным, что неопределенность производителя действия или его анонимность характеризует данные конструкции (52 и 53) на уровне пропозиции, но если рассматривать подобные предложения с учетом контекстуальных импликаций, "неопределенность" агенса весьма часто конкретизируется в окружающем контексте. Например, для неопределенно-личных предложений наличие локативного компонента, указывающего прямо или косвенно на действующее лицо, очень характерно. Князев (1978:128, см. также Адамец 1973:59-60) пишет, что такой "локальный определитель" может как в пассивных, так и неопределенно-личных конструкциях быть структурно обязательным, служащим субститутутом элиминированного субъекта, например:

(54a) В институте провели эксперимент.

(55a) В деканате ему объявили выговор.

Локатив обладает "квазисубъектным" статусом: предложно-падежное сочетание несет информацию о скрытом одушевленном субъекте, но не эксплицитует его. Оно обозначает неточное, неопределенное множество действующих лиц, идентифицируемых из числа людей, находящихся в месте, обозначенном локативом. (см. Ружичка 1988:216-217). Так же производитель действия имплицитруется в параллельных ПК:

(54b) В институте был проведен эксперимент.

(55b) В деканате ему был объявлен выговор.

Предложения типа (54a, 55a) и (54b, 55b) являются функциональными эквивалентами: в них производитель / производители действия идентифицируются из референтной группы локатива. Кроме обозначения множества действующих лиц, чаще всего исключающего самого говорящего, в неопределенно-личной конструкции, как и в пассиве, скрытый субъект-агенса может вполне эксплицитно идентифицироваться контекстом или прагматическим знанием ситуации. Рассмотрим примеры (Кубик 1974: 83-84):

(56) Почту принесли.

(57) Вас предупреждали. Почему вы не послушались?

В (56) обозначается единичное, известное из ситуации лицо (почтальон принес почту), в (57) речь идет либо о самом говорящем, либо о группе деятелей, включающей говорящего. Таким образом, идентификация конкретного производителя или производителей часто обусловлена знанием окружающего контекста или соответствующей внеязыковой ситуации. Само собой разумеется, что действующее лицо может быть вполне неопределенным, близким по значению выражениям типа "кто-то, какие-то люди", либо обобщенным со значением "вообще люди", например:

(58) Говорят, что друзья познаются в несчастье.

В данном примере неопределенно-личная форма глагола имплицитно обозначает агенса. Подобной функцией, как мы в дальнейшем заметим, обладает и пассивная форма глагола.

В заключение можно отметить, что неопределенно-личная конструкция, хотя она в формально-синтаксическом плане не причисляется к пассивным, занимает прочное место рядом с ними, тем более, что ей в большинстве случаев соответствуют ПК других языков. Например, Алисова (1973), сравнив русский, итальянский и французский языки, отметила очень большую корреляцию между русскими неопределенно-личными конструкциями и ПК исследуемых ею языков. Подобные наблюдения о соответствии неопределенно-личной конструкции финскому пассиву в переводах художественной литературы сделала Хуотари (1972). В данном исследовании мы исходим из того, что неопределенно-личная конструкция, представляя собой функциональный инвариант ПК русского языка, способна служить функциональным эквивалентом и финского пассива.

2.7 Выводы

Основу рассмотрения пассива русского языка в данном исследовании составляют морфологический пассив и перифрастический пассив, обозначающий акциональность действия. Перифрастический пассив также отличается способностью выражать перфектное значение, т.е. наличный результат предшествующего действия. В функциональном плане перфектное значение пассива проявляется в возможности выражения в повествовании, кроме последовательных результативных действий, также изолированного от окружающего контекста действия. Это значение, как мы позднее заметим, особо ярко характеризует пассивную форму глагола в инициальной позиции предложения.

Существенным синтаксическим признаком русского пассива является наличие или возможность введения поверхностного агенса, канонически выраженного агентивным дополнением. Хотя в большинстве ПК русского языка отсутствует лексически выраженный агенс, он, однако, по сравнению, например с финским языком, в морфолого-синтаксическом плане включаем в поверхностную структуру в виде АД. Возможность введения внешнего агенса отличает морфологический пассив от омонимичной рефлексивной конструкции. Кроме этого, формально совпадающие морфологическая пассивная конструкция и рефлексивная конструкция дифференцируются по афферктности подлежащего: морфологический пассив весьма редко выступает с подлежащим, имеющим одушевленный референт.

Помимо морфологического и перифрастического, "настоящих", пассивов, нами была кратко охарактеризована также неопределенно-личная конструкция, являющаяся в морфолого-синтаксическом отношении активной, но выполняющая эквивалентную с ПК функцию, т.к. она способна дефокусировать производителя действия. Она, в силу своей личной формы глагола, имплицитно подразумевает человеческого производителя действия, идентифицируемого весьма часто в окружающем контексте с помощью локатива.

3 ПАССИВ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

3.1 Общие положения

В традиционных грамматиках финского языка представлено единое мнение о существовании двух залогов, актива и пассива, в финском языке (Penttilä 1963, Hakulinen 1968, Hakulinen & Karlsson 1988). В них актив характеризуется, в частности, тем, что в нем деятель является определенным, а в пассиве - неопределенный подразумеваемый деятель. Противопоставление актива и пассива в финском языке основывается на соответствующих категориях актива и пассива в индоевропейских языках. Однако об обоснованности употребления термина "пассив" относительно финского языка высказываются и другие мнения, хотя по содержанию на самом деле мало отличающиеся от традиционного понимания. Нуутинен (Nuutinen 1981:23; см. также Östman 1981, Vilkkuna 1989, Володин 1983) наряду с термином "пассив" употребляет и понятие "имперсонал"⁵⁰. Ярвентауста (Järventausta 1991:184) использует термин "das pluralische Indefinitum". Суть предложенных понятий совпадает с

---

⁵⁰ Касательно финского пассива под "безличностью" понимается в разных исследованиях либо неспособность пассивного предиката иметь свои окончания для выражения разных лиц, либо невозможность включения в поверхностную структуру деятеля, "агентивного дополнения" (см. подробнее Tuomikoski 1971:146-151, Leinonen 1985:8-9, Kangasmaa-Minn 1980:57-61).

традиционным определением пассива: деятель в пассиве не может быть выражен каким-либо каноническим способом (ср. АД в русском языке), и на основе глагольной формы производитель действия понимается неопределенным. К тому же, термин "das pluralische Indefinitum" имплицитирует неопределенное множество производителей действия. Этот факт подчеркивается и в подходе Кангасмаа-Минн (Kangasmaa-Minn 1980:70; см. также Östman 1981:289), предлагающей вместо пассива термин "indefinite active plural". По ее мнению, вместо пассива следовало бы говорить об активе, имплицитирующем неопределенное количество деятелей⁵¹.

Также Шор (Shore 1986:15-17, см. Karlsson 1982:169), исходя из того, что в финском языке пассивная форма глагола выражает неопределенность действующего лица, предлагает вместо пассива термин "индефинит" (indefiniitti), а вместо актива - "дефинит" (definiitti). Она сравнивает финский индефинит с пассивом английского языка, который считает прототипическим пассивом, и находит, кроме сходств, много различий⁵². Основное различие заключается, по ее убеждению, в том, что английский пассив используется в первую очередь для изменения ФПП (Shore 1986:17, 77). Несмотря на это, как для пассива, так и для индефинита можно найти общую черту: оба они позволяют устранить производителя действия. Устранение деятеля, однако, не означает, что его референт всегда неопределенный либо неизвестный. На основе сравнимого в данном исследовании материала доказывалось, что очень часто скрытый агенс, кроме неопределенно-личного либо обобщенного субъекта, обозначает определенную группу или даже одно определенное лицо, имплицитируемое либо эксплицитно конкретизируемое в окружающем контексте. Вследствие этого мы не считаем обоснован-

---

⁵¹ Шлахтер критикует подход Кангасмаа-Минн, считающей финский пассив не пассивом, а активом. Он пишет: "Es ist freilich zu berücksichtigen, dass sie (die Unbestimmtheit - MVA) auch bei bestimmten Aktivformen, besonders bei der 3. Sg. Präs. vorkommt; man kann deshalb nicht einfach die Bezeichnung 'Passiv' durch 'Indefinitform' ersetzen, wengleich zuzugeben ist, dass die Unbestimmtheit sich im Aktiv auf generische Sätze beschränkt." (Schlachter 1985:99).

⁵² Андерсен (Andersen 1990:197) аргументирует противоположное: по его трактовке, именно финский пассив с неопределенным личным окончанием представляет собой прототипический пассив, (как и морфологический пассив в русском языке), так как сама глагольная форма уже содержит указание на субъект. (Перифрастический пассив русского языка, по его мнению, является не пассивом, а объектным результативом, так как в нем подчернуто обозначается результативность действия [ср. Beedham 1982, Бидэм 1988]).

ным прибегать к термину "индефинит", а придерживаемся термина "пассив" также относительно финского языка, хотя и признаем несоответствия его определения по сравнению с пассивом в индоевропейских языках. Термин "пассив", по нашим соображениям, хорошо фиксирует сигнификативные сходства соответствующих морфолого-синтаксических категорий в финском и русском языках. К тому же, для сравнения явлений двух языков целесообразно оперировать одинаковыми терминами, если это только возможно, тем более что данная категория в грамматической теории рассматриваемых языков уже занимает прочное место.

С морфологической точки зрения финский пассив представляет собой глагольную категорию, образуемую с помощью морфемы *-(T)TA-* и личного окончания *(-Vn)*⁵³. Данная морфема имеет каузативное происхождение и обозначает деятеля, каузирующего действие⁵⁴. По происхождению эта морфема восходит к аблативу как скрытому падежу каузатива. В некоторых выражениях народной речи аблатив как поверхностный падеж выражения агенса сохранился (Kangasmaa-Minn 1980:58-60, см. Andersen 1989), например:

- (1) *Se on siltä tehty, mikä meiltä on tekemättä,*
то есть он-Абл сделать-2.ПричПас, что мы-Абл есть не сделать-
Абесс 3.Инф, ..
sanoi akat ruumiista. (Siro 1977:35)
'Сделано им то, что нами не сделано, сказали бабы о трупe.'

По предположению Кангасмаа-Минн (Kangasmaa-Minn 1980:59-60), подобные аблативные формы выражения агенса не исконно финские,

⁵³ Данным синтетическим способом образуются глагольные формы настоящего (презент) и простого прошедшего времени (имперфект, в котором добавляется суффикс прошедшего времени), перфект и плюсквамперфект образуются перифрастически, аналитическим способом, т.е. сочетанием связочного глагола быть (форма 3. лица единственного числа соответствующего времени и наклонения) и второго страдательного причастия.

⁵⁴ Личное окончание *-Vn* происходит из *-*hen* (< *-*zen*), представляющее собой то же самое окончание, которое лежит и в основе окончания 3. лица ед. числа в диалектных формах возвратного глагола (*laskiin* < *laskihen* 'laskeutui' [спустился]) (Nakulinen 1968:196). Это доказывает, что в финском языке каузативность, рефлексивность и пассивность тесно переплетаются друг с другом. Об этом и о происхождении финского пассива см. Nakulinen (1968), Lehtinen (1984), Schiefer (1983), Schlachter (1985).

а представляют собой прямой формальный эквивалент агентивного дополнения ПК германских языков. В официальном языке прошлого века встречались следующие выражения с поверхностным обозначением деятеля, прямо переведенные с шведского языка, например:

- (2) Susi ammuttu minulta ja korvat leikattu nimismieheltä.
 волк-Ном застрелить-2.ПричПас я-Абл и уши-Ном отрезать-2.ПричПас инспектор-Абл
 'Волк застрелен мною и уши отрезаны инспектором.'

В предложении (2) речь идет о получении денег за отстрел волка, и как доказательство следовало показать уши волка, отрезанные инспектором. Даже сам Лённрот жаловался (Kangasmaa-Minn 1980:60, см. также Schlachter 1985:25-27):

- (3) On vahinko, että agentti niin monelta väärinkäytetään!
 есть жаль, что агенс так многий-Абл неправильно-употреблять-ПасПрез
 'Жаль, что агенс многими людьми неправильно употребляется.'

В современном финском языке подобные пассивные предложения с аблативом имеют не-агентивное значение, и аблатив в поверхностной структуре принял полностью функцию обстоятельства (есть несколько исключений, к которым вернемся позднее), занимающего более низкий ранг в актантной иерархии. В поверхностной структуре пассивного предложения нет места для второго выражения деятеля, поскольку каузативный элемент -(Т)ГА- уже содержит скрытый субъект. По мнению Андерсена, в этом обозначении скрытого субъекта в самой пассивной форме глагола заключается основная функция финского пассива, т.е. "die Referenzvermeidung des "Subjekts" (Andersen 1989:192). Именно это стремление избежать прямого названия действующего лица и соответствует в функциональном плане дефокусировке агенса как основной функции пассива и в русском языке.

В следующих разделах будут рассматриваться характерные черты финского пассива, отличающие его от собственно ПК индоевропейских языков, в частности и от пассива русского языка. Финский пассив, как уже отмечалось, не допускает поверхностного выражения деятеля,

подобного АД. К тому же пассивная форма глагола образуется и от непереходных глаголов, предполагающих в качестве деятеля одушевленного производителя действия - человека. В финском пассиве прямое дополнение не поддается промоции, но оно сохраняет свой синтаксический статус. Особенностью финского пассива также является его "моноперсональность", т.е. неспособность глагольной формы дифференцироваться по лицу и числу.

3.2 Моноперсональность

Формально ПК финского языка представляет собой не личный залог в смысле ПК индоевропейских языков, а "моноперсональный", 'yksipersonoinen' (Tuomikoski 1971:149-150), т.е. он обладает глагольными формами выражения, не дифференцированными по лицу или по числу, например:

- (4) **Minut / meidät kutsuttiin tanssiaisiin.**
я-Акк / мы-Акк пригласить-ПасПрез бал-Иллат
'Я была приглашена / мы были приглашены на бал.'
- (5) **Talo / talot rakennettiin puusta.**
Дом-Акк/Ном / дома-Акк/Ном строить-ПасПрет
'Дом был построен / дома были построены из дерева.'

Из этого, как выше указывалось, иногда делается вывод о безличности финского пассива. Противоположного мнения Туомикоски (Tuomikoski 1971:149), а также вслед за ним Хакулинен и Карлссон (Hakulinen & Karlsson 1988:254-255), утверждающие, что личное окончание финского пассива является т.наз. четвертым лицом, т.е. общим лицом, 'yleispersonaa', в котором оппозиция единственного / множественного числа не представлена⁵⁵. С синтаксической точки зрения проблема числа отра-

⁵⁵ Итконен (Itkonen 1966:272) считает пассив моноперсональным залогом, а саму форму - формой 3. лица ед. числа. По его утверждению, финский пассив представлял собой раньше многоперсональный залог подобно пассиву в индоевропейских языках и пассиву в саамском языке, в котором он все еще является многоперсональным. С ним соглашается также Хакулинен (Hakulinen 1968:456). Кангасмаа-Минн считает формы множественного числа явлениями более позднего периода, даже возможными заимствованиями по

жается и в недифференцированности управления (Nakulinen & Karlsson 1988:254):

- (6a) Oltakoon mitä mieltä tahansa.
 быть-Импер 3.Sg какое мнение-Парт угодно
 'Пусть существует какое угодно мнение.'
- (6b) *Oltakoot mitä mieltä tahansa.
 быть-Импер 3.Pl какое мнение-Парт угодно
- (7a) Täällä ollaan iloisia.
 здесь быть-ПасПрез веселые-Парт
 'Здесь веселятся.'
- (7b) *Täällä ollaan iloista/iloinen.
 здесь быть-ПасПрез веселый-Парт/веселый-Ном

В императиве допустимо лишь единственное число глагола, а вместе с предикативом (7a) предикативное слово употребляется во множественном числе⁵⁶. Шлахтер (Schlachter 1985:23) отрицает существование 4. лица и говорит о вторичной функции 3. лица единственного числа с обобщенным значением. В некоторых случаях, особенно с модальными глаголами (см. Nakulinen & Karlsson 1988:254), различие в значении между пассивной формой глагола и обобщенной формой 3. лица стирается, например:

- (8) Huomenna voi nukkua pitkään.
 'Завтра можно / можешь поспать подольше.'
- (9) Huomenna voidaan nukkua pitkään.
 завтра мочь-ПасПрез спать подольше
 'Завтра можно поспать подольше.'

аналогии из шведского языка (Kangasmaa-Minn 1980:58-60).

⁵⁶ Шор (Shore 1986:18) приводит следующие примеры употребления пассива с предикативным словом в единственном числе:

- (i) Oltiin niin siloposkea että. Luultiin kai tehtävän vaikutusta.
 быть-ПасПрет такая гладкая щека-Парт ..
 'Как ты тогда хорошо побрился. Считал наверняка, что производишь и хорошее впечатление.'
- (ii) Osataan sitä täälläkin olla herttaista poikaa.
 уметь-ПасПрез оно-Парт здесь-тоже быть милый парень-Парт
 'Я тоже умею быть милым.'

Подобные случаи, однако, как отмечает и Шор, составляют исключение. В разговорной речи встречаются примеры и с адъективным предикативным словом единственного числа:

- (iii) Kylläpä sitä nyt ollan tyytyväinen!
 быть-ПасПрез доволен-Ном
 'Как мы довольны!'

В (8) речь идет о любом человеке, но и в (9) пассивная форма глагола имеет обобщенное значение.

Хотя на основе поверхностной структуры ПК нельзя определить, одно или много лиц совершили действие, нередко действующее лицо конкретизируется в контексте либо упоминается группа, на основании которой деятель / деятели идентифицируются. Как мы в дальнейшем заметим, особенно в разговорной речи к пассиву прибегают и для обозначения одного деятеля, ситуационно вполне идентифицируемого говорящим и адресатом.

3.3 Отсутствие канонического выражения агенса

В финском языке ПК, как уже было указано выше, не допускает фиксированного, "канонического", выражения деятеля, аналогичного АД в русском языке, но, так как пассивная форма глагола основывается на каузативном суффиксе, субъект действия как бы уже содержится в самой глагольной форме. Он прототипически указывает на человека, действующего намеренно, волитивно, например:

- (10) Kirjoituksessa käsiteltiin naisen asemaa.
статья-Инесс рассматривать-ПасПрез положение-Парт
'В статье рассматривалось положение женщин.'
- (11) Rehn nimitettiin puolustusministeriksi.
Рен-Акк/Ном назначить-ПасПрет министр-Транс
'Рен была назначена министром обороны.'

Есть, однако, и исключения из этого правила: пассивная форма может быть образована и от глаголов, обозначающих действие, зависящее не от воли человека, а каузируемое неидентифицируемой внешней силой (Kangasmaa-Minn 1980:61). В следующих примерах имплицитный субъект представляет собой не прототипический агент, а субъект восприятия, экспериенсер:

- (12) Ennen kuoltiin nuorina.
умирать-ПасПрет
'Раньше умирали молодыми.'

- (13) Afrikassa nähdään nälkää.
видеть-ПасПрез голод-Парт
'В Африке голодают.'
- (14) Suomessa sairastetaan paljon.
болеть-ПасПрез
'В Финляндии много болеют.'

В этих примерах скрытый субъект действия испытывает действие, обозначенное пассивной формой глагола. В предложениях (13) и (14) локативы **Suomessa** и **Afrikassa** имплицитуют, из какой совокупности лиц субъект действия идентифицируем. Признаки [+одушевленность] и [+человечность] имплицитуемого деятеля отличают, в частности, пассив финского языка от пассива большей части индоевропейских языков, в том числе, и от пассива английского языка, в котором агенс тоже прототипически должен обозначать человека, хотя это не обязательно. Рассмотрим формально эквивалентные примеры (ср. Shore 1986:77):

- (15) - What happened to your first husband?
- He was killed.
- (16) - Mitä tapahtui ensimmäiselle aviomiehellesi?
'Что случилось с твоим первым мужем?'
- Hänet tapettiin.
он-Акк убить-ПасПрет
'Он был убит.'

В английском языке, в зависимости от контекста, возможно и истолкование, что муж погиб на войне, в аварии, а финский пассив (как с данным глаголом и русский пассив) имплицитует лишь одушевленного человеческого деятеля. Если причиной смерти была, например, катастрофа, пассивная форма глагола исключается и следует использовать другие выражения (*hän sai surmansa* 'он погиб'). Очень редки случаи, в которых в финском языке под агенсом не подразумевается человек, например:

- (17) Ne (= lintujen pesät - MVA) rakennetaan ennen kaikkea munia ja poikasia varten. (Korpela 1984:15)
'Они (= гнезда птиц) строятся прежде всего для яиц и птенцов.'

В этом предложении **птица** в качестве деятеля сопоставляется с сознательно действующим прототипическим агенсом, т.е. животное будто бы персонифицируется. В сказках, разумеется, подобное употребление пассива обоснованно, но в нейтральном стиле могут возникнуть недоразумения: без контекста действие предложения (17) воспринимается как совершенное человеком.

Несмотря на то, что в финской ПК не может быть АД, в деловом стиле встречаются попытки к каноническому выражению производителя действия. Поэтому в канцелярском стиле (см. Vihonen 1966) в ПК стали употребляться конструкции типа *jonkun taholta, toimesta, puolesta* 'по чьему-либо поручению, с чьей-нибудь стороны', указывающие на инициатора действия:

- (18) **Poliisin taholta ei anneta lausuntoa.**
'Милицией (досл. со стороны милиции) не выдается заявление.'
- (19) **Tiedekunnan toimesta on anottu lisää määrärahoja tutkimustoimintaa varten.**
'По инициативе факультета запрошены дополнительные ассигнования на исследовательскую работу.'

В предложениях деятель выражается дважды, т.е. он, во-первых, инкорпорирован в глагольной форме, и, во-вторых, обозначается конструкцией с послелогом, который по структуре имеет сходство с аблативом, скрытым падежом каузатива. В подобных предложениях возникает семантическое противоречие: с одной стороны, сама пассивная форма указывает на неопределенность деятеля, а, с другой стороны, конструкция с послелогом стремится к его конкретизации. В примерах (18) и (19) финский пассив с косвенным выражением агенса напоминает ПК с АД в индоевропейских языках, которой, как мы отметили выше, в обозначении достигнутого состояния (ср. перфектное значение русского пассива) может в финском языке соответствовать АК с агентивным причастием. От настоящей ПК без формального указания на деятеля, эта конструкция, кроме своей структуры активного предложения, отличается и тем, что в ней, во-первых, выражение субъекта в форме генитива обязательно, и, во-вторых, производителем действия помимо ПА может быть и НПА, т.е. причина, каузатор, например: Tämä

puu on tuulen kaatama ('Это дерево свалено ветром'), Hiusten lähtö on sairauden aiheuttama ('Выпадение волос вызвано болезнью').

3.4 Аффектность дополнения

В финском пассиве не происходит промоции грамматического объекта, а он сохраняет свой синтаксический статус и в пассиве, т.е. в нем дополнение, а не подлежащее как в русском пассиве, аффектировано внешним действием. Сохранение синтаксического статуса дополнения представляет собой реликт каузативного прошлого пассива, т.е. в глагольной форме инкорпорирован деятель, действие которого направлено на объект (Schlachter 1985:86-87)⁵⁷. Рассмотрим следующие примеры:

- (20) Äiti osti aamulla leipää / moottoripyörän.
хлеб-Парт / мотоцикл-Акк/Ген
'Мама купила утром хлеба / мотоцикл.'
- (21) Aamulla ostettiin leipää / moottoripyörä.
утром купить-ПасПрет хлеб-Парт / мотоцикл-Акк/Ном
'Утром купили хлеба / был куплен мотоцикл.'

В активном предложении (20) имеются подлежащее и прямое дополнение. В пассивном предложении (21) дополнение сохраняет свой синтаксический статус, только его поверхностный падеж при обозначении результативности действия приобретает поверхностный падеж аккузатива-номинатива⁵⁸. Подлежащего в пассивном предложении нет, но скрытый семантический субъект составляет часть значения пассивной

⁵⁷ По утверждениям Хакулинен (Hakulinen 1968:197), предшественником финского пассива служил многоперсональный пассив, в котором нынешнее дополнение представляло собой подлежащее, например: siemen kuivettijn, 'kuivettiin' или kuivatettiin, т.е.. kuivui (семя засохло).

⁵⁸ В пассиве прямое дополнение выражается либо аккузативом либо партитивом, как и в активе: аккузатив/номинатив используется в пассиве при "тотальном охвате объекта действием", а партитив соответственно - при "нетотальном охвате объекта действием" (см. Томмола 1986:60-61).

формы глагола⁵⁹. Объект-дополнение часто в нейтральном стиле переносится в начальную позицию предложения и в этом отношении финский пассив похож на пассив индоевропейских языков, которые отличаются от финского, однако, промоцией дополнения (Nakulinen & Karlsson 1988:255)⁶⁰. Также в финском языке отмечается стремление к субъективации приглагольного объектного аргумента. Семантическое сходство между ПК с начальным дополнением (22) и АК с предикативным причастием и с начальным подлежащим (23) приводит к тождеству:

- (22) **Laatikot on tehty puusta.**
ящйки-Акк/Ном есть-3.Sg сделать-2.ПричПас
'Ящйки сделаны из дерева.'
- (23) **Laatikot ovat puusta tehdyt.**
ящйки-Ном есть-3.P1 из дерева сделать-2.ПричПас-Ном Мн.ч.
'Ящйки сделаны из дерева.'

Последняя, АК (23) в силу синтаксического согласования подлежащего (ящйки) и с предикативной частью сказуемого напоминает ПК индоевропейских языков⁶¹. Сближение отмечается также между дополне-

⁵⁹ Следует еще раз подчеркнуть, что в финском языке активное и пассивное предложения, в частности, в силу синтаксического некодирования агенса, не представляют собой оппозицию, характерную для индоевропейских языков.

⁶⁰ В финском языке с определенными глаголами, обозначающими речемыслительную деятельность, восприятие и т.п. в качестве объекта может помимо придаточного предложения выступать причастный оборот, субъект которого, как и причастие, выражается в поверхностной структуре аккузативом-генитивом, например:

- (i) **Pekan oletetaan saapuvan tänään.**
Пекка-Ген предполагать-ПасПрез приехать-1.ПричАкт-Ген сегодня
<= Oletetaan, että Pekka saapuu tänään.
'Предполагается, что Пекка приедет сегодня.'
- (ii) **Uskottiin parempien aikojen koittaneen.**
верить-ПасПрет лучшие времена-Ген наступить-2. ПричАкт-Ген
<= Uskottiin, että paremmat ajat olivat koittaneet.
'Верили, что наступили лучшие времена.'

⁶¹ Володин (1983:226-231) называет конструкцию типа (22) перфектом пассива, а (23) - объектным результиativом, который встречается довольно редко. Подобные конструкции омонимичны в большинстве случаев, исключение составляют, во-первых, предложения с существительным во множественном числе в качестве подлежащего, как в примере (23), а также конструкции с личным местоимением, согласующимися со связкой, например:

- (i) **Nän on kammattu.**
она-Ном есть причесать-2.ПричПас

нием ПК (25) и подлежащим экзистенциального предложения (24) (Shore 1986:29-30):

- (24) Pihalla oli/juoksi kana.
'Во дворе была / бегала курица.'
- (25) Pihalla tapettiin kana.
двор-Адесс убить-ПасПрет курица-Акк/Ном
'Во дворе убили курицу.'

В силу совпадения дополнения и подлежащего в данных функциях Шор предлагает употреблять в обоих случаях термин "jekti" (Shore 1986:30, см. о "jekti" в качестве подлежащего экзистенциального предложения [Karlsson 1982:109, Vilkuna 1989: 156-160]). Мы согласны с тем, что статус объекта, в особенности его синтаксический статус, требует в пассивном предложении уточнения, тем более, как мы в дальнейшем заметим, что в коммуникативно-прагматическом плане объектный компонент финского пассива способен выполнять одинаковую функцию с подлежащим-объектом пассивного предложения, в частности, русского языка. Однако, поскольку целью данного исследования является анализ функций ПК в двух языках и в связи с этим роли компонента, подвергающегося действию со стороны внешнего агенса, мы предпочитаем придерживаться понятий "дополнение" и "объект", отражающих в грамматической системе обоих языков сходным образом структуру и семантическое содержание этого компонента.

-
- (ii) 'Она причесана.'
Olette pidätetty!
есть-2.л.мн.ч. арестовать-2.ПричПас
'Вы арестованы!'

Конструкции с объектным результативом допускают сочетания с показателями длительности, хотя чаще для выражения длительности используются конструкции с лексическим стативом, выражающимся либо предикативным наречием (iii), либо локативной конструкцией (iv):

- (iii) ■kkuna on auki / rikki.
'Окно открыто / разбито.'
- (iv) Ovi on lukossa.
дверь-Ном есть замок-Инесс
'Дверь заперта.'

3.5 Переходность vs. непереходность глагола

Переходность и пассивность тесно переплетаются друг с другом. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве случаев в индоевропейских языках пассивная форма глагола образуется лишь от переходных глаголов, обозначающих интенциональное действие, направленное от одного партиципанта на другой. Парадоксально, но в лингвистических трактовках переходность часто определяется через пассивизацию, и наоборот (см. дискуссию по этому поводу Siewierska 1984): если глагол переходный, т.е. обозначает действие, направленное на объект, он способен выступать в пассиве как предикат, и, если глагол пассивизируется, он переходный⁶², например:

- (26) Hans las das Buch.
- (27) Das Buch wurde von Hans gelesen.
- (28) Рабочие построили школу.
- (29) Школа построена рабочими.

Тем не менее, переходность глагола не всегда является предпосылкой для пассивизации глагола. Например, в немецком языке некоторые глаголы с косвенным дополнением способны пассивизироваться так, что дополнение сохраняет свой синтаксический статус⁶³:

- (30) Dem Schüler wurde geholfen.

---

⁶² Существуют ограничения в образовании пассива от некоторых переходных глаголов, подлежащие-объекты которых не аффектированы внешним действием (Keenan 1985:249), например:

- (i) John has a new car.
- (ii) *A new car is had by John.
- (iii) Маша увидела Нину.
- (iv) *Нина была увидена Машей.

⁶³ Также в русском языке, как выше отмечалось, некоторые непереходные глаголы способны пассивизироваться. В отличие от приведенного примера на немецком языке, в нем может произойти промощия непрямого дополнения:

- (i) Завод управляется директором. < Директор управляет заводом.

Подобное явление характерно и для латинского и финского языков (см. Keenan 1975:347; Comrie 1977:51). В них как переходные, так и непереходные глаголы пассивизируются. Рассмотрим примеры:

- (31) Curritur.
 (32) Juostiin.
 'Бежали'
 (33) Lauantaisin käydään saunassa, kesällä saunan jälkeen uidaan järvessä.
 'По субботам ходят в сауну, летом после сауны купаются в озере.'

В финском языке в нейтральном стиле соотношение пассивных предложений с переходным и непереходным глаголом составляет 16% и 2% среди всех предложений, между тем как соответствующее соотношение среди активных предложений - 30% и 47% (Hakulinen & Karlsson & Vilkuna 1980:132). Это означает, что пассив и в финском языке образуется в первую очередь от переходных глаголов, при которых весьма часто объект действия компенсационно выносится в начальную позицию (см. 4.3). С непереходными глаголами данную позицию занимает либо локативный компонент, как в примере (33), либо это место остается незанятым (32). Некоторые языки, например, немецкий и шведский, допускают при пассивной форме непереходного глагола в начальной позиции "пустой" подлежащий элемент 'es', 'det', который опускается при тематизации локатива:

- (34) Es wurde getanzt. > Gestern wurde getanzt.
 (35) Det dansades i går. > I går dansades.

Финский пассив не допускает ни поверхностного выражения деятеля, ни "пустого" подлежащего элемента, но роль семантического скрытого субъекта выражается в том, что пассив образуется лишь от глаголов, обозначающих действие прототипического агенса. Невозможны предложения, в которых глагол предполагает, например, природную силу как скрытый субъект:

- (36) *Myrskyttiin. *Tuultiin.
 бушевать-ПасПрет дуть-ПасПрет

На исключение из этого принципа мы указывали в связи с обсуждением примеров (12-14) и (17).

3.6 Выводы

На основе изложенного становится ясным, что ПК финского языка отличается от ПК индоевропейских языков, в том числе и от ПК русского языка, во многих моментах, служащих плодотворным поводом для размышления обоснованности термина "пассив" относительно финского языка. Различия сводятся к следующему: в финском пассиве глагольная форма представляет собой моноперсональную форму, указывающую на неопределенное количество скрытых субъектов. В пассиве синтаксический объект сохраняет свой статус, т.е. он не подвергается промоции, между тем как в русском пассиве прямое дополнение продвигается в позицию подлежащего. Из этого следует, что в русском языке в пассиве употребляются в основном переходные глаголы, а в финском языке не только переходные, но и непереходные, правда, последние менее частотны. Предпосылкой для образования финского пассива служит лишь то, что подразумеваемым производителем действия должен прототипически быть человек.

Важным различительным признаком в семантико-синтаксическом плане является то, что в ПК финского языка введение выражения агенса, подобного АД в русском языке, недопустимо. Это означает, что в финском пассиве, в терминах Шибатани (Shibatani 1985), происходит полная дефокусировка агенса. Она, однако, как было отмечено, характерна также для большей части пассивных конструкций русского языка, т.к. в подавляющем большинстве его ПК отсутствует АД. В этих предложениях, как и в целом в финских ПК, идентификация производителя действия, если она нужна, происходит на основе контекста и ситуации. Таким образом, отсутствие выражения агенса, представляющее собой один из основных признаков синтаксической устроенности ПК финского языка, не играет центральной роли в ее анализе на функционально-прагматическом уровне. Это, в свою очередь означает, что финский пассив способен выполнять даже более надежно, чем пассивы в большинстве других языков, основную функцию пассива, т.е. дефокусировать производителя действия.

4 ФУНКЦИИ ПАССИВА В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

4.1 Дефокусировка агенса

В настоящей главе будет рассматриваться, как дефокусировка агенса, принятая в данном исследовании как основная прагматическая функция пассива, проявляется в русском и финском языках. В русском языке основное внимание будет уделяться ПК без АД, поскольку, как видно из таблицы ниже (Таблица 2, стр. 100), они представлены в языковом материале наиболее широко. Среди них, как и среди ПК финского языка, имеются случаи, в которых деятель не идентифицируем либо в силу неизвестности его референта, либо он представляет собой обобщенное лицо. Однако как русский, так и финский языки располагают различными синтаксическими, семантическими и прагматическими способами, которые способны в большинстве ПК компенсировать скрытый агент, передавая о нем релевантную в данной ситуации информацию, хотя не полностью заменяя его.

Перед тем как приступить к анализу дефокусировки агенса и мотивов употребления пассива в сопоставляемых языках, приведем некоторые подсчеты частотности использования ПК по сравнению с АК, а также частотности разных причин, влияющих на желание говорящего устранить производителя действия. Для ориентационного показа частотности

употребления пассива мы создали подкорпус примеров (см. список источников), который представляет разные функциональные стили: научный (I), официально-деловой (II), газетно-публицистический (III), художественный (IV) и разговорно-бытовой (V) (см. Васильева 1976, Кожина 1977, Крылова 1979, Кожин & Крылова & Одинцов 1982). Для выяснения соотношения активных и пассивных конструкций было подобрано по тысяче предложений во всех названных стилях как на русском, так и на финском языках, т.е. всего десять тысяч предложений. Количество предложений соответствует количеству предикатов (см. Hakulinen & Karlsson & Vilkuна 1980:10).

ТАБЛИЦА 1. Соотношение активных и пассивных предложений по разным стилям в русском и финском языках:

	русский язык		финский язык	
	%		%	
	акт.	пасс.	акт.	пасс.
I	81,3	18,7	81,5	18,5
II	67,6	32,4	69,8	30,2
III	85,6	14,4	84,1	15,9
IV	99,3	0,7	92,6	7,4
V	98,5	1,5	89,3	10,7

Как видно из таблицы, пассив в рассматриваемых нами языках больше всего употребляется в первых трех стилях, т.е. в научном, официально-деловом и газетно-публицистическом⁶⁴. Первый и третий стили, хотя и отличаются свойственными каждому характерными чертами, являют-

⁶⁴ Насколько нам известно, подобные подсчеты не проводились на материале русского языка, а о частотности пассива в финском языке имеются некоторые данные. Хакулинен и Карлссон и Вилькуна (Hakulinen & Karlsson & Vilkuна 1980:132) в своих подсчетах предложений, представляющих нейтральную письменную речь, пришли к выводу, по которому среди всех предложений - 16% пассивных. Большинство источников, которые были ими использованы для подбора предложений, соответствуют газетно-публицистическому стилю, и, таким образом, полученные нами результаты совпадают с данными, которые были приведены в названном исследовании.

ся в отличие от делового стиля, очень богатыми и разнообразными по материалу. Наиболее частотен пассив используется в официально-деловом стиле, подкорпус которого состоит в основном из законов, указов, соглашений, распоряжений и под., весьма сходных как по своей структуре и формулировке в целом, так и по целевым установкам. В частотности употребления ПК в художественном и разговорном стилях наблюдается различие между финским и русским языками. Это объясняется частично тем, что цифры, относящиеся к финскому языку, включают также употребление пассива вместо личных форм: учитывая это, первичное, "настоящее", употребление ПК, например в данном подкорпусе художественного стиля, составляет лишь **4,4%**, а в разговорно-бытовом стиле - **5%**⁶⁵. Тем не менее приведенные результаты показывают, что ПК в данных стилях в финском языке более частотны, чем в русском языке.

Кроме полной дефокусировки агенса, характерной для пассива финского языка, его полное формальное устранение происходит, как показывают следующие статистические подсчеты, весьма часто также в русском языке, в котором подавляющее большинство ПК не располагает канонически выраженным агенсом, т.е. АД. На основе подкорпусов, состоящих из пассивных предложений и представляющих источники первых трех стилей (всего 900 пассивных предложений), вырисовывается следующее соотношение ПК с АД (в данной выборке учитываются лишь АД, обозначающие прототипические агенсы) и без него в тексте (Таблица 2):

---

⁶⁵ Для более представительной картины использования пассива в художественном стиле, следовало бы, как нам кажется, учесть более широкий материал, так как употребление пассива очень отличается у разных писателей и даже у одного и того же писателя в разных произведениях. Например, финский писатель Вяйнэ Линна употребляет пассивные формы гораздо чаще, чем другие писатели, по произведениям которых были сделаны выборки.

ТАБЛИЦА 2. Пассивные конструкции с АД и без АД в русском языке.

	с АД %	без АД %
I	17,6	82,4
II	18,9	81,1
III	12,6	87,4
в среднем	16,4	83,6

Как показывают данные, пассивная конструкция с АД более характерна для научного (I) и официально-делового (II) стилей, и в меньшей степени к ней прибегают в газетно-публицистическом стиле (III). Если считать среднюю оценку соотношения ПК с АД и без него, встречающихся в источниках, в частности, научного и газетно-публицистического стилей, получим следующее процентное отношение: **15,1%** с АД - **84,9%** без АД⁶⁶. Это означает, что в русском языке основной ПК должна считаться конструкция, в которой отсутствует АД. В дальнейшем рассмотрении функций пассива главное внимание будет уделяться разновидностям именно этого типа пассивных предложений.

Как в русских ПК без АД, так и в финских ПК можно обнаружить три основных мотива дефокусировки агенса, частотность которых представлена в следующей таблице (3). Данные демонстрируют мотив дефокусировки агенса лишь в источниках двух стилей, научного (I) и газетно-публицистического (III) стилей (по 500 пассивных предложений по каждому стилю)⁶⁷:

⁶⁶ По подсчетам, проведенным Лечем на основе материала газеты "Правда", частотность ПК с АД составляет в нем 15% (Леч 1991:194).

⁶⁷ Наш подкорпус пассивных предложений в официально-деловом стиле не учтен в данных подсчетах, поскольку большинство предложений законов, соглашений и т.п., из которых были взяты примеры, выражают волю, установление законодателя, т.е. "лица" особо обобщенного, абстрактного (Кожина 1977: 172). Однако отдельные примеры, представляющие официально-деловой стиль, будут обсуждаться ниже в связи с рассмотрением дефокусировки агенса в обоих языках.

ТАБЛИЦА 3. Мотивы дефокусировки агенса в пассивных конструкциях финского и русского языков.

агенса	русский язык %	финский язык %
неизвестен		
I	10,2	9,6
III	12,2	8,4
в среднем	11,2	9,0
обобщенный		
I	12,3	16,0
III	10,4	15,8
в среднем	11,3	15,8
идентифицируется контекстуально / прагматически		
III	77,5 77,4	75,5 77,5
в среднем	77,4	76,5

На основе приведенных подсчетов можно сделать вывод, что идентификация дефокусированного агенса в пассивных предложениях происходит в данных неродственных языках весьма сходным образом⁶⁸. Чаще всего эта идентификация становится возможной на основе контекстуальных и прагматических импликаций, содержащихся в структуре самого пассивного предложения либо вне его. Степень идентификации различна: одни конструкции русского языка мало отличаются по своему значению от выражения агенса с помощью

⁶⁸ Следует отметить, что приведенные данные нельзя считать абсолютными, т.к. на результаты влияет техническое проведение подсчетов, т.е., какие маргинальные случаи принимаются во внимание в определении изучаемых факторов (см. Мустайоки 1991:160). В нашем случае трудность предоставляет невозможность четкого разграничения различных контекстуальных и прагматических мотивов, причин, влияющих на дефокусировку агенса.

канонического АД, а другие, в частности, некоторые конструкции, содержащие локативы с агентивным значением либо наречия, лишь обобщенно или косвенно имплицитно указывают на деятеля. К тому же, идентификация конкретного производителя действия может быть осуществлена лишь на основании знания семантики предложения, семантики исходного глагола, соответствующей внеязыковой ситуации, разного рода фактических данных и т.п. Кроме самого пассивного предложения, агенс может идентифицироваться в окружающем контексте, либо в предыдущем, т.е. анафорически, либо в последующем, т.е. катафорически. Таким образом, вследствие учета импликаций, содержащихся в самом пассивном предложении, а также учета анафорического и катафорического упоминания агенса, большинство пассивных предложений, в которых отсутствует каноническое выражение агенса на синтаксическом уровне, становятся "агентивными" с точки зрения более широкого функционально-семантического плана.

На желание говорящего прибегать к ПК, чтобы конкретно не называть производителя действия, влияют, как выше указывалось, весьма различные причины, как контекстуальные, так и прагматические. В частности Золотова отмечает по поводу неназванности субъекта, что "различные именные компоненты предложения могут быть опущены в силу контекстной или ситуационной избыточности, ненужности, ради коммуникативно-стилистических приемов "неведения" (отстранения) или обобщения" (Золотова 1982:115-116). Таким образом, в плане выражения говорящий, в связи с экономией своих физических усилий, стремится и к языковой экономии: он, опуская самоочевидные элементы, иными словами, включение информации, являющейся уже известной адресату либо прагматически, либо на основе контекста, тем самым избегает лишнего повтора, избыточности (см. Храковский 1991:167). Для достижения этой цели, говорящий прибегает, в частности, к помощи прономинализации, субституции, эллипсиса (см. Leech 1983:67-68). ПК, устраняющая деятеля, который, например, был ранее упомянут, представляет собой вполне приемлемый способ для сокращения плана выражения.

Контекстная либо прагматическая информация об устраненном деятеле может вызываться и стремлением говорящего к его анонимизации, т.е. говорящий, не желая прямо называть деятеля или скрывая его по

каким-либо причинам, прибегает, в частности, к косвенному его выражению. Из этого следует, что употребление пассива, в котором деятель подразумевается обобщенно или отсылка к его референту совсем отсутствует, служит и для снятия прямой ответственности деятеля за произведенное действие. Караулов (1991:25) объясняет широкое распространение "бессубъектных оборотов", в частности ПК, тем, что в них реальный действитель, исчезая из поля зрения адресата, тем самым самоустраивается от ответственности за производимое действие. При этом существенным становится не только то, почему деятель устранен, но и как много, или как мало информации об агенте говорящий хочет передать адресату с учетом и его прагматических знаний о ситуации. Кроме того, говорящий может устранить агента и потому, что, предполагая его известным либо иррелевантным для адресата, он желает лишь привлечь его внимание к самому действию.

Итак, в этой главе будут, во-первых, анализироваться причины, влияющие на желание говорящего прибегнуть к употреблению пассива, устраняющего производителя действия, и, во-вторых, рассматриваться различные способы импликации агента. Кроме конструкций с отсутствием канонического выражения агента, будем также рассматривать случаи, в которых дефокусированный агент в русском языке выражается эксплицитно агентивным дополнением (функция АД в связном тексте будет проанализирована более подробно в разделе 4.3).

4.1.1 Неизвестность агента

"Неизвестность" производителя действия является одной из причин использования ПК. Это отметил уже Есперсен, анализируя пассив английского языка (Jespersen 1924). "Неизвестность" агента понимается лингвистами по-разному. Чаще всего под ней имеется в виду необозначение субъекта-агента на синтаксическом уровне пассивного предложения. По утверждению Гивона (Givón 1979:57-64), не существует ПК, в которых деятель не идентифицируем либо на основе общего прагматического знания человеком мира, либо на основе окружающего контекста. Это истолкование, с одной стороны, обоснованно в том плане, что

действие, обозначаемое пассивной формой глагола, в большинстве случаев, и особенно это касается финского языка, предполагает прототипически одушевленного производителя действия. Но, с другой стороны, такой подход отрицает существование ПК, в которых производитель действия никак не конкретизируется, даже его референт не имплицитно указывается в окружающем контексте. Несмотря на то, что и наши данные выше свидетельствуют о нечастотности ПК с неизвестным агенсом (в русском языке таких случаев 11,2%, а в финском 9,0%), мы исходим из такого положения, по которому мотивом использования ПК может быть то, что деятель даже с учетом контекстуальных импликаций остается референциально неидентифицированным, неизвестным. По сравнению с трактовкой Гивона, иначе к этому вопросу подходит, в частности, Бартш (Bartsch 1985, см. также Järventausta 1991), который, сравнив пассив в финском и немецком языках, пришел к выводу, что признак "известность / неизвестность агенса" составляет одну из главных причин использования ПК в данных языках. В его анализе не учитывается информация об импликации агенса другими компонентами предложения либо вне его.

Неизвестность агенса в пассивной конструкции определяется нами двояким образом: во-первых, как невозможность конкретизации деятеля либо в самом пассивном предложении, либо в окружающем контексте в силу того, что он действительно неизвестен, неидентифицируем, и, во-вторых, как иррелевантность референта агенса. Под иррелевантностью агенса имеется в виду, что агенс не называется, так как сам говорящий либо не знает его, либо он знает, но не заинтересован в его референте, а лишь в произведенном им действии. Из последнего следует, что субъект действия может остаться неконкретизированным для адресата. Таким образом, неизвестность и иррелевантность агенса тесно переплетаются друг с другом. Следует добавить, что именно это употребление пассива в функциональном плане соответствует традиционному определению ПК без канонического АД в русском языке и ПК финского пассива. Рассмотрим следующие примеры:

- (1) Suomen tietävästi viimeinen majava ammuttiin Lapissa 1868 -..
(Т 2/89:56)

'Насколько известно, последний бобр Финляндии был застрелен в Лапландии в 1868 году -'

- (2) Eräässä sähkössä minua muistutettiin Talvisodan Kärsimyksistä... (Kauranen 1987:71)
'В одной телеграмме мне напомнили о Страданиях Зимней войны:..'

Приводим аналогичные примеры русского языка:

- (3) Куранты на Спасской башне неоднократно заменялись. Нынешние установлены с использованием старых деталей в 1851-1852 годах. (Путешествие 6/89:33)
- (4) При археологических раскопках в Египте и Двуречье найдены остатки пивоварен и хлебопекарен, которые были построены около 6000 лет назад. (НиЖ 11/89:67)

В данных примерах не указывается на какую-нибудь определенную группу действующих лиц, ни на определенное либо обобщенное лицо. Неясным остается и количество производителей действия. При неизвестности агенса подобные ПК не реконструируемы в АК: трудности вызывает именно конкретное восстановление агенса, так как даже с учетом контекста его нельзя идентифицировать. Исключение среди приведенных примеров составляет в примере (4) лишь главное предложение, в котором круг деятелей (археологи и т.п.) имплицитно определяется контекстом. В остальных случаях скрытым субъектом является "joku", "кто-то". Несущественным, может быть даже неизвестным, является производитель действия в следующем примере:

- (5) В Москве впервые сыгран спектакль "Под Вифлеемской звездой" - версия рождения Иисуса Христа. (МН 52/ 89:15)

Иррелевантным в данный момент сообщения, хотя не обязательно неизвестным, агент остается в следующем примере из спортивной передачи, в которой говорящий, диктор, из-за ограниченности времени не называет производителей действия, например:

- (6) Takakaarteessa juostaan jo aivan rinnakkain!
'В заднем изгибе (спортсмены) бегут совсем рядом!'

Так как функцией пассивных предложений с неизвестным и иррелевантным агентом является исключение информации о производителе действия, из этого следует, что основное внимание акцентируется либо на констатации действия, либо на его результате. В последнем случае

пассивные предложения могут в обоих языках приобрести перфектное значение, т.е. в них подчеркивается наличный результат прошедшего действия, произведенного кем-то когда-то, например:

- (7) Почему же тысячи людей по-прежнему остаются наедине со своей бедой? Создан Всесоюзный фонд милосердия и здоровья. Действуют его отделения на местах. (Работница 10/89:4)
- (8) Arhipan hauta poikkeaa muista. Sen päälle on kasattu rökkiö suurempuoleisia kiviä. Ennen kuolemaa Arhippa oli esittänyt toivomuksen, että..(Т 8/89:25)
- 'Могила Архипа отличается от других. На ней собрана куча больших камней. Перед смертью Архип высказал желание, чтобы..'

Неизвестность и неопределенность агенса имплицитруется и в следующих примерах, в которых тоже подчеркивается наличие состояния как результата действия:

- (9) В комнате накурено.
- (10) Täällä on tupakoitu.
'Здесь накурено.'

Функция ПК с неизвестным агенсом состоит в сообщении о действии либо о наличном результате прошедшего действия, производителем которого является неидентифицируемое лицо или лица, "кто-то". В некоторых случаях (в особенности в разговорной речи и при непереходных глаголах; см. пример б) финским предложениям в данной функции в русском языке соответствует неопределенно-личная конструкция. Агенса как в ней, так и в пассивной конструкции остается неидентифицированным, так как он либо неизвестен и самому говорящему, либо говорящий не заинтересован в его идентификации, считая ее ненужной и для адресата. Употребление ПК из-за неизвестности производителя действия встречается как в русском языке, так и в финском языке не часто. Приведенные результаты опровергают утверждения традиционных грамматик, подчеркивающих, что основной причиной использования пассива является неизвестность референта производителя действия.

4.1.2 Обобщенность агенса

4.1.2.1 Неопределенно-обобщенный агенс

Под "неопределенно-обобщенностью" агенса при пассиве в данном исследовании понимается обобщенность подразумеваемого деятеля, пересекающаяся с неопределенно-личным значением субъекта. В ПК с неопределенно-обобщенным агенсом описываются ситуации, чаще всего обычные либо повторяющиеся, участником которых, т.е. скрытым субъектом, являются "люди вообще, многие люди". Значение обобщенности не дифференцировано относительно лица, а формирует значение субъекта - "всеобщего агенса". В число действующих лиц может включаться и говорящий инклюзивно⁶⁹. Весьма часто протекание действия с неопределенно-обобщенным лицом агенса характеризуется оттенком нелокализованности его в каком-либо определенном отрезке времени. Из этого следует, что в пассивных предложениях с подобным обобщенным агенсом очень частотны формы настоящего времени глагольной формы (т. наз. расширенное настоящее). Рассмотрим сначала финские ПК с неопределенно-обобщенным агенсом:

- (11) Luotolla matkustetaan, sisustetaan, korjataan taloa. (HS 3/89:34)
'Люди путешествуют, оборудуют и ремонтируют квартиры в кредит.'
- (12) Yleensä kansallisesta identiteetistä puhutaan silloin, kun sitä ei ole tai siitä ollaan huolissaan. (HS 3/89:42)
'Вообще о национальной идентификации говорят тогда, когда ее или нет, или когда за нее тревожатся.'

В приведенных примерах сообщается об обычном поведении людей и элемент "вообще" (эксплицитно выражающийся во втором примере) легко реконструируем, так как в них обозначается действие, относящееся к имплицированному человеческому субъекту в значении "люди вообще". Приведем аналогичные случаи в русском языке:

---

⁶⁹ Под "инклюзивностью" в данном исследовании понимается включенность говорящего в сферу производителей действия, а под "эксклюзивностью" - его невключенность в число действующих лиц.

- (13) Пока нам 18, 20, 25... - молодость красит сама по себе. Но вот появились первые морщинки - признаки увядания кожи, и у многих начинается паника. Скупаются любые кремы. (Здоровье 11/89:29)
- (14) - Да, дорогой товарищ, - сказал Левонидов, - такие дела на свете делаются, что только в книгу записывай. (Зощенко 1977:38)

Как и в финских примерах, действие, выраженное пассивной формой глагола, скорее всего характеризуется вневременностью. Кроме ПК, неопределенно-обобщенность агенса выражается в русском языке также неопределенно-личной конструкцией, например⁷⁰:

- (15) Почему эффективность многих лекарств связана с тем, до или после еды их принимают? (Здоровье 11/89:8)
- (16) Как же пекут хлеб в конце XX века? Попробуем проследить цепочку превращений на примере пшеничного хлеба. (НиЖ 11/89:43)

Употребление формы с неопределенно-личным значением вместо пассива мотивировано, в частности, стилистической окраской (разговорным оттенком) контекста. К тому же данная форма сама по себе, помимо своего исходного значения неопределенности действующих лиц, может сигнализировать и обобщенность деятеля (ср. Цыплят по осени считают.), т.е. значение всеобщего скрытого агенса.

Заметную семантическую группу глаголов, употребляющихся часто в финском языке в пассивной форме с значением обобщенного скрытого субъекта, составляют **глаголы коммуникации** (Vilkuna 1989:169), например:

- (17) Kerta toisensa jälkeen valitellaan, että Suomessa ei ole karnevaaleja (HS 3/89:74)
'Раз за разом жалуются, что в Финляндии нет карнавалов.'
- (18) Usein sanotaan, että tuomarilla on totuudesta "sisäinen näkemys", intuitio. (T 2/89:54)

⁷⁰ Обобщенность субъекта выражается в русском языке и с помощью т.наз. обобщенно-личной конструкции, в которой субъект обозначает любого человека, способного осуществить данное потенциальное действие (Адамец 1973:61-62), например:

- (i) С этим человеком на пятой минуте знакомства чувствуешь себя старым другом.

'Часто говорят, что у судей есть о правде "внутреннее чутье", интуиция.'

Как и выше, в этих примерах имплицитруется обобщенность дефокусированного агенса: вообще люди, многие люди жалуются, говорят. В русском языке подобным финским предложениям с глаголами коммуникации соответствует либо тоже пассивная форма (примеры 19 и 20), либо неопределенно-личная форма глагола (21 и 22), например⁷¹:

- (19) Давайте, как говорится, танцевать от печки. Что такое мелиорация? (НиЖ 8/89:3)
- (20) Нередко утверждается, что ...
- (21) Вот говорят, что деньги сильнее всего на свете. Вздор. Ерунда. (Зощенко 1977:38)
- (22) Да ведь не зря говорят: от судьбы не уйдешь. (Распутин 1984:61)

Пассивные формы глагола характерны особенно для делового стиля речи, а в разговорной речи вместо них, как правило, употребляются неопределенно-личные формы.

Как в русском, так и в финском языках, всеобщее значение агенса может быть приобретено пассивной формой **модальных глаголов**. Особенно частотны в финском языке ПК с глаголом **voida** 'мочь'. Рассмотрим примеры:

- (23a) Kysymys ei ole aivan mutkaton. Sitä voidaan tarkastella monista näkökulmista, yhtä hyvin juridisista, yhteiskunnallisista kuin moraalisis-takin. (HS 3/89:57)
- 'Вопрос не совсем простой. Он может быть рассмотрен с разных точек зрения, как юридических и социальных, так и моральных.'
- (24a) Laboratoriokokeilla alkoholin suurkulutus sen sijaan voidaan paljastaa melko varmasti... (T 2/89: 33)
- 'С помощью лабораторных опытов потребление алкоголя в большом количестве может быть обнаружено довольно точно...'

---

⁷¹ Неопределенно-личная форма способна, как отмечалось в главе (2.6.), имплицитовать кроме неопределенности (кто-то, какие-то люди) либо обобщенности действующих лиц (большинство людей, многие люди) и вполне определенную группу деятелей, даже одно определенное лицо.

Если сравнивать данные ПК с обобщенным субъектом с соответствующими им в морфолого-синтаксическом плане обобщенными конструкциями, то семантическое различие стирается⁷²:

- (23b) ..Sitä voi tarkastella..
'..его можно рассматривать..'
- (24b) .. suurkulutuksen voi paljastaa..
'..потребление алкоголя в большом количестве можно обнаружить..'

В русском языке пассив с соответствующим модальным глаголом встречается уже в меньшей степени. Рассмотрим аналогичные примеры:

- (25a) Производство - явление прежде всего экономическое - приобретает черты гуманитарного явления, становится производственно-воспитательным процессом. Только при таком подходе может быть разрешено противоречие между упоминавшимися выше циклами общественного процесса. (Ввш 5/90:45)
- (26a) В полном объеме этот анализ может быть осуществлен только с помощью социально-педагогической концепции. (Ввш 5/90:45)

---

⁷² В финском языке пассивная форма и т. наз. обобщенная форма глагола, образованные от некоторых глаголов восприятия, весьма сходны по значению (см. Schiefer 1983). Сравним предложения:

- (i) Kaukaa kuului räjähdys.
'Издали послышался взрыв.'
- (ii) Kaukaa kuultiin räjähdys.
'Издали слышали взрыв.'
- (iii) Laiva näkyi uppoavan.
'Можно было видеть, как корабль тонул.'
- (iv) Laivan nähtiin uppoavan.
'Видели, как корабль тонул.'

На наш взгляд, в обобщенных предложениях (i) и (iii) скрытым агенсом является "любой", а в пассивных предложениях (ii) и (iv) - "кто-то" или "какие-то лица", уточняемые контекстом или ситуацией. По мнению Хакулинен и Карлссона (Hakulinen & Karlsson 1989:253-254), употребление обобщенных форм очень характерно для модальных глаголов (см. примеры 22b, 23b).

В нем чаще всего употребляются модальные предикативы, компенсирующие совместно с исходным глаголом пассивную форму с сохранением эквивалентного значения⁷³:

(25b) ..можно разрешить противоречие..

(26b) ..этот анализ можно осуществить..

По нашим наблюдениям, в русском языке финскому пассиву с модальным глаголом **мочь** соответствует чаще всего именно модальный предикатив **можно**. Это частично и объясняет то, что в финском языке пассивных конструкций с обобщенным агенсом встречается немного больше (в среднем 15,8%), чем в русском языке (11,3%). Проведенный анализ показывает, что ПК в обоих языках и эквивалентная им неопределенно-личная конструкция предоставляют возможность указать на "всеобщность" субъекта, субститутом которого в семантическом плане служат выражения **вообще люди, многие люди, большинство людей**. Целью употребления пассива в этой функции является сообщение о процессах и событиях, характеризующихся обычностью, даже вневременностью протекания действия. Ниже будут рассматриваться случаи, в которых действие локализовано во времени и неопределенно-обобщенность агенса органичена, например, локативом с агентивным значением, локативом с временным значением и т.п.

4.1.2.2 Обобщенный агенс-адресат

С помощью пассива можно имплицировать обобщенность агенса в обозначении адресата коммуникации. ПК, в которых под производителем действия подразумевается адресат, содержат указы, распоряжения, инструкции, советы, рекомендации **обобщенному адресату**, которому "предписывается" действовать в качестве агенса. Это употребление встречается как в русском, так и в финском языках в специфических текстах, во-первых, в официально-деловом стиле, в котором пассив

---

⁷³ В русском языке модальное значение возможности или невозможности выражается и с помощью обобщенно-личной конструкции с совершенным видом глагола (Адамец 1973:62-63), например:

(i) Сейчас только на лыжах пройдешь. (= можно пройти)

функционирует прежде всего в правовых и административных документах, и, во-вторых, в газетах и журналах, дающих читателям различные советы, рекомендации касательно моды, здоровья, косметики, питания и т.п. Рассмотрим сначала примеры, представляющие язык закона и официальных документов:

- (27) Заполненные подписные листы направляются в инициативную группу референдума. Инициативная группа составляет сводные данные.. (Известия 28.12.90:2)
- (28) Средства, направляемые на эти цели, включаются в издержки страховых организаций. (ЭиЖ 38/91:8)
- (29) Tämän sopimuksen mukaisia menettelytapoja noudatetaan viraston toiminnan kehittämiseen liittyvissä tutkimuksissa kuten.. (JY 3.9.91:15)
'Процедуры, предполагаемые данным документом, применяются в выяснениях, связанных с развитием деятельности учреждения, в частности..'
- (30) Ulkomaalaisen maahantuloon, maastalähtöön sekä oleskeluun tai työnteekoon Suomessa sovelletaan tätä lakia ja sen nojalla annettuja säännöksiä.. (Ulk.laki 1991:27)
'К въезду, выезду, пребыванию или работе иностранца в Финляндии применяются этот закон и постановления, изданные на его основе..'

В данных примерах выражается воля законодателя, выступающего не от лица конкретного, а от лица государства, от лица особо абстрактного, обобщенного. Языковые выражения в пассивной форме несут иллюкутивный оттенок долженствования и временная форма глагола, т.е. настоящее время, имеет предписывающе-констатирующий характер, развивая модальное значение необходимости: должны направляться (27), должны включаться (28), следует / должны применять (29,30). В данных предложениях собственно пассивное значение ослабляется. Помимо пассивной формы глагола, долженствование в подобных указах, распоряжениях, постановлениях выражается в русском языке инфинитивом, проявляющим непосредственную императивность, например:

- (31) Объявления на должность прислать к 1-му мая.

Предписывающе-долженствовательное значение сохраняется на финских рецептах лекарств, в которых агенс-адресат понимается обоб-

щенно, хотя в каждом случае имеется в виду лишь определенный адресат, больной, принимающий данное лекарство:

- (32) Lääkettä otetaan kolme kertaa päivässä ruuan jälkeen.
'Лекарство принимается три раза в день после еды.'

В русском языке в этом случае употребление ПК недопустимо, а вместо него используется инфинитив с окраской призыва, побуждения, например:

- (33) Пить / Принимать по одной таблетке три раза в день перед едой.

В следующих примерах, содержащих менее категорические советы, рекомендации и т.п., ослаблено не только пассивное значение, но и значение долженствования. Рассмотрим сначала рекомендации по приготовлению пищи в финском языке, в которых под дефокусированным агенсом имеется в виду адресат:

- (34) Munat ja sokeri vatkataan ja sitten lisätään jauhot.
'Яйца вместе с сахаром взбиваются и потом добавляется мука.'
- (35) Keittoa keitetään hiljaisella tulella 20 minuuttia.
'Суп варится на слабом огне 20 минут.'

Важно подчеркнуть, что пассивная форма глагола в подобных рекомендациях нередко вытесняется повелительной формой глагола второго лица единственного числа:

- (36) Vatkaa ensin munat ja sokeri vaahdoksi, lisää joukkoon jauhot.
'Взбей сначала яйца с сахаром и добавь затем муку.'

По сравнению с пассивной формой глагола императив имеет более динамический характер с эксплицитным обращением к адресату на 'ты' или 'вы'. Пассивная форма, предоставляющая возможность избежать прямого обращения к адресату, подразумевает в качестве деятеля не конкретный, единичный адресат, а агенс-адресат в обобщенном смысле. По нашим наблюдениям, пассивная форма глагола в данной функции представляет собой исконно финское употребление, отвечаю-

щее желанию говорящего не обращаться к адресату прямо (см. раздел 4.2.2), а вытеснение пассива императивом является влиянием скорее всего шведского языка и шведской речевой культуры.

Также и в русском языке в подобных случаях допускается употребление пассива, но довольно редко, например:

- (37) В горячий бульон кладется набухший желатин и добавляется оттяжка. Смесь доводится до кипения, а затем на слабом огне варится в течение часа, процеживается через полотняную салфетку и охлаждается. (Работница 10/89:36)

Сравнительно с ПК, в подобном случае чаще используется неопределенно-личная конструкция, более характерная для данного стиля, например:

- (38) Отваривают рыбу, а также картофель, морковь, цветную капусту. Капусту разбирают на соцветия, все остальные компоненты, включая огурцы и помидоры, нарезают ломтиками. Укладывают в салатницу и украшают кусочками рыбы, цветной капусты и зеленью. (Там же)

Как пассивная форма, так и неопределенно-личная форма глагола выполняют одну и ту же функцию: избегая прямого указания на адресат и прямой императивности, они скорее констатируют действия, совершаемые над объектом. Кроме этих форм, в русском языке прибегают также к инфинитиву (39) и императиву (40):

- (39) Подобрать морковки ярко-оранжевого цвета. Вымыть, почистить, еще раз вымыть и нарезать кружками толщиной 1 см. Сварить до мягкости, остудить. (Работница 9/89:9)
- (40) Взбейте 3 яйца с оставшимся сахаром и этой массой покройте верх торта, смазанный яблочным пюре. Поставьте на 5 минут в духовку, чтобы пена зарумянилась. (Работница 9/89:9)

Инфинитив в данных примерах выступает в функции императива. Обращение в форме инфинитива имеет, однако, по сравнению с повелительной формой глагола более обобщенный характер и выражает побуждение, призыв ко всем вообще. В этом его значение близко к значению, передаваемому ПК и неопределенно-личной формой. Императив в подобных случаях в русском языке, как и в финском языке,

имеет, однако, значение более категоричного призыва адресата к осуществлению действия.

Пассив с дефокусировкой агенса-адресата встречается, как выше отмечалось, и в советах косметологов и модельеров. Агенс-адресат далее понимается обобщенно, но с ослабленным оттенком долженствования, например:

- (41) Meikkivoidetta käytetään nyt yhä säästeliäämmin.. Puuteria ei käytetä välttämättä lainkaan, jos iho on hyvin kuiva. (M&K 9/89:68)
'Крем для лица используют теперь все в меньшем количестве. Использование пудры не обязательно, если кожа очень сухая.'
- (42) ..руки обильно смазываются растительным маслом, а потом надеваются теплые хлопчатобумажные рукавицы. (Здоровье 8/89:5)

Наряду с императивной формой, употребляющейся нередко в данном случае в русском языке, и имеющей значение призыва, посредством ПК выражаются рекомендации, даются советы неопределенному количеству адресатов.

Между финским и русским языками наблюдается различие и интересный парадокс в употреблении императивных и пассивных форм в выражении долженствования: с одной стороны, в финском языке в речи отмечается стремление избежать прямого обращения к адресату и вследствие этого предпочитается пассивная форма, но, с другой стороны, если прибегают к прямому обращению, то чаще всего в форме на 'ты', а не на 'вы'. В русском языке явление противоположно: в нем в данной функции предпочитается в императиве лишь вежливая форма множественного числа. В этом отражается, на наш взгляд, именно культурный контекст, влияние которого отражается, в частности, в том, что в России люди, знающие друг друга даже длительное время, обращаются друг к другу на "вы".

Итак, ПК с имплицитным обобщенным агенсом-адресатом употребляются в сопоставляемых языках, во-первых в деловой речи в значении долженствования, и, во-вторых, в менее категорических советах и рекомендациях в газетах, журналах и т.д. Само пассивное значение уже ослаблено в силу модального оттенка необходимости. Поэтому в

последнем случае в русском языке вместо пассивной формы глагола выступают и инфинитив и императив с непосредственно выраженной императивностью. Также в финском языке в некоторых случаях функциональным эквивалентом ПК может служить императив. Пассивная форма глагола по сравнению с императивом, выражающим прямой, категорический призыв к адресату совершить данное действие, однако, дает говорящему возможность обратиться к адресату не прямо, а опосредованно, с обобщением.

4.1.3 Идентификация агенса в структуре пассивного предложения

Выше мы отметили, что в русском и финском языках производитель действия, обозначенного пассивной формой глагола, весьма часто идентифицируется контекстуально или прагматически, в самом пассивном предложении, либо вне его (см. Таблицу 3). По нашим подсчетам, это соотношение следующее (в подсчетах учитываются примеры, представляющие научный и газетно-публицистический стили):

ТАБЛИЦА 4. Идентификация дефокусированного агенса в самом пассивном предложении (А) и вне его (Б).

	русский язык %	финский язык %
А	54,8 22,6	52,5 24,0
всего	77,4	76,5

Приведенные данные показывают, что с функционально-прагматической точки зрения идентификация производителя действия происходит

в русском и финском языках сходным образом, чаще всего на основе импликаций компонентов самого пассивного предложения, и в меньшей степени агенс идентифицируется вне предложения. В дальнейшем будем более подробно рассматривать, какие способы идентификации агенса встречаются в этих языках, и по каким причинам прибегают к дефокусирующему агенс пассиву. Следует отметить, что разделение способов идентификации агенса не всегда происходит так прямолинейно, как представлено в следующих разделах, а очень часто эти способы перекрещиваются либо накладываются один на другой, например, в одном и том же предложении как семантика исходного глагола, так и локатив могут имплицировать референт дефокусированного деятеля.

4.1.3.1 Локатив с агентивным значением

Как в русском, так и в финском языках определенные локативы, в первую очередь пространственные, совмещающие значение совокупности лиц и места, способны "компенсировать" производителя действия. О субъектном значении локативного компонента в русском языке Золотова приводит интересную аргументацию в виде следующих примеров (Золотова 1982:205-206):

- (43a) **Толпа** шумит.
- (43b) **В толпе** шум.
- (44a) **Класс** шумит.
- (44b) **В классе** шум.

Согласно концепции Золотовой, субъекты примеров (43a, 44a) обозначают как предмет-лицо, так и предмет-пространство, в них как бы совмещаются эти два значения. Они представляют собой субъекты с агентивно-локативным значением. В предложениях (43b, 44b) локативные элементы означают как пространство или помещение, так и совокупность лиц, находящихся в нем, связанных с этим местом. Они называются локативными распространителями с субъектным значением. В РГ (1980) подобные локативы называются "субъектными детерминантами в форме обстоятельства (пространственного или временного)", в кото-

рых "контаминируются значение действующего (или испытывающего состояние) субъекта и значение пространственной или временной отнесенности этого субъекта к тому месту, в котором он находится, которым он представлен, либо времени, момента, с которым субъект так или иначе соотнесен" (РГ 1980 II:155). В силу неоднозначности понятия "детерминант" у разных лингвистов, мы вместо него будем в данном значении прибегать к термину "локатив с агентивным значением" (далее - Лок_{ар})⁷⁴. Под ним имеется в виду употребление в пассивном предложении локатива, обозначающего как место действия, так и людей, связанных с этим местом и производящих данное действие⁷⁵. Это означает, что локатив объединяет, содержит, вмещает того, кто действует, т.е. он служит субститутутом элиминированного субъекта-агенса (РГ 1980 II:155, Леч 1991:194-195), например:

(45) На заводе (т.е. рабочими завода) изготавливаются машины.

Сходное явление наблюдается и в финском языке. Вилькуна пишет, что в нем "Locatives often smuggle the unmentioned protagonist in the sentence by the implication "in L = people in L" (Vilkuna 1989:49), например⁷⁶:

---

⁷⁴ Понятие детерминант толкуется неоднозначно в работах разных лингвистов (ср. "конститутивные определители предиката с локальным значением" у Белошапковой (1977:141). В РГ (1980) "детерминант" понимается в более широком плане. Для нашего исследования интерес представляют т.н. "субъектные детерминанты в форме обстоятельства" (РГ 1980 II: 155). Под этими "детерминантами с субъектно-обстоятельным значением" имеется в виду распространитель, чаще всего выраженный падежными формами и нередко заменяющийся субъектным детерминантом (например, с предлогом *у*) или АД, т.е. речь идет о локативах с агентивным значением в нашей терминологии (см. Ванхала-Анишевски 1983:91-99, 1984:183-185), например:

(i) Эти сувениры изготавливаются на Киевской фабрике.

(ii) Эти сувениры изготавливаются Киевской фабрикой.

Адамец утверждает, что "если номинативное подлежащее обозначает пространственное или вещественное понятие, то при пассивной трансформации иногда может трансформироваться в комплетивное обстоятельство места" (Адамец 1973:107-108), например:

(iii) В этот шкаф вмещаются все мои книги.

(iv) Этот шкаф вмещает...

⁷⁵ Скобликова (1979:107) говорит при этом о "метонимическом переосмыслении", т.е. существительные, употребленные в качестве обстоятельства, могут обозначать и коллектив людей.

⁷⁶ Если предложные конструкции не содержат - косвенно или прямо - указания на коллектив людей, находящихся в данном месте, а обозначают

- (46) **Bagdadissa juhliittiin / tiedettiin, että.**
 Багдад-Инесс праздновать-ПасПрет / знать-ПасПрет
 'В Багдаде праздновали / люди знали, что..'

Лок_{ар}, с одной стороны, имплицитует весьма неопределенное множество лиц, действующих в рамках данного пространства, но, с другой стороны, он может обозначать вполне определенное подмножество людей, однако, идентифицируемых не в отдельности, а через референтную группу, обозначенную локативом. Как в русском языке, так и в финском употребление ПК с Лок_{ар} значением дает говорящему возможность представить действие без обозначения конкретного производителя действия, несущего за него прямую ответственность, но вместе с тем дать о его референте адекватную в данной ситуации информацию. Кроме того, говорящий может прибегать к пассиву с Лок_{ар} во имя избежания избыточности выражения (см. Золотова 1982:115-116): Bagdadissa juhliittiin - Ihmiset Bagdadissa juhlivat ('В Багдаде праздновали - Люди в Багдаде праздновали').

Далее будем рассматривать, какие семантические "множества" и "подмножества" агенсов (см. Ружичка 1988:216-218) Лок_{ар} способен имплицитировать⁷⁷. С одной стороны, есть случаи, в которых локатив дает весьма обобщенное представление о неопределенном множестве

лишь место, где происходит действие, то они остаются вне нашего рассмотрения, например:

- (i) **Jyväskylään on rakennettu** monta uutta siltaa.
 'В Ювяскюля построено много новых мостов.'
 (ii) **В Москве построена** новая станция метро.

⁷⁷ Локатив с агентивным значением выражается в русском языке чаще всего предложным падежом, а в финском языке - местным падежом, инессивом. Однако и другие падежи способны, ограничивая круг деятелей, имплицитировать их референт. В нашем материале таких примеров встретилось очень немного, например:

- (i) **Из министерства принимались** и другие меры (РГ 1980 II:155)
 (ii) Nyt pääkaupungin vesille **tullaan jo Mäntsälästä ja Lahdesta** saakka. (HS 11/89:41)
 приезжать-ПасПрез Мянтсяля-Элат Лахти-Элат
 'В настоящее время в водные просторы столицы приезжают даже из Мянтсялы и Лахти.'
 (iii) **Ruotsiin laskettiin** viime vuonna peräti 6583 iranilaista pakolaista. (HS 22/89:29)
 Швеция-Иллат пустить-ПасПрет
 'В Швецию пустили в прошлом году 6583 иранских беженца.'

агентов, действующих в рамках локатива, а с другой - рассматриваются ПК, в которых Лок_{аг} содержит указание на ограниченное, определенное подмножество действующих лиц. К тому же, как особые типы локатива при пассиве, будем анализировать конструкции, в которых он обозначает предмет-продукт "внешнего" автора, а также ПК, в которых локатив с временным значением способен лишь указывать на время происшествия действия, и, как следствие этого, в определенной мере ограничивать круг неопределенных деятелей.

4.1.3.1.1 ЛОК_{аг} - пространство со множеством лиц

При пассиве Лок_{аг} может обозначать пространство с неопределенным множеством лиц (страна, государство, город и т.п. со своими обитателями), которые, либо часть которых производят действие, выраженное пассивной формой глагола: в рамках данного локатива референт агенса более эксплицитно не идентифицируется. Чаще всего этот локативный компонент находится в инициальной позиции предложения. Рассмотрим примеры:

- (47) **Naapurissa** Salonen tulkitaan jo yhtä ruotsalaiseksi keksinnöksi kuin sauna ja vodka. (HS 3/89:17)
'В нашей соседней стране Салонен считается таким же шведским изобретением, как сауна и водка.'
- (48) **Yhdysvalloissa** arvostetaan yksilöllisyyttä ja luovuutta. **Japanissa** taas työskennellään hyvin ryhmässä ja individualisti on huonossa huudossa. (T 8/ 89:7)
'В США ценятся индивидуальность и творческие способности. А в Японии люди работают в группах и индивидуалист имеет дурную славу.'
- (49) В Советском Союзе высоко оценивается литературная деятельность Л.Н. Толстого.
- (50) В нашей стране многое делается на благо детей.

В приведенных примерах локатив имеет значение "in L = people in L" (Vilkuna 1989:49), т.е. локативный компонент обозначает пространство, вмещающее того, кто действует. Локатив ограничивает круг действующих лиц из числа полностью неопределенного, но, вместе с тем, выра-

жается определенная обобщенность агенса: в рамках локатива рассказывается, что принято (было/будет) делать, но не утверждается, что все лица, находящиеся на данном пространстве, принимают участие в действии: из множества людей действует неопределенное подмножество. Как результат этого, Лок_{ар}, с одной стороны, и эксплицитно названный агент в соответствующем активном корреляте, с другой стороны, не эквивалентны в отношении информации о производителе действия. Как выше уже указывалось, каждая форма слова имеет свое собственное значение как форма слова, и вследствие этого, изменение формы приносит с собой новый оттенок значения, хотя общее денотативное значение сохраняется. Сравним следующие пассивные предложения и соответствующие активные корреляты с восстановленным подлежащим-агентом:

- (51a) **Suomessa juodaan** paljon alkoholia.
'В Финляндии пьют много алкоголя.'
- (51b) **Suomalaiset juovat** paljon alkoholia.
'Финны пьют много алкоголя.'
- (52a) В Венгрии **принимаются** различные меры по повышению качества экспортной продукции.
- (52b) Венгры принимают различные меры..

Лок_{ар} в первую очередь имплицитно подразумевает пространство, а лишь затем людей, находящихся в данном пространстве. Подлежащее-агент в восстановленном активном корреляте называет деятеля в качестве активно действующего субъекта эксплицитно, без указания на пространство. К тому же с помощью ПК говорящий "смягчает" утверждение с оттенком обобщения в значении 'множество людей, не обязательно все', представленные данным местом⁷⁸. Степень обобщенности референции агенса меняется в зависимости от семантического содержания локатива: сдвиг происходит от обобщенно-неопределенного значения агенса в референциальном плане к обозначению более узкого круга действующих. В следующих примерах референтная группа деятелей, к

---

⁷⁸ Совокупность лиц, производящих действие, обозначается весьма эксплицитно в соотносительных конструкциях с подлежащим-субъектом с агентивно-локативным значением:

- (i) Наша страна многое делает на благо детей.
(ii) Венгрия принимает различные меры по..

которой отсылает локатив, более ограничена по сравнению с предыдущими примерами (51а и 52а):

- (53) **Tallinnassa** kerrotaan kaskua Jaan Krossista, joka matkusti kirjailijavaltuuskunnan mukana Irkutskiin. **Kaupungissa** vietettiin virolaisen kirjallisuuden päiviä. (HS 22/89:63)
 'В Таллинне рассказывают шутку о Яне Кроссе, который поехал в составе делегации писателей в Иркутск. В городе отмечался день эстонской литературы.'
- (54) За любым пустыком нужно ехать в область или в Питер. Такое впечатление, что в городе ничего не выпускается. - Еще как выпускается. (Работница 10/ 89:11)

Таллинн и город означают, кроме места, и людей, представленных данным местом и производящих в нем действие, обозначенное пассивной формой глагола. Целью говорящего является сообщение о том, что и где происходит, и вместе с тем он имплицитно информирует адресата о производителях действия, т.е. о том круге людей, который можно выделить из неопределенного множества.

4.1.3.1.2 ЛОК_{АГ} - место-учреждение с сотрудниками

Лок_{аг} может обозначать место как заведение, учреждение, включающее значение как конкретного места, так и лиц, находящихся в этом "месте-учреждении" в качестве его сотрудников, работников, учащихся и т.п.. Как локативное, так и агентивное значение сохраняется, но обобщенность агенса в таком смысле, как в предыдущих примерах, исключается: круг действующих лиц более ограничен в силу семантического содержания локатива, например:

- (55а) В деканате ему был объявлен выговор.
- (56а) В колхозе "Заря" был закончен сев.
- (57а) Linkolan aikana **Kaupunginteatterissa** tehtiin kuitenkin kolme isoa musikaalia. (HS 8/89:76)
 'Во время Линкола в Городском театре были поставлены три крупных мюзикла.'

Следует, однако, подчеркнуть, что конкретный агент далее остается недифференцированным, но он все же из тех, кто работает в деканате, колхозе, театре (ср. Золотова 1982:206). Сравним активные корреляты с восстановленным агентом:

- (55b) В деканате **декан** объявил ему выговор.
 (56b) В колхозе "Заря" **колхозники** закончили сев.
 (57b) ..**ohjaajat ja näyttelijät** (yms.) tekivät..
 '..режиссеры и актеры (и др.) поставили..'

Пассив используется, так как нет надобности конкретизировать производителя действия: локативная форма одна способна в достаточной мере сообщить информацию о его референте. К тому же название агента (в предложениях группы b) является излишним. В примере (55a) речь может идти и о нежелании говорящего уточнить производителя действия. Иногда может быть даже выгодно посредством Лок_{ар} дать впечатление о неопределенности производителя действия: прибегая к пассиву, говорящий не хочет или не может уточнять референт агента, например:

- (58a) Более подробно понятие языковой системы разрабатывается в 70-80-е годы, в **Казанском университете**, где.. (Girke & Weiss 1980:229)
 (59a) Mielestäni on paikallaan, että myös **ammattikorkeakouluissa harjoitetaan** tutkimusta. Eli missä opetetaan, siellä myös tutkitaan asioita. (Akava 3/90:21)
 'Я считаю, что и в институтах следует заниматься научной деятельностью. То есть там, где преподают, там и занимаются исследованием..'

В данных случаях употребление пассива мотивировано тем, что у говорящего нет необходимости уточнять производителя, включающегося в лексическое значение локативного компонента: университет - это место работы ученых, научных сотрудников, место обучения студентов. Эксплицитное упоминание приводит к громоздкости выражения. Сравним:

- (58b) ?.. разрабатывают ученые, преподаватели и студенты
 (59b) ?.. että myös ammattikorkeakoulussa opettajat ja opiskelijat harjoittavat
 '.. что также в институтах преподаватели и студенты занимаются наукой'

Множество агентов, имплицуемое локативом, может состоять из достаточно узкого круга лиц, например:

- (60) Ydinsodasta ei tavallisesti puhuta kotona eikä koulussa.. (HS 21.1.90:A4)
'О ядерной войне обычно не говорят ни дома, ни в школе.'
- (61) Kerroin heille, että lapsuudenkodissani puhuttiin yksinomaan ruotsia, että olen käynyt ruotsinkielisen leikkikoulun, ..(HS 3/89:57)
'Я рассказал им, что в моем родном доме говорили только по-шведски, что ходил в шведский детский сад.'

В данных примерах неопределенное подмножество действующих лиц идентифицируется из узкого круга, из определенного множества людей, т.е. из членов семьи в примерах (61) и, кроме членов семьи (в первую очередь, родителей), также из учителей в примере (60). В примере (61) значение локатива сужено, так как в первую очередь имеются в виду "домашние". В следующем примере метонимически употребленная локативная форма обозначает лишь узкий круг лиц, и очертания множества довольно четки (см. Гак 1991:81-86), например:

- (62) Jos taas perheessä keskustellaan uutisaiheista ja kohdalle sattuu vielä niistä kiinnostunut opettaja, nuorelle syntyy maailmasta kokonaisvaltainen kuva. (HS.21.1.1990:A4)
'Если в семье разговаривают о новостях и если еще попадается учитель, который интересуется ими, то у молодого учащегося рождается целостная картина о мире.'

Референт агента, компенсированного выражением **в семье**, состоит из неширокого круга лиц, и лишь косвенно имплицурует место (т.е. **дома**), которое вмещает того, кто действует⁷⁹. Интересным является то, что в русском языке в последних случаях (примеры 60-62) не употребляется пассив, а неопределенно-личная форма (см. 4.1.3.1.8), более характерная по сравнению с собственно ПК (которая, как выше упоминалось, встре-

⁷⁹ Как в финском языке, так и в русском языке возможны следующие выражения, близкие по своим референциальным особенностям обозначениям небольшого подмножества лиц "в семье", "дома":

- (i) **Virtasilla puhutaan**, että pian tulee vallankumous.
Виртанен-Адесс Мн.ч. говорить-ПасПрез
'У Виртаненов говорят, что скоро будет революция.'
- (ii) **У Ивановых боятся**, что будет еще одна революция.

чается в основном в научно-деловом и публицистическом стилях) для разговорной речи и для обсуждения "бытовых" вопросов.

4.1.3.1.3 ЛОК_{аг} - событие

Лок_{аг} может обозначать мероприятие, событие типа **собрание, заседание, симпозиум**, содержащее импликацию совокупности лиц в значении "участники" данного события, но не содержащее указания на конкретное место действия. Данные локативы обозначают предмет-пространство лишь в метонимическом смысле, хотя в синтаксическом плане этот компонент ведет себя как обстоятельство. Кроме пространственного значения, подобный локативный компонент имеет и временное значение (см. РГ 1980 II:155). Рассмотрим примеры:

- (63) Toisaalta jos 1970-luvun **puoluekokouksissa olisi noudatettu** Moskovan neuvoja, ihan toisenlaisia ratkaisuja **olisi tehty**. (HS 8/89:22)
'С другой стороны, если бы на съездах партии в 1970-х годах поступали согласно советам из Москвы, совсем другого типа решения были бы приняты.'
- (64a) Tiedekunnan **kokouksessa päätettiin** opiskelijoiden stipendeistä.
'На собрании факультета было принято решение о стипендиях для студентов.'

Употребление аналогичного локатива весьма характерно также для русского языка:

- (65) **На втором съезде** отчетливо обозначались две тенденции: консервативная и центристская, и именно эти две силы имеют реальные перспективы в нашем обществе. (МН 52/89:4)
- (66a) **На заседании** президиума Советского фонда культуры под председательством академика Д. Лихачева была обсуждена судьба мемориального дома К.И. Чуковского.. (ЛГ 15/89:7)

Агенсом являются участники заседания и съезда, и нередко на этот совокупный агент указывается в виде определения (см. 63, 64а, 66а), способного субъективироваться. Сравним:

- (63b) Tiedekunta päätti kokouksessaan..

'Факультет решил на своем собрании..'

(66b) Президиум .. на своем заседании обсудил..

Так как деятель ясен из ситуации (в примерах группы а), нет надобности называть его конкретно, тем более, что его устранение способствует акцентировке внимания на самом действии и его объекте.

4.1.3.1.4 ЛОК с временным значением

Как в финском, так и в русском языках **временной распространитель** в состоянии ограничить или локализовать во времени действие, выраженное пассивной формой глагола, и в связи с этим он ограничивает в какой-то степени круг производителей действия, например:

(67) Jo **vuosisadan alussa** meitä moitittiin laiskasta ääntämisestä ja puheen yksitoikkoisuudesta. (Т8:8)

'В начале века нас упрекали в ленивом произношении и монотонности речи.'

(68) Lisztin sävellyksiä pidettiin aikanaan itse paholaisen aikaansaannoksina, ja Straussin uskottiin viettelevän ihmisiä valsseillaan. (Т 8/89:5)

'Произведения Листа считались с свое время творениями самого дьявола, а также подозревали, что Штраус соблазняет людей своими вальсами.'

(69) Если **во время олимпиад** мгновенно **выдается** любая информация, то для органа власти это, по-моему, поважнее. (Огонек 18/89:4)

По сравнению с вышеприведенными пассивными предложениями, в которых Лок_{ар} способен компенсировать агенс, в этих примерах локатив с временным значением локализует лишь действие во времени, но одновременно имплицитно и определенным образом ограничивает круг возможных агенсов: число деятелей неопределенно, агенс иррелевантный, обобщенный, но, поскольку действие локализуется в определенном отрезке времени, круг производителей действия в какой-то степени ограничен по сравнению с примерами с совершенно неизвестным либо обобщенным агенсом. Например, в предложении (68)

имплицитруется, что **при жизни самого Листа** люди считали его произведения соблазнительными, но нет указаний, как было затем. Также в предложении (69) передается действие неизвестного агенса в рамках ограниченного отрезка времени, т.е. во время олимпиад.

Есть случаи, в которых два локатива ограничивают круг возможных агентов: локатив с временным значением локализирует в определенном отрезке времени действие, которое производится дефокусированным агенсом, имплицитруемым Лок_{ар}. Рассмотрим примеры:

(70) **В этом году** на "Ленфильме" будут экранизованы многие произведения русской классики.

(71a) **Viime vuonna Suomessa juotiin viiniä enemmän kuin edellisenä vuonna.**

'В прошлом году в Финляндии пили больше вина, чем в предыдущем году.'

Сравним данные предложения без одного из распространителей (аналогичное сравнение можно провести и с русским примером (70)):

(71b) **Viime vuonna juotiin viiniä enemmän..**

'В прошлом году пили больше вина..'

(71c) **Suomessa juotiin viiniä enemmän..**

'В Финляндии пили больше вина..'

В предложении (71b) временной распространитель локализирует действие в определенном времени, т.е. сообщается в обобщенном плане о действии неконкретизируемых агентов лишь в прошлом году, а не вообще, в любое время. В предложении (71c) имплицитруется неопределенное множество действующих лиц, находящихся в названном месте, но не сообщается ничего конкретного о том, когда действие было совершено.

4.1.3.1.5 КвазиЛОК_{ар}

Подмножество из определенного множества действующих лиц может выражаться также с помощью "квазилокатива", т.е. посредством

предложной формы, метонимически переосмысляемой как локатив в силу своей поверхностной формы. Однако от приведенных выше примеров с Лок_{ар} рассматриваемый тип отличается именно тем, что сам квазилокатив не несет информации о скрытом субъекте, а лишь выделяет часть, подмножество агентов, заключающихся в референции определяющего, с семантической точки зрения главного агентивного компонента. Здесь, как и в примерах выше, сохраняется значение множества действующих лиц, т.к. агент идентифицируется в рамках группы. Выделяемый нами квазилокатив обозначается выражениями **piirissä**, **в кругу**, **в среде**, а также семантически им эквивалентным предлогом **среди** в русском языке и послелогом **keskuudessa** 'среди' и т.п. в финском языке⁸⁰. Рассмотрим примеры:

- (72) **Tiedemiespiireissä** luonnon saastumisongelmaa on pohdittu paljon.
'В кругу ученых обсуждается проблема загрязнения окружающей среды.'
- (73) **Seemiläisten kansojen piirissä** sielun ajateltiin kuoleman jälkeen olevan jollakin tavoin sidoksissa ruumiiseen.. (Т 8/89:29)
'В среде семитских народов считалось, что душа после смерти как-то связана с телом..'

Локативная форма обозначает подмножество из множества ученых и семитических народов, выделяемое квазилокативом в качестве действующих лиц. Рассмотрим аналогичные примеры русского языка:

- (74) Второй вариант сохранял возможность выполнить задание, к тому же такого рода управление реактором считалось в среде операторов признаком особого мастерства. (НиЖ 11/89:80)
- (75) Идея.. затем обсуждалась в кругу разных специалистов, в частности на семинаре... (НиЖ 10/89:23)

Эти способы идентификации агента, в которых локативные компоненты ведут себя синтаксически как производные предлоги, маркированы, однако, семантически как вышеприведенные Лок_{ар}: в них не утверждается, что все ученые или специалисты обсуждают проблему (72), идею (75). Подобное наблюдается и в следующих примерах с предлогом **среди** и послелогом **keskuudessa** 'среди':

⁸⁰ Конструкция **среди** кого-либо считается в РГ (1980 П:154) субъектным детерминантом, который обозначает субъект, входящий в состав множества.

- (76a) Среди ученых подчеркивается важность решения этой проблемы.
- (77a) **Kansalaisten keskuudessa seurataan** huolestuneina Persianlahden sodan kehitymistä.
'В народе (досл. 'в кругу / среди граждан') с волнением следят за развитием войны на Персидском заливе.'

Сравним различные варианты данных предложений:

- (76b) Ученые подчеркивают важность..
- (76c) Учеными подчеркивается важность..
- (77b) Kansalaiset seuraavat..
'Люди следят..'

Среди ученых не обязательно обозначает, что в действии приняли участие так много ученых, как обозначается формой АД **учеными** (76c) или подлежащим в активном корреляте (76b) - **ученые**. В примере (76a) в конструкции **среди ученых** форма слова накладывает на значение субъекта-агенса свое собственное значение формы слова, в данном случае значение подмножества агентов. По сравнению с (76a) и (77a) их активные корреляты (76b, 77b) сообщают о действии определенного агенса, также и (76c), представляющий собой вариант с точки зрения коммуникативной задачи данного предложения в контексте.

В приведенных выражениях дефокусированный агент обозначает лишь производителя действия, а не место. Локативное значение подобного квазилокативного компонента подавляется, т.к. в семантическом плане главное слово (с синтаксической точки зрения - несогласованное определение, см. **операторов** в примере [74]) не предполагает возможности реализации локативного значения. Таким образом, квазилокатив, не приобретающий локативного значения, а обладающий скорее всего статусом предлога или послелога, однако, имеет свою семантическую функцию - ограничение круга действующих лиц из людей, идентифицируемых в главном слове, несущем агентивное значение. Данный тип импликации агенса является малораспространенным как в русском, так и в финском языках.

4.1.3.1.6 ЛОК-продукт с импликацией автора-агенса

Под "локативом-продуктом" подразумевается локативная форма в пассивной конструкции, обладающая значением предмета-продукта, приравниваемого в некоторых случаях даже к значению орудия, инструмента действия. Посредством этого предмета, обозначенного в форме локатива, имплицитруется "внешний автор", совершивший действие, выраженное пассивной формой глагола. Сама локативная форма означает чаще всего продукт имплицитруемого автора, например **письмо, книга, статья, произведение**, а также подобные им слова **газета, журнал, пресса**. Рассмотрим примеры⁸¹:

(78a) В книге описывается синтаксис простого предложения.

(79a) Как точно говорилось в одном стихотворении хрущевской еще эпохи.. (МН 52/89:3)

Агенса-автора в синтаксическом плане вполне реконструируем в соответствующем активном корреляте (78b и 79b):

(78b) В книге **автор** описывает синтаксис..

(79b) Как точно говорил **автор** в одном стихотворении..

Подобное употребление локатива в ПК встречается также в финском языке, например:

(80) Ihmisen kehitys on kirjoituksissa usein jätetty sivuseikaksi. (Т 8/89:62)
'Эволюция человека часто квалифицируется в статьях как второстепенное обстоятельство.'

(81) Ensimmäinen suudelma, Aila ajatteli itsekseen. Miten monissa kirjoissa kerrottiin ensimmäisistä suudelmista. (Oksanen 1976:154)

⁸¹ Циммерман приводит аргументацию возможности вторичных дериваций с производными переходными глаголами. Он демонстрирует с помощью следующих примеров деривационные отношения, в процессе которых производитель действия элиминирован, но имплицитруется:

(i) В этой книге автор излагает историю столицы.

(ii) В этой книге автором излагается история столицы.

(iii) В этой книге излагается история столицы.

(iv) Эта книга излагает историю столицы.

(v) * Этой книгой излагается история столицы.

По мнению Циммермана, переходность глагола (iv) производная, и поэтому глагол ведет себя иначе, чем в исходных диатезах (Циммерман 1978:75-76).

'Первый поцелуй, подумала Айла. Как часто в книгах рассказывается о первых поцелуях.'

Важнейшей функцией этих предложений является сообщение о действии, а "автор-агенса" прагматически подразумевается. Более конкретная его идентификация либо не нужна, не релевантна, либо происходит с помощью контекстуальных импликаций. Особый случай употребления пассива с "локативом-продуктом", свойственного и финскому и русскому языкам, встречается в языке законов и распоряжений. Рассмотрим примеры:

- (82) **Laissa annetaan yleiset säännökset virastojen ja laitosten pääasiallisista tehtävistä.** (Virko.oik. 1987)
'В законе издаются общие указы о главных задачах учреждений и ведомств.'
- (83) **В постановлении** Съезда народных депутатов СССР или Верховного Совета СССР о назначении референдума указывается дата его проведения,.. (Известия 28.12.90:2)

Любопытным является то, что здесь сохраняется явное значение орудия, инструмента действия: в русском языке в данном случае употребляются кроме локативной формы творительный орудия, а в финском языке соответственно - адессив. Сравним:

- (84) **Passintarkastuspaikoista säädetään asetuksella.** (Ulk.laki 1991:29)
'Пункты проверки паспортов определяются указом.'
- (85) Порядок проведения республиканских и местных референдумов определяется законами Союза ССР и законами республик. (Известия 28.12.90:2)

В примерах о языке законов в качестве агенса-автора подразумевается законодатель, воспринимаемый не как конкретное лицо, а выступающий от имени государства. Подобные предложения имеют целью выражение акцентированной констатации факта действия без малейшего указания на его производителя.

4.1.3.1.7 Meillä в финском языке - у нас в русском языке

В финском языке местоименная форма **meillä** (адессив местоимения "мы") 'у нас' употребляется как в литературном языке, так и в разговорной речи вместе с пассивной формой глагола в значении локатива (см. Shore 1986:47)⁸². В данной функции она не указывает на конкретную референциальную группу "мы", а имеет неопределенно-обобщенное значение "вообще у нас", которое может в контексте уточняться (в нашей стране, дома, на месте работы и под.). Рассмотрим примеры:

- (86a) **Meillä puhutaan** paljon naisten asemasta.
мы-Адесс говорить-ПасПрез
'У нас много говорится о положении женщин.'
- (87a) **Miten teillä ratkaistaan** työttömyysongelma?
вы-Адесс решать-ПасПрез
'Как у вас решается проблема безработицы?'

Данная местоименная форма ограничивает круг производителей действия из числа совершенно неопределенного. Рассмотрим еще следующие примеры:

- (88a) Niinpä **meillä** sitten usein jälkeinpäin harmitellaan, kun ei saatu sanotuksi, mitä olisi haluttu. Varsinkin viime aikoina **meillä on valiteltu** keskustelujen vähäisyyttä. (Т 8/89:11)
'Итак у нас часто впоследствии досадуют, что не сказали, что хотели. Особенно в последнее время у нас жалуются, что люди мало говорят.'
- (89a) Tieteen tiedotus on aihe, josta **meillä on puhuttu** pitkään ja paljon. (Т 2/89:62)
'Информация о науке является предметом, о котором у нас говорится уже долго и много.'

Предложения без подобной местоименной формы с агентивным значением имеют более обобщенное значение (т.е. вообще, не только у нас), чем предложения, в которых действие локализовано посредством "у нас". Сравним:

- (88b) Niinpä sitten usein jälkeinpäin harmitellaan..

⁸² В данной функции возможны и аналогичные другие лица множественного числа, **teillä** 'у вас', **heillä** 'у них', хотя они менее употребительны.

'Итак часто впоследствии жалуются..'

(89b) Tieteen tiedotus on aihe, josta on puhuttu pitkään ja paljon.

'Информация о науке является предметом, о котором говорится уже ..'

В русском языке субъектный детерминант типа **у нас** может при пассивной форме глагола приобретать эквивалентное финским примерам значение обобщенного скрытого агенса, выражающее, что **у нас принято делать**, например:

(86b) **У нас** много говорится о положении женщин.

(87b) Как **у вас** решается проблема безработицы?

Более конкретно круг действующих лиц, выраженный местоименной формой с агентивным значением в финском языке (представляющей собой, согласно финским грамматикам, обстоятельство) и местоименным субъектным детерминантом в русском языке, может уточняться контекстом, в частности, локативом, например:

(90) **Meillä Suomessa** alkoholia käytetään runsaammin kuin muualla Pohjolassa.

'У нас в Финляндии пьют больше алкоголя, чем в других северных странах.'

(91) **У нас в Советском Союзе** эта проблема решается иначе.

Из вышесказанного следует, что как в финском, так и в русском языках пассивные предложения, содержащие импликацию агенса в виде **meillä** и **у нас** употребляются для выделения круга деятелей из числа совершенно неопределенного. В этой функции данная форма воспринимается в значении Лок_{ар}. По нашим наблюдениям, рассмотренная конструкция нередко встречается в финском языке, что может объясняться стремлением говорящего дефокусировать "Эго", т.е. самого себя, особенно характерна она для финской разговорной речи (см. 4.2). В русском языке нами было найдено очень мало примеров с подобной импликацией агенса потому, как нам представляется, что в нем в подобном случае прибегают к неопределено-личной конструкции.

4.1.3.1.8 Неопределенно-личная конструкция с ЛОК_{аг}

Функцию собственно ПК с Лок_{аг} может в русском языке выполнять и неопределенно-личная конструкция с Лок_{аг}, способная информировать о действии лиц, находящихся в обозначаемом локативом месте или пространстве. Наличие локативных распространителей, обозначающих косвенно производителя действия, очень характерно для неопределенно-личных конструкций. Адамец (1973:59-60) говорит о "компенсации" обстоятельством места конкретного субъекта. Неопределенно-личная конструкция с Лок_{аг} является эквивалентом финской ПК особенно при непереходных глаголах, но к тому же и при некоторых переходных глаголах, пассивные формы которых в русском языке не употребляются в разговорной речи, или от которых они вообще не образуются, в силу отнесенности глагола к разговорному стилю. Рассмотрим финские пассивные предложения с непереходными глаголами и их русские эквиваленты:

- (92a) **Suomessa sairastetaan paljon.**
- (92b) **В Финляндии много болеют.**
- (93a) **Kokouksessa tultiin siihen tulokseen, että..**
- (93b) **На собрании пришли к такому выводу, что..**

В данных эквивалентах русского языка лексическая семантика глаголов накладывает ограничения на употребление пассива. Тем не менее в них, по сравнению с финским языком, с помощью Лок_{аг} в одинаковой степени имплицитруется дефокусированный агенс. В качестве компенсатора производителя действия в неопределенно-личной конструкции встречаются те же семантические подгруппы Лок_{аг}, которые были приведены с собственно ПК, например:

- (94a) **На Руси говорили:** "На всякую болезнь зелень вырастает" - и свято верили, что.. (Здоровье 11/89:17)
- (95a) **Трудно взять в толк порядок, при котором в большом городе решают, сколько и на что должен тратить город маленький. К примеру, подумали, помозговали в Старой Руссе и пришли к выводу, что в следующем году им на решение социальных проблем нужен миллион. (Работница 10/89:10)**

Эти примеры аналогичны примерам (47-54), в которых локатив совмещает агентивное значение с неопределенным множеством лиц. Это множество имплицуруемых действующих лиц может быть в одинаковой степени ограничено, как в приведенных пассивных предложениях (55-66), например:

- (96a) **В колхозе закончили** сев.
 (97a) **На школьном собрании обсуждали** вопрос о..
 (98a) **Вызывали, кого можно было, в сельсовет и там уговаривали.**
 (Распутин 1984:60)16162
 (99a) **В нашей семье пели** народные песни. Я слушала и впитывала в себя самую разную музыку. (Путешествие 6/89:4)

В импликации агенса функция неопределенно-личной конструкции эквивалентна формально ПК финского и русского языков, рассмотренным выше. Приведенным неопределенно-личным предложениям в финском языке соответствует пассив, а некоторые русские примеры могут тоже быть заменены ПК, например:

- (94b) **Venäjällä puhuttiin:** ..
 (94c) **На Руси говорилось:** ..
 (95b) .. **suuressa kaupungissa päätetään,.. mietittiin, tuumattiin ja tultiin** siihen tulokseen, että
 (95c) .. **в большом городе решается**
 (96b) **Kolhoosissa on kylvötyöt saatu päätökseen.**
 (96c) **В колхозе был закончен** сев.
 (99b) **Meidän perheessämme laulettiin** kansanlauluja.
 'В нашей семье пели народные песни.'

В целом, в русском языке неопределенно-личная конструкция с Лок_{ар}, выполняющая ту же функцию, что и ПК в финском языке и ПК без АД в русском языке, отличается от последней лишь стилистической окраской, т.к. она употребляется в основном в художественном и разговорном стилях, а также в некоторой степени в газетно-публицистическом стиле и редко в научном и официально-деловом стилях.

4.1.3.1.9 Резюме

Подводя итоги, можно констатировать, что Лок_{ар} в ПК способен в семантическом плане компенсировать деятеля: он несет семантическую информацию о дефокусированном агенсе, однако не конкретизируя его до такой степени, как подлежащее-агенса в соответствующем активном корреляте. Идентификация агенса локативом в пассивном предложении дает возможность выражать деятеля более обобщенно, анонимно, без уточнения, кто конкретно несет ответственность за действие, сообщение о котором после устранения деятеля является важнейшей целью подобных предложений. Кроме того, если говорящий не может, либо не хочет упоминать агенса прямо, Лок_{ар} является "смягченным" способом для введения какой-либо, хотя бы опосредованной информации о нем. Степень идентификации агенса варьируется от весьма обобщенного, неопределенного множества лиц, действующих в рамках локатива-пространства, до специфического, ограниченного подмножества людей, в большей степени конкретизируемых либо на основе семантики самого локатива-места, либо на основе прагматических знаний адресата о референте локатива. Сдвиг от обобщенности агенса до определенного подмножества демонстрируется еще посредством следующих эквивалентных по степени идентификации агенса предложений, начиная с весьма неопределенного множества людей и кончая определенным подмножеством лиц:

- (100a) **Tällä vuosisadalla on puhuttu paljon lasten oikeuksista.**
- (100b) **В этом веке много говорится о правах детей.**
- (101a) **Tänä vuonna puhutaan paljon..**
- (101b) **В этом году много говорится о ..**
- (102a) **Koko maailmassa puhutaan paljon ..**
- (102b) **Во всем мире много говорится ..**
- (103a) **Suomessa puhutaan paljon..**
- (103b) **В Финляндии много говорится о..**
- (104a) **Koulussa / työpaikalla puhutaan..**
- (104b) **В школе / на месте работы много говорится о..**
- (105a) **Kokouksessa puhutaan paljon..**
- (105b) **На собрании много говорится о..**
- (106a) **Kotona / perheessä puhutaan..**

(106b) **Дома / в семье много говорят о ..**

Вышеприведенные примеры являются хорошим доказательством того, что в ПК без АД может скрываться информация о референции агенса, представляющаяся адекватной в случаях, когда более точная идентификация деятеля невозможна, либо не обязательна, либо нежелательна.

4.1.3.2 Агентивное наречие

Дефокусированный агенс может опосредованно имплицироваться и семантикой наречия, называемого нами "агентивным наречием". Эти наречия, кроме свойственного им значения как части речи, т.е. образа, способа и т.п. действия, способны либо на основе исходного лексического значения данного слова, либо заданным контекстом передавать имплицитную информацию об устранившемся агенсе. Небольшую группу среди них составляют наречия, указывающие на какую-либо профессию, сферу человеческой деятельности, например, научно, административно, и т.п. (см. Pape-Müller 1980:82, 96). Рассмотрим эквивалентные предложения:

(107a) **Научно доказано**, что земля вращается вокруг солнца.

(108a) **Tieteellisesti on todistettu**, että maa pyörii auringon ympäri.

Агентивное наречие содержит в семантическом отношении импликацию агенса, сравним:

(107b) ? Ученые научно доказали, что..

(108b) ? Tiedemiehet ovat todistaneet tieteellisesti, että..

'Ученые доказали научно, что..'

Основной функцией пассива в таких случаях является характеристика действия или состояния. В предложениях с эксплицитным агенсом (107b, 108b), во-первых, возникает мешающий повтор, так как ученые и научно предопределяют друг друга, и, во-вторых, главное внимание фокусируется на агенсе-подлежащем, (т.е. именно ученые доказали), а не на характеристике действия.

В следующих примерах наречие экспериментально более косвенно имплицитно агенса и в целом идентификация агенса происходит и на основе прагматических знаний ситуации (ср. 4.1.3.6):

- (109a) Предложение о созидательной роли микроорганизмов подтверждается и экспериментально.
- (110) **Kokeellisesti on kyetty osoittamaan, että ..**
'Экспериментально доказано, что..'

Семантика наречия лишь опосредованно подсказывает, что агенсом являются ученые, инженеры и т.п. Подобные наречия, не содержащие в своем лексическом значении указания на какую-либо профессию (научно - ученый), чиновничество (административно - администратор), могут сохранить свою позицию без оттенка избыточности даже с введением предполагаемого эксплицитного подлежащего-агенса:

- (109b) Предложение о созидательной роли .. подтверждается учеными и экспериментально / подтверждают ученые и экспериментально

Примеры с агентивным наречием представляют собой пеструю группу. Анафорически названный агенс, например, может компенсироваться наречием, приобретающим в данном контексте агентивное значение:

- (111) Времени с тех пор прошло немного, но изменилось многое и в двусторонних отношениях, и в Европе, и в мире в целом. Изменилось к лучшему. То, что было совместно условлено в прошлом году, - открыть новую главу в наших взаимоотношениях - реализуется активно. (МН 24/89:6)

В примере (111) в предстоящем контексте говорится о развитии взаимоотношений между СССР и другими странами. Наречие совместно представляет собой субститут этих "агентов". В примере (112) агентивное значение наречия уточняется лишь конституацией, т.е. агенсом являются определенные люди, конкретизируемые контекстом:

- (112) Rummukaiseen sattui... Sen kasvot menivät punaisik-si ja kun sen ympärillä naurettiin, se ei osannut ratkaista, mitä se tekisi. (Skiftesvik 1989:83)
'Руммукайна задело за большое место.. Он покраснел и, когда вокруг него засмеялись, он не мог решить, что делать.'

Агентивное наречие может обозначать и неопределенность агентов, уточняющуюся и ограничивающуюся прагматическим знанием адресата данной ситуации. В примере (113) под наречием **сверху** подразумевается административное руководство Школьного управления и Министерства просвещения Финляндии, а в примере (114) - представители руководства Советского Союза:

- (113) Erikoistutkija Jorma Ekola Jyväskylän yliopistosta arvosteli suomalaisten koulu-uudistusten perinnettä. Uudistukset on toteutettu "ylhäältä".. (Op 6/90:29)
 'Старший исследователь Ёрма Экола из Ювяскюльского университета критиковал традицию финской школьной реформы. Реформы проведены "сверху".'
- (114) Вот, например, внесение на второй съезд вопроса о Комитете конституционного надзора. Этот вопрос был явно внесен сверху, и совершенно ясно, что ни к чему иному, кроме ненужной напряженности на съезде, он не мог привести. (МН 52/89:4)

В ПК с агентивным наречием в одних случаях на деятеля указывается в обобщенном виде и с дополнительными оттенками характеристики действия с точки зрения профессиональной деятельности его производителя. В других случаях эксплицитный агент нельзя назвать точно, хотя и в определенном смысле агентивное наречие служит его субститутом на основе контекстуальных импликаций (111-112) либо экстралингвистических знаний ситуации (113-114). Следует отметить, что данный способ импликации дефокусированного агента весьма редкое явление в рассматриваемых нами языках, но тем не менее оно представляет собой любопытный случай разнообразных возможностей говорящего опосредованно информировать о производителе действия.

4.1.3.3 Идентификация агента институциональным глаголом

Агент может полностью устраняться, не называться эксплицитно даже вне предложения, но он идентифицируем и реконструируем на основе лексического значения исходного глагола, выступающего в пассивной форме. Здесь имеются в виду т.наз. "институциональные" глаголы

(Girke & Weiss 1980:212), так или иначе характеризующих круг производителей действия, в частности, обозначающие действия, произведенные от имени общеизвестных правовых и общественных институтов, учреждений, организаций (например, милиции, суда, законодательных учреждений, церкви). Более эксплицитная идентификация агенса представляется ненужной, несущественной, даже излишней, поскольку на основе прагматических знаний адресату понятно, какая организация или какой институт несет ответственность за произведенное действие. Внутри такого коллективного агенса более конкретная идентификация непосредственного производителя данного действия часто даже невозможна.

Особую семантическую группу среди институциональных глаголов составляют глаголы, обозначающие действия компетентных лиц, в частности, милиции, юридических органов и т.п., например, **арестовать**, **судить** (лишь в значении 'судить на суде'):

- (115) Убийца был арестован поздно вечером.
- (116a) Myös hänen seurassaan ollut nuori nainen pidätettiin ja vangittiin.. (IS 23.3.90:6)
'Девушка, которая была с ним, также задержана и арестована..'
- (117) Vanhan sanonnan mukaan on parempi, että kymmenen syyllistä kulkee vараана, kuin että yksi syytön tuomitaan. (T 2/89:53)
'По старинной поговорке лучше десять виновных освободить, чем одного невинного приговорить.'
- (118) Представитель греческого правительства заявил, что руководство его страны рассматривает вопрос об освобождении трех армейских офицеров, участвовавших в путче по захвату власти в Греции в 1967 году, за что они были осуждены и приговорены к смертной казни - расстрелу. (Известия 22.12.90:1)

Данные глаголы, за редким исключением, выступают лишь в пассиве, как в русском, так и в финском языках и в неопределенно-личной форме в русском языке. Эксплицитное название агенса вполне допустимо, но его введение излишне, например:

- (116b) Myös hänen seurassaan olleen nuoren naisen poliisi pidätti ja vangitsi
'Также девушку, которая была с ним, милиционер задержал и арестовал.'

Когда речь идет о нескольких действиях, совершенных возможно разными институтами, эксплицитная идентификация агенса / агентов может предоставлять большие трудности, хотя его / их референт в прагматическом плане известен, например:

- (119) Полонский был арестован, обвинен в измене Родине и 30 октября 1937 года расстрелян. (НиЖ 11/89:40)
- (120) Прошла (Сахновская М.Ф. - MVA) путь от рядового бойца до военкома бригады X11 армии, позже назначалась военкомом.., награждена в 1921 орденом.. В 1937 году безвинно репрессирована. В 1959 году реабилитирована и исключена из списков Советской Армии ввиду смерти. (Работница 10/89:16)

В данном случае ПК с дефокусированным агенсом служит важным средством для выражения самого основного, т.е. выделения произведенных над объектом действий. Наоборот, эксплицитная реконструкция агенса изменила бы акцентировку информации: центром внимания стали бы агенты. Подобных примеров в русском языке встретилось в нашем материале, в особенности в источниках публицистического стиля, много, и в подавляющем большинстве производитель действия остается формально не выраженным. В русском языке помимо ПК для обозначения деятельности общественных институтов употребляется также неопределенно-личная конструкция, например:

- (121) В Питере в 1912 году он (Полонский - MVA) вступил в партию большевиков, а летом 1914 года за организацию забастовок на Франко-Русском заводе его арестовали и сослали в Сибирь. (НиЖ 11/89:40)
- (122) А мы даже не знаем, где захоронен отец. Да, отца и мать реабилитировали, восстановили их доброе имя, но не вернули их.. (НиЖ 11/89:75)

Как выше неоднократно указывалось, неопределенно-личная конструкция по сравнению с собственно ПК без АД выполняет одинаковую функцию, устраняя производителя действия. Однако здесь может идти речь и об эллипсисе "они", т.е. имплицитируются определенные представители общественной системы того времени.

Вторую заметную лексическую группу институциональных глаголов составляют глаголы, действие которых осуществляется законодательными учреждениями от имени государства. Такими являются, в частности, глаголы издать, принять, утвердить закон, указ и под., обозначаю-

щие действие, совершаемое лишь определенным коллективом-институтом или их представителями. Рассмотрим примеры:

- (123) Внесены изменения в закон СССР о государственных преступлениях. (ЛГ 15/89:2)
- (124) Vuosi sitten säädettiin laki ajokortin kaksivaiheisesta suorittamisesta. 'Год тому назад был принят закон о двухступенчатом экзамене по водительским правам.'

Подразумеваемым агенсом-институтом в данных примерах является **парламент** или под., имеющий право принимать законы. Третью группу глаголов, не предполагающих упоминания конкретного производителя действия, составляют глаголы типа крестить, венчать и хоронить, обозначающее действие которых тоже совершается от имени общественного института, т.е. церковью или подобным ей учреждением. С ними, и особенно это касается финского языка, в речи употребляется в основном лишь пассивная форма глагола:

- (125) Lapsi kastettiin viikko sitten. 'Ребенка окрестили неделю назад.'
- (126) Presidentti Kekkonen haudattiin juhlallisin menoin. 'Президент Кекконен был похоронен с торжественными обрядами.'

В русском языке с данными глаголами употребляется либо пассивная форма глагола (127), либо неопределенно-личная форма (128):

- (127) .. у Кремлевской стены в двух братских могилах были похоронены те, кто отдал свою жизнь в октябрьских боях за Советскую власть. (Огонек 18/89:7)
- (128) Мальчика окрестили Иваном.

Четвертую группу образуют глаголы, по своей семантике прямо не являющиеся институциональными, но приобретающие это значение лишь в данном контекстуальном окружении. Рассмотрим пример, в котором семантика глагола (в значении объявлять должность) имплицитно инстинут в качестве действующего лица:

- (129) Keminmaan kunnan koululaitoksessa julistetaan haettaviksi 1.8.1990 alkaen vakinaista täyttämistä varten seuraavat virat:.. (OP 6/90:42)
'В школьном учреждении коммуны Кеминмаа объявляются начиная с 1.8.1990 следующие постоянные должности:..'

Кроме глагола, в этом предложении (и ему подобных) имеется локатив, содержащий импликацию агенса-института, либо, как это часто бывает в газетных объявлениях, Лок_{ар} вводится катафорически. Также глагол избирать может в пассиве подразумевать коллективность агенса, в частности и общественный институт, но такое значение полностью обусловлено контекстом либо прагматическим знанием ситуации (см. 4.1.3.4). Это наглядно демонстрируется в следующих примерах, в которых агенс-организация (т.е. профсоюзы, партия) эксплицируется контекстуально:

- (130) По профессии я инженер электронной техники. В депутаты избрана от профсоюзов, представляю профсоюз рабочих.. (Работница 10/89:2)
- (131) *Salolainen valittiin Kokoomuksen puheenjohtajaksi.*
'Салолайнен был избран председателем Коалиционной партии.'

В итоге можно отметить, что с "настоящими" институциональными глаголами (примеры 115-128) более эксплицитная идентификация агенса не нужна, т.к. семантика исходного глагола подсказывает его⁸³. Активный коррелирует с восстановленным агенсом-подлежащим, привносит, во-первых, несущественную информацию, и во-вторых, в предложении изменяется логическая акцентировка: объект и действие, выдвинутые как важнейшие элементы в ПК, отодвигаются на второй план в связи с появлением "господствующего" агенса-подлежащего.

4.1.3.4 Прагматическая идентификация агенса

Агенс может не называться эксплицитно, не имплицироваться локативом, наречием, семантикой глагола и т.п., но он может быть понятным адресату на основе его прагматических и экстралингвистических

---

⁸³ Приведенный нами перечень не претендует на полный. Помимо упомянутых, существуют глаголы, лексическое значение которых включает значение производителя действия в обобщенном смысле, в частности, преподавать (преподаватель преподает), исследовать (исследователь исследует), при которых Лок_{ар} может ограничить либо уточнить деятеля или круг деятелей:
(i) В лицее преподаются, в частности, латинский и русский языки.

знаний, а также на основе самых различных контекстуальных импликаций. Чаще всего восстановление агенса несложно. Сравним следующие предложения:

- (132a) Esimerkkinä voi pitää nelivuotiasta päiväkotilasta, jolle annettiin korvatulehdukseen 40 antibioottikuuria. (HS 3/89:33)
 'Примером можно считать четырехлетнего ребенка в детском саду, которому выписали при воспалении уха 40 уколов антибиотиков.'
- (132b) .., jolle lääkäri / lääkärit antoivat..
 '... , которому врач / врачи выписали..'

Конкретное включение агенса, однако, является излишним, и кроме того, приписывается большее значение подлежащему-агенсу с отвлечением внимания от действия и его объекта. В следующем примере конкретная идентификация агенса сложнее:

- (133) Hän (Esa-Pekka Salonen - MVA) kertoo.., miten "nuoren polven intellektuellia" pyydettiin tukemaan pääministeri Harri Holkerin presidentinvaalikampanjaa. (HS 3/89:17)
 'Он рассказывает, как "интеллигента молодого поколения" просили поддержать предвыборную президентскую кампанию премьер-министра Харри Холкери.'

Для адресата понятно, из какого круга действующих лиц (т.е. из организаторов предвыборной кампании) агенс идентифицируется, хотя его конкретная идентификация остается неясной. Причиной того, почему говорящий прибегает к ПК, может служить т.наз. "Insiderinformation" (Girke & Weiss 1980:211), т.е. говорящий владеет информацией, не предназначенной для посторонних людей: он знает деятеля (деятели), но не хочет или не считает нужным назвать его конкретно в качестве действующего лица.

Конкретная идентификация агенса нетрудна и в следующем предложении, в котором "кандидат в агенсы" прагматически понятен на основе как лексического значения глагола-предиката, так и на основе внеязыковых и контекстуальных импликаций, в частности, обозначений места и времени совершения действия, например:

- (134) Я решил изучить этот опыт. Я узнал, что начиная с конца 20-х годов в Карелии "перевоспитывались" тысячи людей. (ЛГ 15/89:2)

В примере (135) прагматическое знание адресата подсказывает дефокусированный агенс: референт объекта действия произведен одним определенным человеком, Л.Н. Толстым:

- (135) Роман "Война и мир" писался в обстановке творческого подъема, в счастливый период яснополянской семейной жизни. (Кулешов 1989:442)

Как в русском, так и в финском языках отмечаются случаи, в которых в одном предложении или сверхфразовом единстве с помощью пассивных форм глагола имплицитно вводятся разные агенсы. В таких случаях правильная идентификация дефокусированного агенса зависит от контекста и его импликаций, а также от прагматического знания ситуации адресатом. В следующем примере пассивные формы глагола соотносятся с разными реальными субъектами: с одной стороны, людьми, которые являются объектами исследования и, с другой стороны, исследователями, проводящими данный эксперимент:

- (136a) Tutkittavat olivat löylyssä 9 minuuttia, sitten vilvoiteltiin 15-20 minuuttia joko huoneenlämmössä, parikymmenasteisessa vedessä tai 16-18-asteisessa suihkussa. Näin tehtiin viisi kertaa. Tutkimuksen eri vaiheissa otettiin EKG sekä mitattiin verenpaine ja kehon lämpötila eri paikoista. (T 2/89:4)

'Исследуемые люди парились 9 минут, а затем охлаждались 15-20 минут либо в комнате, либо в двадцатиградусной воде, либо под душем в 16-18-градусной. Так делалось пять раз. В течение исследования (исследователи) делали кардиограмму, а также измеряли кровяное давление и температуру тела в разных его местах.'

Референт агенса при первых двух пассивных формах глагола ясен, так как производитель действия (т.е. исследуемые) вводится анафорически. Употребление ПК обосновано желанием говорящего обращать внимание на действия: поскольку референт агенса уже понятен на основе предыдущего контекста, нет надобности его больше называть и отвлекать внимание адресата от сообщения действия. Второй агенс, т.е. лицо, совершавшее два последних действия, выраженных пассивной формой глагола, остается неконкретизированным, но прагматическое знание адресатом ситуации способствует его идентификации. Конкретное включение агенсов вырисовывает следующую картину:

(136b) .. tutkittavat / he vilvoittelivat ja (he) tekivät näin viisi kertaa... tutkijat ottivat EKG:n ja mittasivat verenpaineen..

'..исследуемые / они охладились и (они) делали так пять раз... исследователи делали кардиограмму и измеряли кровяное давление..'

Также и в русском языке прагматическое знание ситуации способствует правильному пониманию имплицированных агентов. Рассмотрим пример:

(137) В части 1 отмечается, что курс обучения предполагает реализацию коммуникативного подхода, который направлен на создание мотивации, развитие чувств и эмоций и построен на активности учащихся. Работа осуществляется в парах и малых группах.. (РЯЗР 5/89:94)

В первом предложении с тремя пассивными формами глагола агентом является сам автор изложения, т.е. **автор** отмечает, что он создал курс, который направлен **им** на создание мотивации, построен **им** на активности учащихся. Во втором предложении имплицированный агент обозначает преподавателей со своими учениками.

Употребление нескольких пассивных форм без достаточных контекстуальных или ситуационных импликаций может вести и к недоразумению, например:

(138) Ennen kaikkea sademetsillä maksetaan velkoja köyhiltä rikkaille. Teollistuneet maat vaativat lainojaan takaisin sillä hinnalla, että maapallon keuhkot tuhotaan. (HS 8/89:30)

'Прежде всего в виде дождевых лесов выплачиваются долги бедных стран богатым странам. Развитые страны требуют своих долгов обратно такой ценой, что легкие земного шара будут уничтожены.'

В первом предложении, вследствие употребления индефинизирующей пассивной формы, остается неясным, кто платит, бедные, богатые или, может быть, кто-то третий, "посредник", хотя экстралингвистические знания подсказывают, что скорее всего агентом являются бедные страны. Также во втором предложении говорящий, употребляя пассивную форму глагола, оставляет неясным вопрос о том, кто (из названных трех) несет ответственность за уничтожение легких земного шара. Если целью говорящего не является намек на намеренное действие предпо-

лагаемых агентов, то вместо пассива следовало бы употребить рефлексивную форму **tuhoutuvat** 'уничтожаются'.

Прагматическая идентификация агента при пассиве представляет собой многообразное явление, т.к. помимо общепрагматических и ситуационных импликаций, на которые "надеется" говорящий в идентификации адресатом производителя действия, в самом пассивном предложении либо вне его могут находиться различные элементы, способствующие опосредованно этой идентификации агента без его конкретного упоминания (например, лексическое значение исходного глагола, референт объекта). При отсутствии подобных элементов, и в особенности при наличии нескольких пассивных форм глагола с различными референтами агента, идентификация производителя действия происходит лишь на основе внеязыковых знаний ситуации адресатом.

4.1.3.5 *Passivum modestiae*

Под понятием *passivum modestiae*, 'пассив скромности' (см. Girke & Weiss 1980) подразумевается в данном случае употребление ПК в функции, в которой говорящий и особенно пишущий информируют адресата о своем действии, не называя себя как агента-автора. Это т.наз. "софистическое" употребление пассива свойственно в основном научному стилю: из-за "скромности" говорящий / пишущий избегает самоназывания, подчеркивания своей личности как субъекта действия. К ПК в данной функции весьма часто прибегают ученые, докладывая о результатах своих исследований. К тому же, *passivum modestiae* встречается в предисловиях книг, во вводных статьях и т.п. Эта функция пассива характерна как для финского, так и для русского языков. Рассмотрим примеры:

(139a) Tässä (kirjassa - MVA) keskitytään kielen systeemiluonteeseen, sen rakenteellisuuden esittelyyn. (Karlsson 1977:3)

'В этой книге обращается внимание на представление системного характера языка, на его структуру.'

- (140a) Kirjoituksen tasoa suunniteltaessa on lähdetty siitä, että oppilailla on jo oppikoulun antamat perustiedot yhteiskuntaopissa. (Alasaukko-oja 1976:9)
'В планировании уровня книги исходили из того, что учащиеся уже владеют элементарными основами обществоведения, преподающимися в средней школе.'
- (141a) В книге представлено несколько разработанных линий, несколько областей, группирующихся вокруг поставленной проблемы, вся сложность которой не может быть, разумеется, здесь исчерпана. - Автор благодарит... (Золотова 1982:4)
- (142) Третье издание почти полностью воспроизводит текст второго. Внесены отдельные уточнения, перередактированы некоторые формулировки. Вновь введен терминологический указатель. Несколько расширен параграф, посвященный советскому языкознанию. Обновлен и сокращен список рекомендуемой литературы. (Головин 1977:3)

Автор остается в стороне, т.е. говорящий не желает привлечь внимание к себе в качестве действующего лица, субъекта. Он прибегает к дефокусирующему агенс пассиву, чтобы главное внимание адресата было обращено на само действие и/или объект. Контекст подсказывает, что сам автор, т.е. "авторское я" или "мы" является действующим лицом. Сравним:

- (139b) Tässä kirjassa keskityn...
'В этой книге я сосредоточиваюсь на..'
- (140b) ..olen lähtenyt siitä, että..
'..я исходила из того, что..'
- (141b) В книге я представляю..

Сообщение в "обезличенной" форме пассива, которая затушевывает слишком прямое "я", приобретает как будто более объективный статус по сравнению с глагольной формой первого лица единственного числа. К тому же, пассивная форма глагола, безразличная к числу подразумеваемых производителей действия, включает возможность импликации и множества авторов, что, в свою очередь, придает сообщению в большей степени объективность. Именно в стремлении избавиться от субъективности, и в том, что в области науки принято подчеркивать не роль субъекта, а результаты проведенного исследования, заключается основной мотив дефокусировки агенса (см. Yli-Vakkuri 1986:100, Васильева 1976:13). Употребление *passivum modestiae* имеет сходный момент с трактовкой об имперсонализации как части стратегии негативной

вежливости (см. Brown ja Levinson 1988), по которой говорящий, оберегая свое лицо, тем самым в своем языковом выражении прибегает к имперсонализации, т.е. вместо личных форм глагола употребляет, в частности, пассив, безличные формы, и т.п.

Тем не менее в финском языке вместо ПК в данной функции, т.е. в научных текстах, в предисловиях, в докладах, в которых автор докладывает о своем действии, все чаще стала появляться активная форма глагола, т.е. первое лицо единственного числа для прямого обозначения "авторского я".

- (143) Olen keskittynyt kielen rakenteen kuvauksen yleisten ongelmien esittelyyn. (Karlsson 1977:4)
'Я сосредоточиваюсь на представлении общих вопросов описания языковой структуры.'
В русском языке в подобных случаях встречается автор (см. пример 141a), но не первое лицо единственного числа:
- (144) Вниманию читателей предлагаются, как правило, "отстоявшиеся" в науке взгляды, но **автор** не избегает как новых, так и спорных точек зрения. (Головин 1977:3)
- (145) **Автор** видел свою задачу в ознакомлении читателя с кругом идей, а не имен. Поэтому было сочтено возможным обойтись без обычного библиографического аппарата. (Касевич 1977:4)

В данных примерах под автором подразумевается именно "я" - автор данного произведения, т.к. в предисловии книги автор представляет содержание произведения, основные принципы его построения и т.д. Весьма часто в этой функции вместо "я" в обозначении одного автора встречается "мы"⁸⁴:

- (146) В предлагаемой работе **мы** употребляем термин "контрастивная лингвистика" как наиболее традиционный и вместе с тем... (Ярцева 1981:3)
- (147) В данной работе **мы** попытаемся определить основные функции пассива в финском и русском языках.

В употреблении "мы" вместо "я" выражается то же стремление избавиться от субъективности, как и с *passivum modestiae*. К тому же сокры-

---

⁸⁴ Местоимение "мы" в научном стиле кроме значения "я / мы авторское" может обозначать и "мы совокупности", т.е. "я и слушатели/читатели", при котором пассив не употребляется (см. Крылова 1979:111-112).

тие за множеством авторов дает говорящему возможность дефокусировать "Эго".

4.1.4 Конкретизация агенса в структуре предложения

Под конкретизацией агенса в структуре ПК подразумеваются случаи, в которых производитель действия выражается эксплицитно, но не агентивным дополнением, а с помощью неканонических средств. Конкретизация агенса осуществляется посредством определения, различных предложных (в русском языке) и послеложных (в финском языке) конструкций, содержащих прямое указание на деятеля. В русском языке подобные ПК в большинстве случаев соотносятся с пассивными предложениями с канонически выраженным агенсом (т.е. с АД) с малым сдвигом смыслового содержания высказывания.

4.1.4.1 Агенс - посессор объекта в русском языке

Производитель действия ПК может в русском языке косвенно выражаться субъектным компонентом в родительном падеже с предлогом *у*, способным обозначать одновременно как производителя действия, так и посессора объекта (см. Храковский 1991:164-165). По трактовке РГ (1980) этот т.наз. субъектный детерминант с предлогом *у* синонимичен АД: "Один и тот же субъект может быть выражен субъектным детерминантом и распространителем внутреннего состава предложения." (РГ 1980 II:135)⁸⁵. Однако далее в ней отмечается, что данный субъектный детерминант обозначает как субъект действующий, так и субъект "обладающий" (РГ 1980 II:125). По сравнению с ним АД остается

---

⁸⁵ В РГ (1980, см. также КРГ 1989) говорится о двух типах детерминантов: обстоятельственных и субъектных детерминантах. Субъектный детерминант, занимающий чаще всего начальную позицию, имеет субъектное значение и может быть выражен весьма различными синтаксическими структурами, в частности родительным падежом с предлогом *у*.

немаркированным по признаку "субъект обладающий". Такого же мнения придерживается и Адамец (1978:46, 54-55), который приводит следующий пример:

(148) У студента подготовлен доклад.

Согласно его трактовке, с формальной и семантической точек зрения ПК с субъектом в форме у + родительный падеж представляют собой скрещение двух типов: во-первых, предложения с посессивным значением, т.е. У студента есть доклад, и, во-вторых, собственно пассивного предложения, т.е. Студентом подготовлен доклад. Подобные предложения информируют, что "в распоряжении субъекта есть нечто, что было им самим создано" (Адамец 1978:54). Аналогичным случаем является следующий пример, в котором также объединяются названные два значения субъекта:

(149) Г:.. Очень не нравится Елена, очень не нравится эта Калинина.

Т: Да?

Г: Просто ужасно. Она такая деланная, такая манерная, но говорят она у Булгакова написана не очень интересно, чёрте знает. (РР 1978:127)

Здесь возможна замена субъектного детерминанта творительным АД: она Булгаковым написана.., но пассивная конструкция с АД менее характерна для разговорной речи. К тому же предложная конструкция в большей степени подчеркивает признак "субъект обладания".

Анализируя перифрастические пассивные предложения, подобные примеру (148), Князев (1989а:204) прибегает к терминам "посессивный перфект" и "посессивный компонент" (у + род. падеж). Его подход в некоторых моментах расходится с подходом РГ (1980). Согласно Князеву (1989а:211, см. также Храковский 1991:165)), по сравнению с АД, особенность субъекта, выраженного посессивным компонентом, заключается в неопределенности конкретной роли, выполняемой им в обозначаемом действии. Несмотря на то, что в большинстве ПК, как в примере (148), субъект является одновременно как производителем действия, так и посессором объекта, встречаются случаи, в которых роль субъекта в совершении действия остается неясной. Рассмотрим примеры:

- (150a) У Нины упакованы чемоданы.
- (151a) ..Потому что пока я добираюсь, все, договоримся, когда и что и как ты приедешь. Она grit, у меня на двадцать девятое уже обратно билет взят,.. (РР 1978:98)
- (152) Пятнадцать минут/ ну чудно. У меня часы поставлены вперед,.. (РР 1978:104)

В (150a) и (151a) подразумеваемым агенсом действия может быть либо сам говорящий, который является и посессором объекта, либо какое-то другое лицо, не названное в предложении, сравним:

- (150b) Нина упаковала чемоданы / ей упаковали чемоданы
- (151b) я взяла билет / мне взяли билет

Также по отношению к примеру (152) подобное истолкование допустимо, хотя в нем речь идет о действии, производящемся, по всей вероятности, самим говорящим, представляющим собой как субъект действующий, так и субъект обладающий. При неопределенности конкретной роли самого агенса в совершении действия решающим становятся контекст и лексическое значение исходного глагола (см. Князев 1989а: 212-213). Если непосредственный результат действия сказывается лишь на его производителе, субъектом может быть только сам агенс, например:

- (153) Чем это объяснить? Можно и традиционным интересом к молодым, ожиданием чуда прихода творца, просто умелым подбором материала, но все-таки главное в другом: у составителей явно намечается сверхзадача - сделать альманах среднего общения молодых представителей всех видов искусства. (ЛГ 15/89:4)
- (154) У профессионалов, как нам показалось, иной подход к своему выступлению. Количество технических элементов у них не регламентировано, но высоко ценятся сам замысел номера, умение создать законченную миниатюру. (МН 51/89:15)

В данном примере агенс понимается однозначно в силу лексического значения исходного глагола, т.е. лишь агенс, выраженный субъектным компонентом, является непосредственным производителем действия. В последних двух примерах посессивный оттенок ослаблен (153) или потерян (154).

В финском языке данному выражению агенса соответствуют различные АК с агенсом-подлежащим: в (148b) подчеркивается достигнутый результат, а в (148c) кроме этого выделяется и посессивный компонент субъекта, выраженный адессивом:

- (148b) Opiskelija on tehnyt esitelmän.
'Студент написал доклад.'
- (148c) Opiskelijalla on esitelmä valmis/valmiina/tehty(nä)
студент-Адесс есть доклад готов-Ном/Эсс сделать-2.ПричПас Ном/Эсс
'У студента подготовлен доклад.'

В разговорной речи употребляются конструкции, по структуре активные, но по своему значению и функционированию сходные с русскими ПК с посессивным компонентом и посессивным перфектом. В них субъект-посессор, как (148c), выражается обстоятельством в форме адессива (т.наз. *habitiviadverbiaali*), а в состав предиката входит пассивное причастие. Сравним:

- (150b) Niinalla on matkalaukut pakattu/na
Нина-Адесс есть чемоданы-Ном упаковать-2.ПричПас Ном/Эсс
'У Нины чемоданы упакованы.'
- (151b) .. minulla on jo lippu ostettu/na..
я-Адесс есть уже билет купить-2.ПричПас Ном/Эсс
'у меня уже билет куплен'

Как в русском, так и в финском языке в (150b) роль субъекта-посессора в совершении действия остается неопределенной, т.е. неизвестно, является ли производителем действия субъект-посессор сам или кто-то другой. В финском языке приведенная конструкция недопустима, если посессивное либо перфектное значение ослаблено или отсутствует. Сравним возможные эквиваленты русского предложения (155a) на финском языке:

- (155a) У этого автора приводятся интересные примеры.
- (155b) Tällä kirjailijalla on mielenkiintoisia esimerkkejä.
'У этого писателя есть интересные примеры.'
- (155c) Tämä kirjailija esittää mielenkiintoisia esimerkkejä.
'Этот писатель приводит интересные примеры.'
- (155d) *Tällä kirjailijalla esitetään .. esimerkkejä.
этот писатель-Адесс приводить-ПасПрез

Кроме отсутствия перфектного значения, в (155a) ослаблено и посессивное значение субъектного компонента. В финском варианте (155b) этот посессивный компонент присутствует, а в предложении (155c) отсутствует как перфектное, так и посессивное значение.

4.1.4.2 Агенс-автор

В ПК дефокусированный агенс может как в русском, так и в финском языках выражаться вполне эксплицитно посредством т.наз. "агентивно-го определения" (см. Pape-Müller 1980:83-85). В этом случае значение 'деятель' тождественно значению 'автор', создавший "продукт", т.е. статью, книгу, произведение, описание, и т.п. Агенс-автор выражается существительными типа **писатель, поэт, автор, ученый** и под., а также именами собственными, причем созданный им объект-"продукт" может, кроме объекта (157a, 159a), обозначаться и локативом (156a, 158a): например:

- (156a) Вот, скажем, в статье **А.Свердиоласа** "Культура и время.." сделана попытка осмыслить культуру как некую цельность. (ЛГ 15/89:4)
- (157) Некоторые произведения **Щедрина** для смешанного хора без сопровождения были написаны еще до поступления в консерваторию. (РЯЗР 5/89:107)
- (158a) **Platonin** kuvauksessa mainitaan saaren sijainneen sen salmen edustalla, jota... (Т 2/89:28)
'В описании Платона упоминается, что остров находился перед тем проливом, который.'
- (159) **Linkolan** havainnot on kaiketi tehty äänimaisemassa, polkupyörän selästä alkukesän parhaaseen lintuaikaan. (Järventausta 1991:188)
'Наблюдения Линкола велись, видимо, на лоне природы, на велосипеде в начале лета, в самое лучшее для птиц время.'

Агентивный статус определения выявляется в том, что оно способно субъективироваться без изменения исходного смысла предложения:

- (156b) Свердиолас в своей статье сделал попытку..
- (158b) Platon mainitsee kuvauksessaan ..
'Платон упоминает в своем описании.'

Несмотря на то, что в денотативном отношении между пассивным предложением и его активным коррелятом нет различия, с точки зрения коммуникативной задачи высказывания в контексте целого небезразлично, фокусируется ли агенс или какой-нибудь другой компонент: предложения с дефокусированным агенсом входят в контекст, в котором рассказывается о действии или процессе (пример 156a), а соответствующий активный коррелят (156b) входит в контекст целого, в котором сообщается о деятельности данного лица.

Менее редки случаи с агентивным определением, в которых агенс не обозначает действующее лицо в качестве "автора". В следующих примерах имплицитированный агенс воспринимается лишь как деятель:

- (160) Она (концепция "минимального сдерживания" - MVA) заняла прочное место на либеральном фланге общего спектра военно-политического мышления, хотя всегда подвергалась жесткой критике консерваторов от политики и стратегии, которые при этом неизменно ссылались на "зловещие планы Советов". (МН 42/89:6)
- (161) Joutilaisuudeksihan sitä **kansan** suussa sanotaan, ihmettelyä. (HS 3/89:40)
'Народ называет удивление бездельем (досл. во рту народа)'

При выражении агенса посредством определения, он, оставаясь в стороне в синтаксическом плане, остается как бы и в функционально-семантическом отношении вне поля зрения адресата, которому ситуация подается с точки зрения представления действия, произведенного над объектом.

4.1.4.3 Агенс направленного действия

Как выше в связи с рассмотрением отсутствия АД в финском пассиве отмечалось, в официально-деловом, в т.наз. канцелярском стиле, появились ПК, имеющие своего рода агентивное дополнение. В этих конструкциях субъект действия выражается с помощью послеложной конструкции **taholta, toimesta**. Рассмотрим примеры:

- (162) **Hallituksen taholta on esitetty** toivomus, että ..
'Со стороны правительства высказано желание, что..'
- (163) **Poliisin taholta on ryhdytty** toimenpiteisiin rikollisuuden vähentämiseksi.
'Со стороны полиции приняты меры по уменьшению преступности.'

Русский язык располагает эквивалентной конструкцией с **чьей-либо стороны**, содержащей элемент значения направленности действия (см. РГ 1980 II:154-155). Подобные ПК свойственны, как и в финском языке, в основном лишь официально-деловой речи. Приведем примеры:

- (164) **Со стороны Советского Союза было заявлено** о желании продлить торговый договор с Италией. (Известия 30.12.90:1)
- (165) **Со стороны министерства были приняты** меры по...

Упомянутые ПК заменяемы активными с агенсом-подлежащим (правительство высказало, полиция приняла меры, Советский Союз заявил, министерство приняло меры). Использование вместо них ПК с предложной конструкцией обозначения агенса способствует затушевыванию прямого указания на производителя действия, выражение которого в качестве подлежащего-субъекта не свойственно официально-деловому стилю, характеризующемуся распространением бессубъектных оборотов (см. Караулов 1991:25)

4.1.4.4 Взаимодействующие агенсы

Дефокусированный агенс может подразумевать вполне определенные, "взаимодействующие агенсы". Этот тип значения агенса встречается лишь с глаголами, характеризующимися определенным лексическим значением, т.е. с глаголами, выражающими акциональное, интересубъектное (межагентное) действие. Взаимодействующие агенсы выражаются в русском языке в ПК с помощью предлога **между**, которому в финском языке соответствуют послелог **välillä** 'между' и **kesken** в значении 'между'. Рассмотрим примеры:

- (166a) **Между СССР и Финляндией был недавно подписан договор о восстановлении двусторонней торговли.**
- (167a) **Число делегаций и их состав будут дополнительно согласованы между заинтересованными организациями.**

При выражении субъектов подчеркивается интерсубъектный характер действия, то, что агенсы совершают действие "вместе, между собой". Соответствующие активные корреляты оставляют этот признак невыраженным, так как в них лишь констатируется совершение действия обеими сторонами, сравним:

- (166b) СССР и Финляндия подписали договор о..
- (167b) Заинтересованные организации согласуют число..

Аналогичное явление наблюдается и в финском языке:

- (168a) **Suomen ja Englannin kesken on solmittu kauppasopimus.**
'Между Финляндией и Англией заключен торговый договор.'
- (168b) **Suomi ja Englanti ovat solmineet kauppasopimuksen.**
'Финляндия и Англия подписали торговый договор.'

На наш взгляд, пассивное предложение с взаимодействующими агенсами отличается от активной конструкции с подлежащим-агеном тем, что оно в связи с косвенным выражением действующих лиц создает между ними определенную дистантность: посредством косвенной формы выражения субъекта устраняется и его активная, непосредственная роль в совершении действия. В следующих примерах данное различие проявляется очень наглядно:

- (169a) **Työtaistelujen luonne on muuttunut erityisen selkeästi 1980-luvulla. Kun vielä aikaisemmin työtaistelussa väännettiin kättä työntekijöiden ja työnantajien välillä, nyt käydään ensimmäisenä kilpaa suuren yleisön sieluista. (Op 6/90:5)**
'Характер забастовок особенно ярко изменился в 1980-е годы. Если раньше во время забастовок были ссоры между рабочими и работодателями, то сейчас в первую очередь ведется борьба за душу народа.'
- (169b) **.. Kun vielä aikaisemmin työtaistelussa työntekijät ja työnantajat väänivät kättä, ..**
'Если еще раньше во время забастовок рабочие и работодатели ..'

Действие в предложении (169b) представляется более интенциональным, конкретным, в нем названные агенты принимали активное участие. Пассивная форма глагола устраняет, отдаляет активную роль даже эксплицитно выраженных взаимодействующих агентов.

На основе рассмотренного нами материала можно отметить, что подобное обозначение деятеля свойственно в основном официально-деловому стилю в выражениях установления различных взаимосвязей между странами, организациями, торговыми партнерами. Хотя прямое выражение действующего лица вполне возможно (166b-168b), использование ПК с предложной / послеложной конструкцией для обозначения деятеля способствует обезличению изложения, свойственному данному стилю.

4.1.5 Идентификация агента за пределами предложения

4.1.5.1 Анафоричность агента

Производитель действия ПК без канонического АД может называться и вне предложения: в русском языке это происходит в 22,6%, а в финском языке - в 24% всех пассивных предложений. При анафоричности агента, он приводится либо эксплицитно в предыдущем контексте, чаще всего в предстоящем предложении, либо он имплицитно, например, Лок_{аг.} Русский пассив с анафорическим агентом отличается от финского тем, что в нем в некоторых случаях речь идет лишь о синтаксической эллиптичности АД. В финском же языке анафоричность агента представляет собой (как и в большинстве ПК без АД русского языка) явление семантического и прагматического плана. В следующих параллельных предложениях производитель действия эксплицитно вводится в главном предложении, но пропускается в придаточном при пассивной форме глагола:

- (170a) **Tommola** on kirjoittanut väitöskirjan, jossa käsitellään aspektuaalisuutta venäjässä ja suomessa.
- (170b) **Томмола** написал диссертацию, в которой рассматривается аспектуальность в русском и финском языках.

В данном случае говорящий, используя пассив, избегает излишнего названия деятеля. Кроме того, так как субъект действия, выраженного пассивной формой глагола, уже известен адресату в силу его упоминания в предстоящем предложении, говорящий может привлечь его внимание к референтам других компонентов предложения. В дальнейшем будем рассматривать ПК, деятель которых эксплицитно упоминается в предстоящем предложении, а также случаи, в которых, несмотря на предшествующее название производителя действия, ПК приобретает и оттенок обобщенности агенса.

4.1.5.1.1 Эксплицитный анафорический агенс

В русском языке небольшую часть случаев с анафорическим агенсом образуют ПК, в которых речь идет о чисто "технической" языковой экономии, т.е. о синтаксической эллипсисе АД, приведенного эксплицитно в предыдущем контексте, например:

- (171a) В Болгарии десятью независимыми обществами и организациями создан Союз демократических сил. Председателем координационного совета союза избран 54-летний доктор... (МН 51/89:2)
- (172) ... в 1825 году им была написана также народная реалистическая трагедия "Борис Годунов", шутивная поэма "Граф Нулин", носившая явно реалистический характер. Написано было и много лирических стихотворений.. (Кулешов 1989:133)

В данных пассивных предложениях теоретически вполне возможно включение упомянутого ранее АД либо его прономинального субститута:

- (171b) .. председателем ими / десятью независимыми обществами и организациями был избран ..

Называние производителя действия приводит к ненужному повтору. Случаев, подобных примерам (171а) и (172), однако, встречается очень мало в русском языке. Чаще всего анафоричность агенса в нем, как и в финском языке, устанавливается на основе семантических и прагматических импликаций контекста или конкретной речевой ситуации, и производитель действия может поэтому выражаться самыми различными способами в предыдущем предложении. В следующих примерах производитель действия эксплицитно обозначен в качестве субъекта действия предыдущего предложения, и он как будто эллиптически опущен. Сравним следующие корреляты:

(172а) Liptonin sitruunatee oli ainoa, jonka maun jokainen **maistaja** tunnisti. Pauligin sitruunateetä luultiin "tavalliseksi" pussiteeksi tai makua ei osattu nimetä. (Kotivinkki 4/90:42)

'Лимонный чай "Липтона" был единственным, который узнали все дегустаторы. Лимонный чай "Паулига" был сочтен "обыкновенным" чаем в пакетиках или его вкус невозможно было определить.'

(173а) **Собравшиеся в ЦЭМИ специалисты** поддержали докладчика. Решено проводить ежемесячные семинары, воздействовать на ход проектирования. (ЛГ 15/89:2)

(172b) ..He luulivat Pauligin sitruunateetä.

..Они считали лимонный чай "Паулига"..

(173b) **Они** решили проводить..

(173с) **Ими** решено проводить..

Использование активного коррелята с включением эксплицитного агенса-подлежащего вполне допустимо. Его неупоминание, однако, является излишним и, вместе с тем ПК, служит определенным коммуникативно-стилистическим приемом для фокусировки большего внимания на самом действии. В следующих примерах также производитель действия ПК упоминается анафорически, но в более косвенном виде, чем выше, т.е. он не является подлежащим в предыдущем предложении:

(174) Puoliksi tiedottomasti valmistautuivat **miesten** mielet tuleviin tapahtumiin. Sinä iltana valvottiin myöhään. (Linna 1973:44)

'Подсознательно готовились мужчины (досл. души мужчин) к будущим событиям. В тот вечер не спали допоздна.'

(175) Произведения, составившие славу **Сейфуллиной**: .. - все эти произведения были созданы в 20-е годы. (ЛГ 15/89:4)

Помимо одного предложения, один и тот же анафорически приведенный агенс может являться скрытым субъектом нескольких последующих пассивных предложений. Особенно это характерно для финского языка. Рассмотрим примеры:

- (176a) Jos tupakkalakko ei pidä, siitä on ilmoitettava **Apollolle**. **Yhtiö** lähettää kerran vuodessa kyselykaavakkeen, jossa tivataan, onko tullut poltettua. Jos niin onnettomasti on käynyt, alennus poistetaan (HS 11/89:8).

'Если не удалось бросить курить, надо сообщить об этом фирме "Аполло". Фирма присылает раз в год опросный лист, в котором спрашивается, куришь ли ты или нет. Если, к несчастью, куришь, скидка отменяется.'

В примере (176a) дефокусировка агенса способствует и языковой экономии. Характерным для подобного употребления пассива является, что в начале текста либо эксплицитно называется производитель действия, либо имплицитруется в виде Лок_{аг}, а затем перечисляются действия, произведенные этим ранее упомянутым агенсом. Конкретное его название при каждом глаголе приводит к громоздкости и избыточности изложения. Сравним:

- (176b) ..Yhtiö lähettää ..kyselykaavakkeen, jossa yhtiö / se tivaa, .. yhtiö / se poistaa alennuksen.

'Фирма присылает опросный лист, в котором фирма / она спрашивает.. фирма / она отменяет скидку.'

Кроме предшествующего предложения, анафорический агенс может находиться дальше в контексте, например:

- (177) **Есенин** участвовал в нескольких нелегальных собраниях революционной молодежи. Первые увидевшие печать стихотворения не были замечены критикой. В них воспевались прелести деревенской жизни, сельские пейзажи. Многие из них построены на автобиографическом материале. (Кулешов 1989:604)

- (178a) Äskettäin professori **Antti Eskola** varoitti siitä, että pyritään löytämään yksinkertaisia keinoja luovan ajattelun ja tieteen kehityksen ohjaimiseksi. Kepeillä ja porkkanoilla ohjataan aaseja, ei luovaa toimintaa, hän totesi. Se oli hyvin sanottu. (Akava 3/90:23)

'Недавно профессор Антти Эскола предупредил о том, что намечается стремление найти простые средства для управления творческим мышлением и развитием науки. С помощью палок и морковок управляют ослами, а не творческой деятельностью, отметил он. Это было хорошо сказано.'

Связь между предложением с анафорическим агенсом и ПК, производителем действия в которой этот ранее упомянутый агенс тоже является, сохраняется в прагматическом плане, хотя в контексте между ними, и в особенности это касается примера (178a), имеются и другие пассивные формы глагола с иным, в данном случае обобщенным значением агенса (pyritään, ohjataan 'стараятся', 'управляют'). Любопытным является, что в соответствующем активном корреляте (178b) с эксплицитным подлежащим-агенсом меняется и коммуникативное содержание, и стилистическая окраска. Следует отметить, что подобные ПК с некоторыми глаголами (в основном с глаголами **tehdä, sanoa**, 'сделать', 'сказать') стали уже устоявшимися выражениями и, как исключение, допускают даже поверхностное выражение агенса в аблативе (178c):

- (178b) Eskola sanoi hyvin.
'Эскола сказал хорошо.'
- (178c) Se oli häneltä hyvin sanottu.
'Это было им хорошо сказано.'

4.1.5.1.2 Анафорический vs. обобщенный агенс

В определенных случаях употребление ПК с невыраженным агенсом (хотя он и вводится анафорически) создает впечатление об обобщенности действия, выраженного пассивной формой глагола. Особенно это характерно для финского языка, в котором уже сама пассивная форма глагола может указывать на неопределенность производителя действия. В следующем примере остается неясным, является ли анафорический агенс одним ответственным за действие, выраженное в пассивном предложении, или пассив употребляется для внесения оттенка неопределенности либо обобщенности референта агенса:

- (179a) Mutta kun **nuoret ihmiset** perustavat perheen ja jälkikasvuakin siunaantuu, tilanne alkaa olla jo toinen. Enää ei ollakaan vastuussa pelkästään omasta itsestä. (HS 11/89:7)
'Когда молодые люди обзаводятся семьей и рождаются дети, ситуация становится иной. Теперь они / люди отвечают не только за себя.'

В данном пассивном предложении агенс может на основе предыдущего предложения реконструироваться как подлежащее-агенс. Сравним соответствующий активный коррелят:

- (179b) ..nuoret eivät enää olekaan vastuussa
'..молодые люди больше не отвечают'

Однако действие пассивного предложения может восприниматься и обобщенно: в смысловом плане в нем вполне возможно включение элемента "вообще люди, не только молодые в подобной ситуации" (ср. 4.1.2.1). Также в следующем примере двоякое истолкование допустимо, хотя значение обобщенности агенса в ПК преобладает:

- (180) Hoitoapulainen Harry Salon, 32, tapaus on yksi tavallisimmista Helsingissä. Rakastutaan nuorena, mennään naimisiin, saadaan kaupungin vuokra-asunto ja tehdään lapsi. Kun rakkaus loppuu, jää lapsi ja asunto lähes aina vaimolle. (HS 8/89:67)
'Случай со служащим Харри Сало (32 г.) один из самых обычных в Хельсинки: (молодые / он) влюбляются в раннем возрасте, женятся, получают городскую квартиру, рожают ребенка. Когда любовь кончается, ребенок и квартира остаются почти всегда у жены.'

В первом предложении примера (180) рассказывается о судьбе одного человека, и далее он представляет собой один из референтов агенсов следующих ПК. Но вместе с тем посредством исходного значения самой пассивной формы и настоящего времени глагола, а также последующего контекста обобщается и рассказывается, что сходным образом "обычно" происходит с людьми, подобными Харри Сало. Сообщение о действии становится главной целью говорящего.

На основе приведенных примеров анафоричности агенса можно сделать следующие выводы: в обоих языках встречается анафорический способ выражения дефокусированного агенса, из чего следует, что во многих пассивных предложениях, в которых отсутствует выражение агенса на синтаксическом уровне, он обозначается в семантико-прагматическом плане. Анафорическое выражение деятеля составляет одну из предпосылок для употребления ПК, способствуя, во-первых, соблюдению принципа языковой экономии, который особенно конкретно соблюдается в русском языке при синтаксической эллиптичности АД, т.е. избегается его излишний повтор. Во-вторых, неупоминание производи-

теля действия, когда он уже идентифицирован, является особым коммуникативно-стилистическим приемом при желании говорящего выдвинуть на передний план другие элементы сообщения.

4.1.5.2 Катафоричность агенса

4.1.5.2.1 Эксплицитный катафорический агенс

Под катафоричностью агенса, как уже говорилось, имеется в виду его полное устранение в самом пассивном предложении и название эксплицитно либо имплицитно в последующем контексте. Как анафорический, так и катафорический агенс может употребляться для того, чтобы избежать избыточности изложения. Однако чаще всего использование ПК с агенсом, приведенным в последующем контексте, обосновано тем, что говорящий стремится скорее сообщить о действии как о самом существенном, а лишь затем - о его производителе. В некоторых случаях компоненты самого пассивного предложения, например, лексическое значение исходного глагола, референция объекта и т.п. уже в предварительном плане имплицитно референт агенса, уточняемого впоследствии. Рассмотрим сначала случай, свойственный лишь русскому языку, т.е. АД эллиптически опущено в самом пассивном предложении и вводится в последующем:

- (181) Концерт "Озорные частушки" - не просто музыка для оркестра, где использованы мотивы популярного народного жанра. Знакомые каждому русскому человеку мелодии поданы в такой манере, в таких сочинениях.. атмосфера веселого состязания точно схвачена композитором. (РЯЗР 5/89:106)

В первых двух пассивных предложениях примера (181) деятель ввиду своей нецентральной роли с точки зрения сообщения информации устраняется. Цель предшествующих пассивных предложений заключается в сообщении о музыкальном произведении. В следующем примере агенс называется эксплицитно, но уже не в качестве АД, а он идентифицируется на основе контекстуальных данных:

- (182) Сборник воспоминаний "О Тарковском" подготовлен московским издательством "Прогресс". - Статья "Тайны и таинства Андрея Тарковского" написана специально для этого сборника. **Лейла Александер** - киновед и историк кино, живет в Швеции. Она автор рассказов, пьес,..Во время съемок "Жертвоприношения" была переводчицей и ассистентом режиссера. (СФ 7/89:32)

Связь между катафорическим агенсом и предстоящим действием в данном абзаце оказывается неясной, но в дальнейшем контекст подтверждает, что производителем действия, выраженного пассивной формой глагола, является Александер (печатается упомянутая статья). В следующих примерах лексическое значение исходного глагола (183) и прагматическое знание адресата ситуацией (184, 185) способствуют предварительной идентификации производителя действия, называющегося в последующем предложении эксплицитно:

- (183) Airiston tyttäret kasvatettiin itsenäisiksi. **Vanhemmat** teroittivat, että maailmassa pärjätäkseen pitää opiskella ja tehdä lujasti töitä. (HS 22/89:16)
'Дочери Айристо воспитывались самостоятельными. Родители подчеркивали, что, чтобы преуспеть в мире, необходимо учиться и много работать.'
- (184) Tutkimukset tehtiin, ja merkkejä ikiroudasta havaittiin runsaasti. **Tutkijat** jopa arvelivat, että ..ikiroutaa löytyisi kalliosta kaikkialta metsärajan yläpuolelta.. (T 2/89:65)
'Исследования были проведены, и знаков вечной мерзлоты было найдено много. Исследователи даже предполагали, что вечную мерзлоту можно найти везде в скале выше границы лесной зоны.'
- (185) Повесть "Последний срок" привлекает своей тонкостью во всех отношениях. "Портреты героев или едва обозначены, или даны в полутонах, но в редких всплесках экспрессивности чувствуется перо требовательного к себе **писателя**", ... (Распутин 1984:13)

Семантика исходного глагола вместе с референцией объекта имплицитно опосредованно деятеля, конкретно приводящегося впоследствии. В данных примерах важнейшим является сообщить сначала о действии, а лишь потом "уточнить", кем действие было совершено. Однако это упоминание производителя действия впоследствии, как заметно на основе приведенных примеров, с точки зрения адресата часто не

релевантно, так как ситуационная и контекстуальная информация уже "подсказывают" его.

4.1.5.2.2 Обобщенный vs. катафорический агенс

Упоминание агенса катафорическим способом, на наш взгляд, используется также для того, чтобы посредством пассивного предложения без лексически выраженного агенса создать сначала впечатление неопределенности либо обобщенности референта деятеля, который затем в последующем контексте может уточняться. Весьма часто в подобных предложениях, как и с обобщенным агенсом, употребляется форма настоящего времени глагола. Подобная функция пассива дает возможность оставить неясным, является ли агенс, приведенный в последующем контексте, кореферентным с производителем действия, обозначенного пассивной формой глагола, или представляет собой лишь часть референции агенса. Рассмотрим примеры:

- (186) .. сложные проблемы встали перед советским обществоведением. Люди ждут их скорейшего и точного решения. Поэтому пишутся все новые и новые статьи и монографии, созываются совещания и читаются лекции, устраиваются различные семинары и "круглые столы". **Историки, философы, экономисты, социологи** ищут ответы на поставленные жизнью вопросы. (НиЖ 11/89:50)
- (187) Miesten väkivaltaisuutta on selitetty muun muassa sillä, että aggressiivisuus olisi miehen biologinen ominaisuus. **Jotkut tutkijat** arvelevat, että miehen perimässä saattaa olla vihamielistä käyttäytymistä aiheuttavia geenejä. (HS 22/89:43)
- 'Насильственность мужчин объясняют, в частности, тем, что агрессивность является биологическим свойством мужчины. Некоторые исследователи считают, что в генотипе мужчины могут быть гены, вызывающие агрессивное поведение.'

В (186) остается нерешенным, пишут ли новые статьи, созывают ли совещания и т.п. лишь названные историки, философы, экономисты и социологи. Отношение между действиями ПК и катафорически приведенными агенсами не образует такой однозначной связи "один на один" как, в частности, в примере (182). В примере (187) наблюдается то же

самое явление: в пассивном предложении говорится обобщенно (возможно включение элемента "вообще" как и в 186), и, несмотря на то, что в последующем предложении вводится субъектный компонент, способный представлять собой производителя действий и предыдущей ПК, между этими агенсами не существует полной кореферентности.

4.1.5.2.3 Катафоричность агенса в заглавиях, объявлениях

Особой функцией катафоричности агенса является употребление ПК в сообщениях о новостях, в заглавиях или коротких объявлениях в публицистике. В них производитель действия не называется эксплицитно из-за сжатости, краткости изложения, характерного для подобного стиля изложения, а приводится в последующем тексте, например (продолжение текста следует в скобках):

- (188) Создан консорциум. (НиЖ 5/90:2)
 (Агропромышленный консорциум "Володарка" создан в Володарском районе Киевской области. Организаторы - **Киевский технический институт, облагрострой, областное отделение Агропромбанка СССР и Володарское агропромышленное объединение.**)
- (189) Соглашение достигнуто. (МН 42/89:2)
 (После принятия на сессии..постановления **председатель правления Народного фронта Азербайджана Абульфаз Алиев и Председатель Совета Министров республики Аяз Муталибов** подписали документ об...)

Агенс, как последующий текст подтверждает, эксплицитно называется. Функцией данных выражений является сообщение о самом существенном содержании в сжатой форме и привлечение внимания адресата к чтению данной статьи. Аналогичные примеры можно найти и в финском языке:

- (190) Mellunmäen posti ryöstettiin. (KSML 27.6.90:8)
 (**Nuori mies** ryösti ostokeskuksen postin Helsingin Mellunmäessä keskiviikkona iltapäivällä.)
 'Почта Меллунмяки была ограблена.

Молодой человек ограбил почту торгового центра Меллунмяки Хельсинки в среду во второй половине дня.'

- (191) Tampereella tutkitaan. (Т 8/89:58)
(**Tampereen teknillisessä korkeakoulussa tutkitaan innokkaasti uusinta televisiotekniikkaa.**)

'В Тампере ведется исследование.

В Техническом вузе Тампере активно изучается новейшая телевизионная техника.'

В примере (191) Лок_{ар} последующего предложения имплицитно, кто исследует. В следующем заглавии одни пассивные формы глагола образуют эффективное средство для пробуждения интереса адресата к дальнейшему ознакомлению со статьей:

- (192) Hävitetty ja palautettu (Т 2/89:56)

'Истреблен и возвращен'

В последующем контексте выясняется, что производитель данных действий является неизвестным и нерелевантным: текст рассказывает о бобрах, как они были убиты, уничтожены в Финляндии и как затем были привезены новые бобры из США.

Сходную заглавным функцию выполняет употребление пассива с катафорическим названием агентства в рекламах, например⁸⁶:

- (193) Kultasäästö-tileille maksetaan talletusajalta korkeinta mahdollista verotonta korkoa. Tule ja tee hyvää raha-asioillesi **Osuuspankissa**. (HS 22/89:61)

'На счет "Култасястё" выплачивается самый высокий процент за время вклада. Приходи и упорядочивай свои денежные дела в "Осуспанкки".'

Задачей говорящего является привлечение внимания адресата сначала к объекту рекламы и к предлагаемым услугам и лишь затем к тому, кто предоставляет данные услуги. Также в объявлениях в газетах, например:

---

⁸⁶ В русских газетах и журналах в период, когда наш языковой материал собирался, встречалось мало подобных реклам и объявлений. В большинстве из них либо употребляется активная форма глагола в первом лице множественного числа ("Предлагаем..."), либо название рекламирующей фирмы вводится уже в самом начале объявления, и при употреблении пассива позднее в ходе текста можно скорее говорить об анафорическом агенте.

- (194) Halutaan vuokrata omakotitalo. Nelihenkinen perhe etsii tilavaa omakotitaloa Jyväskylän läheltä.
'Снимаем дом. Семья из четырех человек ищет большой дом недалеко от Ювяскюля.'

Языковая экономия в данном случае становится и "экономией денег", так как за каждое лишнее слово в газетных объявлениях следует заплатить немалую сумму денег.

Подводя итог, можно сказать, что пассив как с катафорическим, так и с анафорическим способом выражения агенса употребляется для избежания излишнего названия агенса, и, как следствие этого, для представления действий и процессов без особого внимания к производителю данного действия. Стремление избежать избыточности названия агенса более характеризует употребление пассива с анафорическим агенсом, а катафорическое название агенса предпочитается в первую очередь в том случае, когда говорящий желает сначала сообщить о самом действии как самом важном, а лишь затем называет деятеля. Особенно в кратких объявлениях и заглавиях это создает впечатление динамичности действия и в какой-то степени пробуждает интерес любопытного читателя к выяснению, кто совершил данное действие.

4.1.6 Дефокусировка агенса в русских пассивных конструкциях с агентивным дополнением

4.1.6.1 Отстранение конкретного производителя действия

В русском языке, в отличие от финского, дефокусированный агент может в ПК на синтаксическом уровне канонически выражаться АД в творительном падеже. Таких ПК, однако, встречается немного (в среднем 15,1%, см. таблицу 2, на стр. 100) по сравнению с ПК без АД. Подавляющее большинство из них, как указывалось выше, употребляется в научном и официально-деловом стилях. ПК с АД, как правило, не используется в художественной и разговорной речи. Об этом свидетельствует тот факт, что в сборнике "Русская разговорная речь. Тексты"

(1978) нет ни одной собственно пассивной конструкции с каноническим АД. Ее малоупотребительность по сравнению, в частности, с агентивным пассивом в английском языке, объясняется широкими возможностями соответствующей АК⁸⁷. Сравним ПК с наличием АД русского и английского языков:

- (195a) Иван убил Колю.
- (195b) Колю убил Иван.
- (195c) Коля был убит Иваном.

- (196a) Bill killed John.
- (196b) John killed Bill.
- (196c) John was killed by Bill.

В русском языке ярко выраженная морфологизация частей речи отражается в падежных окончаниях членов предложения, способных занимать различные позиции в предложении без изменения их синтаксической функции и семантической роли аргументов (ср. случаи падежной омонимии ниже): несмотря на изменение порядка слов в предложении (195b) его денотативное значение не меняется по сравнению с предложением (195a) и его пассивным коррелятом (195c). Во всех предложениях Иван является субъектом действия, а Коля - объектом. Хотя предложения тождественны по общему денотативному значению, пример (195a), с одной стороны, и (195b) и (195c), с другой стороны, различаются своей перспективой, ориентацией: говорящий, желая сообщить о том, что Коля подвергается действию, использует предложение (195b) или (195c), а в (195a) исходной точкой сообщения является субъект действия, Иван. В английском языке, наоборот, порядок слов более грамматикализован, и поэтому предложение (196b), в котором John становится субъектом действия, не совпадает по денотативному значению с предложениями (196a) и (196c), в которых он является объектом действия. Это означает, что для выдвижения объекта в коммуникативном плане английский язык должен прибегать, в частности, к ПК, но для русского языка это не обязательно, т.к. он может использовать и соответствующий активный вариант (195b). По утвер-

---

⁸⁷ По подсчетам Гивона (Givón 1979:58-60), в художественном стиле английского языка встречается среди всех ПК 13% пассивных предложений с АД, а по подсчетам Свартвика, составленным на основе разных стилей письменной речи, таких конструкций - около 20% (Svartvik 1966:141).

ждению Комри (Comrie 1981b:68-74), английским пассивным предложениям с АД в русском языке скорее всего соответствует АК типа (195b).

На основе нечастотности ПК с АД вообще в русском языке и на основе ее употребления в основном в научном и официально-деловом стилях, можно сделать вывод, что данная конструкция используется в случаях, в которых стиль изложения предполагает "обезличенность" выражения, т.е. отстранение конкретного производителя действия во имя достижения большей абстрактности и объективности представления фактов. По сравнению с ним, в активных вариантах (195а и 195b) конкретный субъект действия фокусируется. Рассмотрим следующие пассивные предложения с дефокусированным прототипическим агенсом, выраженным каноническим АД:

- (197а) Организовано оно (обсуждение за "круглым столом" - МВА) было отделом критики "ЛГ" и редколлегией журнала "Урал", ... (ЛГ 15/89:4)
- (198а) Составитель продолжал свод Никона. В начале XII века "Начальный свод" был вновь переработан монахом того же монастыря - **Нестором**. На этой основе и возникла.. (Кулешов 1989:19)
- (199а) А недавно два таких предложения были сделаны в работах советских и американских физиков, причем несколько работ были написаны ими совместно. (НиЖ 8/89:21)

В данных примерах, взятых вне контекста, теоретически возможно и употребление активного коррелята с подлежащим-агенсом с сохранением общего денотативного значения, и падежной омонимии не возникает в силу того, что либо падежные окончания дифференцируют субъектный и объектный компоненты (197b, 199b), либо при падежной омонимии наше знание о внеязыковой действительности способствует правильному восприятию порядка компонентов (198b). Сравним:

- (197b) Организовал его отдел критики..
- (198b) .."Начальный свод" вновь переработал монах..
- (199b) ..несколько работ они написали совместно..

Варианты (а) и (b) различаются в первую очередь коммуникативно-стилистическим окружением употребления: ПК используются в контексте, характеризующемся представлением фактов без внимания на производителя действия. Кроме этого, активная и соответствующая ПК

с тем же порядком компонентов не всегда взаимозаменяемы на уровне текста, как будет показано в главе (4.3): вместо актива пассивные предложения с АД используются в целях сохранения связности текста там, где подлежащее-агенси не должно играть центральной роли, чтобы не нарушить информационную последовательность изложения.

В финском языке пассивной конструкций с АД русского языка нет прямого "пассивного" соответствия. Рассмотрим аналогичные предложениям (195а-с) примеры, которые все по своей структурной устроенности являются активными конструкциями:

- (200а) Mies tappoi koiran.
'Мужчина убил собаку.'
- (200б) Koiran tappoi mies.
'Собаку убил мужчина.'
- (200с) Koira on miehen tappama.
Собака-Ном есть мужчина-Ген убить-АгПрич
'Собака убита мужчиной.'

В финском языке, как и в русском (ср. 195а и 195б), изменение порядка слов в предложениях (200а) и (200б) не меняет их семантики. Предложение (200с) с агентивным причастием способно передать одно и то же значение по сравнению с русским пассивным предложением с АД в тех случаях, когда причастная форма имеет перфектное значение, выражающее состояние как результат предшествующего действия. Если передаются акциональные действия и в особенности при сообщении их последовательности, в финском языке русской ПК типа (195с) соответствует АК, либо (200а), либо (200б). Сравним следующие русские примеры и их финские эквиваленты:

- (201а) Сохранилось несколько фотографий, запечатлевших Л.Н. Толстого за работой в яснополянском кабинете. Это фотография 1909 года выполнена близким другом Толстого, издателем его сочинений В.Г. Чертковым. (РЯВМ 1991:232)
- (202а) "Повесть..." сохранилась не в подлиннике, а в позднейших летописных сборниках в соединении с последующими сводами. Старейший список - Лаврентьевский, 1377 года - перепи-сан монахом Лаврентием и входит в состав Владимиро-Суздальской летописи. (Кулешов 1989:19)
- (201б) ..Tämä valokuva on Tolstoin läheisen ystävän,.. ottama
эта фотография-Ном есть близкий друг-Ген снять-АгПрич

- '..Эта фотография снята близким другом Толстого'
- (202b) ..Vanhin luettelo.. on.. Lavrentin puhtaaksi kirjoittama ja se sisältyy..
старейший список-Ном есть Лаврентий-Ген переписать-Аг-
Прич
'..Старейший список переписан монахом Лаврентием и он
входит..

Конструкция с агентивным причастием устанавливает факт, констатирует состояние-признак как результат предшествующего акционального действия. При этом производитель действия, выраженный родительным падежом и представляющий собой обязательный элемент для использования агентивного причастия, остается на заднем плане.

4.1.6.2 Абстрактная референция агентивного дополнения

Среди русских пассивных конструкций с АД особую группу составляют предложения, в которых АД имеет абстрактный референт. Выше мы назвали его непрототипическим агенсом, обозначающим неодушевленного каузатора неинтенционального, неволеитивного действия, уравненного с подлинным агенсом лишь своим языковым значением. Этот квазиагенс обозначает причину, образ действия и т.п. Употребление ПК с квазиагентным компонентом ограничено, в основном, научными и абстрактно-логическими текстами, характеризующимися отсутствием описания конкретных процессов, например:

- (203a) Культурный и экономический рост наций сопровождается осложнением процессов языковых взаимоотношений и взаимодействий. (ВЯ 5/67:13)
- (204a) Ни один дефицитный товар не гарантируется для всех категорий населения хотя бы по минимальной норме. Несправедливость, заложенная в самой природе карточной системы, усугублена ее неупорядоченностью. (МН 40/89:6)

Употребление ПК и потому обязательно, что в АК в некоторых случаях может появиться падежная омонимия, препятствующая правильному пониманию субъектно-объектных отношений, например, в предложении (203b) остается неясным, сопровождает ли рост (Su) осложнение (Ob), или, наоборот, осложнение (Su) - рост (Ob), сравним:

(203b) Культурный и экономический рост сопровождается осложнение процессов...

Рост как номинативная составляющая в начале предложения занимает место подлежащего, и, вследствие этого, смысл предложения по сравнению с первоначальным (203a) меняется. Иногда какой-либо другой компонент предложения способен обеспечить правильное восприятие субъектно-объектного отношения, например:

(204b) Несправедливость, заложенную..., усугубила неупорядоченность

В этом предложении определяющий причастный оборот способствует выяснению синтаксической роли первого компонента. Однако логический вес актантов искажается. То же самое происходит в случае инверсии в АК: меняется логическая акцентировка компонентов предложения, т.е. его информационная установка на фоне предыдущего контекста (см. подробнее 4.3). Сравним:

(203c) Осложнение.. сопровождается.. рост..

(204c) ..неупорядоченность.. усугубляет.. несправедливость..

В следующем примере функция АД не вполне ясна, и оно может быть понято двояким образом. Сравним:

(205a) В состав постоянно действующего Верховного Совета СССР вошли 542 народных депутата. **Образованием** Верховного Совета в основном завершено формирование пирамиды государственной власти. (МН 24/89:8)

(205b) ..образование ..завершило формирование..

(205c) ..образованием ..завершили формирование..

В варианте (205b) номинативная форма подлежащего приводит, во-первых, к падежной омонимии, и, возможно, к неправильному пониманию содержания предложения. Во-вторых, поскольку агентивный компонент имеет значение каузатора, способа действия, а не конкретного производителя, поверхностный творительный падеж более естественно, чем именительный субъекта, отражает это значение. Сходство со значением образа или орудия действия проявляется и в том, что с употреблением неопределенно-личной формы творительный падеж квазиагентного компонента сохраняется (205c).

Также в следующих примерах АД носит квазиагентный характер, обозначая скорее всего причину, и это, как и подчеркнутое значение достигнутого состояния без указания на предшествующее действие, обосновывает выбор ПК с творительным каузатора:

- (206a) Посмотрим на наш земельный фонд. Более 100 миллионов гектаров пахотных земель в той или иной степени разрушены эрозией. (НиЖ 8/89:3)
- (207a) В ГДР с момента выявления первого больного прошли тестирование около миллиона доноров, мы провели скрининг так называемых групп риска. Это необходимая мера для выявления тех людей, иммунная система которых уже подорвана болезнью. (Здоровье 11/89:13)
- (208a) Ни одна из существующих сегодня структур, в том числе и тех, которые рождены перестройкой, не имеет пока таких шансов. (МН 52/89:4)

Так как в этих примерах пассивная форма глагола имеет перфектное значение, в финском языке можно в качестве эквивалента использовать АК с агентивным причастием:

- (206b) .. yli 100 miljoonaa hehtaaria viljelysmaasta on eroosion kuluttamia.
'более 100 миллионов гектаров разрушены эрозией'
- (207b) .. joiden immuunijärjestelmä on sairauden murtama.
'иммунная система которых подорвана болезнью'
- (208b) ..jotka ovat perestroikan aikaansaamia,..
'которые рождены перестройкой'

Пассивным предложениям с абстрактной референцией АД, не имеющим перфектного значения, в финском языке соответствуют другие активные конструкции. Рассмотрим финские соответствия некоторых приведенных выше примеров:

- (204b') ..Epäoikeudenmukaisuutta.. on lisännyt sen (kuponkijärjestelmän) huono toimivuus.
Несправедливость-Парт усугубить-Перф неупорядоченность-Ном
'Несправедливость усугубила ее неупорядоченность'
- (205b') NL:n pysyvään Korkeimpaan neuvostoon kuuluu 542 edustajaa. Korkeimman neuvoston muodostaminen lopetti valtiollisen valtapyramidin muotoutumisen'
образование-Ном завешить-Прет формирование-Акк/Ген

'В состав Верховного Совета СССР входит 542 народных депутата. Образование постоянного действующего Верховного Совета завершило.. формирование..'

(205b'') ..muodostamiseen päätyi .. muutoutuminen.

образование-Иллат кончиться-Прет формирование-Ном

'образованием кончилось развитие'

В финском языке глубоко дифференцированная морфологизация частей речи способствует, в отличие от русских примеров (204а, 205а), правильному пониманию отношений между членами предложения.

Таким образом можно отметить, что в ПК с АД, характерной в основном для научного и официально-делового стилей, дефокусировка прототипического агенса мотивирована прежде всего стремлением говорящего к обезличенности выражения и к неакцентировке конкретного производителя действия. В этом заключается ее основная функция, т.к. для обозначения синтаксических функций и семантических ролей компонентов предложения достаточно использовать активную конструкцию. В пассивных предложениях с абстрактным референтом АД непрототипический агенс поддается дефокусировке, т.к. он, обладая квазиагентным значением, воспринимается скорее как образ, способ действия или причина, что обуславливает и его поверхностное выражение.

4.2 Интерперсональная функция финского пассива

Кроме грамматической конвенциональной функции, языковая форма может употребляться во вторичной, маркированной, функции, выражающей, например, интерперсональные отношения (ср. Halliday 1985). В интерперсональной функции языковая форма, помимо выполнения своей нейтральной коммуникативной функции как формы слова, передает информацию и об отношении говорящего к самому себе, к адресату или сообщаемой им информации (Yli-Vakkuri 1986). В этой функции языковая форма, в том числе пассивная форма глагола, используется для передачи прагматических дополнительных значений,

выражающих эмоциональные интенции говорящего либо социальные отношения между говорящим и адресатом.

Выражение интерперсональных отношений в языковой форме и языковой системе изучали, в частности, Браун и Левинсон (Brown & Levinson 1988:27, см. также Leech 1983, Арутюнова и Падучева 1985, Lampinen 1990) в связи с "принципом вежливости", проявляющимся в речевой культуре, и регулирующим отношения между "я" и "другими". Они проанализировали стратегии, по которым коммуниканты действуют в интеракции, и пришли к выводу, что многим речевым культурам более свойственна т.наз. негативная вежливость, чем позитивная. Согласно этой трактовке, в интеракции коммуниканты, сталкиваясь с неловким положением, "угрожающим им", прибегают к языковым способам, позволяющим избежать прямого самоназывания участника / участников коммуникации, т.е. либо говорящего, либо адресата, либо их обоих. Это позволяет говорящему не казаться навязчивым.

Одним из способов и подкатегорий принципа негативной вежливости, ненавязчивости, является имперсонализация, заключающаяся в стремлении говорящего не употреблять личные местоимения в выражении деятеля, а вместо личных форм он прибегает, например, к пассиву. Именно в этом скрывается сущность вторичной, интерперсональной функции финского пассива: он же позволяет устранить деятеля, в то же время имплицитно его, и в силу своей "безличной" формы способен, в частности, сигнализировать социальную или личностную дистантность в отношениях между говорящим и адресатом в неловком положении. Касательно финского языка Хакулинен (см. также Nirvi 1947) пришла к выводу, что *"..it is legitimate to suppose that one of the motivations behind the development of an impersonal passive has been politeness: to avoid referring to the participants too explicitly when uttering a face-threatening act."* (Hakulinen 1987:146). Именно эта функция избежания личной референции в интеракции была, по ее мнению, первостепенной по сравнению с более поздней, может быть, заимствованной первичной функцией пассива в монологе, являющейся общей для индоевропейских языков.

Как выше уже указывалось, в финском языке вообще ПК употребляется в разговорной речи чаще, чем в русском языке (см. Таблицу 1, на

стр. 98), т.е. среди всех предложений их 10,7%⁸⁸, причем использование пассивной формы глагола вместо личных форм составляет 5,7%. Выполняя функцию дефокусировки агенса, пассив используется и для вытеснения личных форм, указывающих прямо на определенное действующее лицо. Причиной этого, как считает Шор (Shore 1986:53), является то, что финская речевая культура вообще характеризуется стремлением, например, не упоминать говорящего. Пассивная форма глагола, с помощью которой возможно имперсонализировать и индефинитизировать деятеля, в том числе и самого говорящего, служит адекватным языковым средством для достижения этой цели. С устранением говорящего либо адресата вторичная функция пассива передает самые различные оттенки интенций говорящего от отрицательных до положительных, т.е. от нарушения правил вежливости до их усердного соблюдения. К тому же дефокусировка самого себя дает говорящему возможность устраняться от прямой ответственности за действие, обозначенное пассивной формой глагола.

4.2.1 Дефокусировка "Эго"

Под дефокусировкой говорящего, т.е. "Эго", понимается употребление пассивной формы глагола вместо формы первого лица ед. числа. Юли-Ваккури (Yli-Vakuri 1986) приводит понятие 'пассив говорящего', (puhujan passiivi). Говорящий прибегает вместо личной формы глагола к пассивной форме, позволяющей избежать самоназвания. Мотивы такого употребления самые различные, оттенки тонкие и переплетаются между собой. Стремление к избежанию личной референции происходит не только в ситуациях, "угрожающих лицу", в которых говорящий из-за скромности не считает приличным выделять себя как активно действующее лицо, но и в ситуациях, в которых он чувствует себя неуверенным, или недооценивает свое действие, например:

---

⁸⁸ Подобные результаты были получены в исследовании устной речи в Турку, в которой количество ПК составляет в среднем 8,2% (Suojanen 1985:160-165, ср. Shore 1986).

- (209) - Ostatteko paljon kirjoja vai, käytättekö kirjastoo?
 - No kirjastoo on käytetty ja sitten mää kuulun kirjakerhoon nin sieltä on, tullus silloin tällöin aina.. (Jyv. M/III 2)
 - 'Вы часто покупаете книги или пользуетесь библиотекой?'
 - 'Ну, пользуюсь и библиотекой и являюсь также членом книжного клуба, откуда время от времени ..'
- (210) - No missä vaiheessa sä sit-, sitte tulit tänne Jyväskyläan?
 - No, no tuota, meikäläinen lähti niinku sotaväej jälkeer Ruotsii.. Sen jälkeen, siellä, mentiin naimisiin ja, ja, sitten tultiin takasik Karstulaan.. (Jyv M/III 8)
 - 'А когда ты приехал сюда в Ювяскюля?'
 - 'После армии я уехал в Швецию, там женился, а затем вернулся в Карстула.'

В первом примере (209) в ответе говорящий сначала прибегает к пассивной форме вместо личной, а затем употребляет положенную личную форму первого лица. Употреблением пассива вместо личной формы говорящий выражает скромность, неуверенность и дает понять, что он не является активным посетителем библиотеки. Также во втором примере (210) говорящий, не называя себя в качестве деятеля, описывает ситуацию как бы извне, будто он сам не участник ситуации. К тому же уже в начале своей реплики он избегает самоназвания, употребляя вместо "я" субстантивированное местоимение meikäläinen, 'наш брат', и глагольную форму третьего лица ед. числа. С избеганием самоназвания из-за скромности тесно связано и желание обобщать, т.е. говорящий прибегает к индефинизирующей пассивной форме глагола, скрывая тем самым свою личность за множеством ему подобных, например:

- (211) .. pieni yksiö että mää siellä niinku, asun ja sitte aina viikoloppusin mennään taas sinne maalle (Jyv. M/III 4)
 '.. я живу в маленькой однокомнатной квартире и всегда на выходные дни уезжаю за город'
- (212) - Onnea tenttiin!
 - Kiitos, sitä tarvitaankin!
 - 'Желаю удачи на экзамене!'
 - 'Спасибо, вот то, что мне и нужно! (Спасибо, это именно то, что и надо!).'

В примере (211) выражается, во-первых, лишь действие говорящего (он работает и живет в городе, уезжая лишь на выходные дни к семье за город), и, во-вторых, пассивная форма глагола, обладающая значением

неопределенности производителя действия, имплицитно и обобщенность действия с включенностью говорящего (т.е. имплицитно, что вообще люди уезжают за город на выходные дни). Также в примере (212) посредством употребления пассива говорящий, дефокусируя внимание с себя, обобщает: удача на экзамене нужна всегда студентам, в том числе и говорящему в данный момент. Употребление пассива в приведенной ситуации стало уже устоявшимся, т.е. произошла фразеологизация, и поэтому данное выражение, несмотря на пассивную форму глагола, не принимается в свойственном ему первичном значении.

Кроме устранения личной референции из-за скромности, употребление пассивной формы для дефокусировки "Эго" может быть мотивировано и желанием говорящего придать сообщению оттенок хвастовства. Рассмотрим примеры:

- (213a) - Mistä sinä täältä karhuja ampuut? ...
 - Satutaan tietään mistä ammutaan... Muttei puhuta liikoja. On mielestäni hyvää hommaa. (Linna 1959 I:37)
 - 'Где ты тут в медведей стреляешь?'
 - 'Знаем где, но не скажем. Это, по-моему, хорошее дело.'
- (214a) - Tehkäähän kauppane, että muutkin saavat.
 - Herra luutnantti. Kunhan jouvutaan. Kun on pitkä matka niin evvää sen mukaan. (Linna 1973 I:25)
 - 'Делайте свои покупки, чтобы и другие могли.'
 - 'Делаем, господин лейтенант, как только успеваем. Если дорога длинная, то и харчи хорошие..'
- (215) "*Success Story* on lähtenyt siitä, että yritykset ovat uskoneet minuun ja antaneet rahat, ja sitten se on tehty." Lenita sanoo. Yritysten usko Lenitaan tuntuu horjumattomalta;.. (HS 22/89:16)
 "'Идея шоу "Сюкセス Стори" исходит из того, что фирмы верили в меня и дали деньги, и затем оно было сделано", - говорит Ленита. Вера предприятий в Лениту непоколебима.'

Говорящий как будто хвастается своим умением, знанием (213, 214). В интервью, из которого взят пример (215), говорящий подробно рассказывает о себе и о своей деятельности. Поэтому и действие, выраженное пассивной формой глагола, воспринимается как логическое продолжение этой деятельности. Здесь, однако, возможно и другое истолкование, по которому с помощью пассивной формы имплицитно инклюзивно "мы", т.е. говорящий и другие. Как в первом, так и во втором истолко-

ваниях оттенок хвастовства сохраняется. Кроме того, поскольку в финской речевой культуре не принято выделять лицо, употребление пассивной формы, не указывающей прямо на действующее лицо, вместо личной придает сообщению будто бы оттенок большей объективности. Хвастовство, самоуверенность, с одной стороны, и скромность, с другой стороны, могут переплетаться, например:

- (216) "Lähdetään kaikessa rauhassa katsomaan, minkälainen tämä kilpailu on. Johan noita pätkiä on nähty harjoittelujakson aikana ja huollon toiminta on suunniteltu niin hyvin kuin se kolmella huoltoautolla on mahdollista. Rauhallisesti mennään, mutta jalkoihin ei jäädä", Mökkönen pohti.. (HS 21.1.90:B2)

'"Поеду спокойно, чтобы увидеть, что это за гонки. Я уже видел эти трассы во время тренировок. Работа команды спланирована настолько хорошо, насколько это возможно при использовании трех машин. Поедем спокойно, не отстанем от других", рассуждал Мёккёнен.'

Говорящий (в контексте подсказывается, что действующим лицом в данном случае является только он) рассказывает о своем участии в гонке автомашин. С одной стороны, подчеркивая, что он "спокойно", без лишних волнений поедет (lähdetään kaikessa rauhassa, rauhallisesti mennään), он, с другой стороны, отмечает, что у него есть уже большой опыт в этом деле: я уже видел эти трассы (johan noita pätkiä on nähty), не отстану от других (jalkoihin ei jäädä). По нашим наблюдениям, употребление пассива вместо первого лица встречается очень часто именно в речи спортсменов. (В данном абзаце выступает еще одна пассивная форма: on suunniteltu 'спланирована', которая может восприниматься с точки зрения говорящего либо инклюзивно либо эксклюзивно.)

Особый случай избежания называния самого себя в качестве деятеля представляют собой ситуации в банке, в парикмахерской, у косметолога, и т.п., где можно слышать следующего рода обращение адресату:

- (217) Leikataanko gouvan hiukset aivan lyhyeksi?
'Ваши волосы коротко пострижем / постричь?'
- (218) Laitetaanko luomiin hieman vihreää?
'А на веки чуть зеленого положим / положить?'

Говорящий, не желая подчеркнуть свою роль в качестве производителя действия, прибегает к пассивной имперсонализирующей форме глагола, способствующей сохранению определенной нейтральной дистантности между говорящим и адресатом. Личная форма с "я" в соответствующей ситуации представляется слишком навязчивой. Подобное желание устранять самого себя, отражается и в употреблении пассива в следующей ситуации, когда кондуктор входит в вагон, объявляя:

- (219) - (Ja sitten) katsotaan/tarkastetaan kaikkien matkaliput.
'(А теперь) посмотрим / проверим билеты.'

Вместо пассивной формы глагола в данной функции (особенно это касается примеров 217 и 218) нередко употребляется и форма первого лица мн. числа, выражающая будто бы соучастие говорящего и адресата в действии, объектом которого последний является.

В русской речи пассивная форма глагола вместо первого лица ед. числа употребляется очень редко. Нами были найдены следующие примеры, в которых конвенциональное значение пассивной формы глагола сохраняется без дополнительных прагматических значений, и целью сообщения скорее всего является подчеркивание результативности действия с эллипсисом производителя действия, например:

- (220) Заплатил (говорящий - MVA). Обращаюсь к даме: - Докушайте, - говорю, - гражданка. Заплачено. (Зощенко 1977:7)
(221) Меня, человека военного, судьба героини гражданской войны заинтересовала, и я начал поиск. Отправлены десятки запросов в архивы и музеи, просмотрено множество газет и журналов первых лет Советской власти. (Работница 10/89:16)

В русской разговорной речи в случаях, аналогичных вышеприведенным финским примерам, употребляется кроме первого лица ед. числа нередко глагольная форма первого лица мн. числа, способная передать как значение скромности, так и эмоционально-усилительное значение хвастовства, ярко проявляющиеся в функциональных эквивалентах приведенных финских примеров (213а, 214а):

- (213b) - 'Где ты тут в медведей стреляешь?'
- 'Знаем где, но не скажем. Это, по-моему, хорошее дело.'
- (214b) - 'Делайте свои покупки, чтобы и другие могли.'

- 'Делаем, господин лейтенант, как только успеваем. Если дорога длинная, то и харчи хорошие..'

Также неопределенно-личная форма может употребляться, хотя нечасто, при соотнесенности субъекта действия с говорящим. Адамец (1973:59-60) приводит следующий пример:

(222) Молчи, говорят тебе. (=я говорю)

В этой функции неопределенно-личной конструкции в высказывание вносятся прагматические оттенки усиленности, экспрессивной эмпатичности действия, сопровождающиеся, в частности, оттенком обобщенности (Шелякин 1991:69-70). Рассмотрим пример:

(223а) - Если недопонимаешь, то слушай, што говорят! - повысила голос теща. - Красивая, нарядная жена украшает мужа. А уж тебе-то надо об этом подумать - не красавец. (Шукшин 1975:16)

В данной ситуации экспрессивно-эмфатического представления действия теща прибегает к неопределенно-личной конструкции с целью имплицировать обобщенность действия (...что вообще говорят), хотя она скорее всего в данный момент имеет в виду себя (...то слушай.., что я говорю). С употреблением субъективной личной формы "говорю" подчеркивалось бы лишь ее мнение о зяте, и эффект, произведенный ее словами на него, оказался бы нежелательным. В финском языке в данном случае функциональным эквивалентом является ПК:

(223b) Kun et itse ymmärrä, niin kuuntele, mitä sanotaan (minä sanon/toiset sanovat), anoppi korotti ääntään. ...

'Если уж сам не понимаешь, то слушай, что говорится (я говорю/другие говорят), повысила голос теща..'

Итак, в финском языке пассивная форма глагола вместо формы первого лица ед. числа используется в основном в следующих ситуациях: во-первых, когда говорящий "скромничает", т.к. не хочет подчеркивать свою роль в совершении действия, во-вторых, он хвастается, и, в-третьих, стремится к обобщению, скрывая свою личность за другими. С оттенком обобщенности действия он желает придать своему сообщению большую степень объективности, чем если бы говорил, употребляя субъективную форму первого лица.

4.2.2 Дефокусировка адресата

Причиной употребления пассива вместо глагольной формы второго лица ед. и мн. числа является, как и в вышеприведенных случаях, стремление избежать прямого названия адресата, находящегося в неловком положении: обращение к адресату, т.е. на "ты" или "вы", может представлять собой ситуацию, "угрожающую лицу". Как Хакулинен отмечает в связи с рассмотрением употребления пассива вместо второго лица глагола "the feature of plurality that the form implies, makes the passive a useful means of creating distance between interlocutors in awkward situations" (Hakulinen 1987:148). Это означает, что пассивная форма глагола с импликацией неопределенности деятеля предоставляет возможность обратиться "с дистантностью" к адресату. Например, в следующем предложении ситуация представляется напряженной, неловкой с точки зрения адресата:

- (224a) - Miksi sieltä firmasta tänä iltana näin aikaisin tullaan? Helga kysyi pistävällä äänellä (Skiftesvik 1989:36).
 - 'Что это ты из своей фирмы нынче вечером так рано пришел? - спросила Хелга язвительным голосом.'

Жена относится к раннему приходу мужа с работы недоверчиво, подозревая, что с ним не все в порядке. Она обращается к мужу, будто он не присутствует: употребление пассивной формы глагола вместо личной формы дефокусирует адресат и придает дополнительное значение личностной дистантности между говорящим и адресатом. Сравним с предложением с нейтральной личной формой глагола:

- (224b) Miksi sinä sieltä firmasta tänä iltana näin aikaisin tulet?..
 'Почему ты из своей фирмы нынче вечером так рано пришел (досл. идешь)?..'

Этот вопрос по своему иллокутивному оттенку является прямым нейтральным вопросом адресату по поводу раннего возвращения домой и понимается без иронии, без вышеприведенных дополнительных импликаций. Рассмотрим следующий пример:

- (225) Kevään edistyessä Jussi veisti hirret. Niiden pituus ihmetytti Almaa...
 - Minkä niitä noin pitkiä tarvitaan? (Linna 1959:16)
 'Ближе к весне Юсси обтесал бревна. Их длина поразила Альму...
 - На что они нужны такие длинные?'

Альма поражается поступку мужа, но при прямом обращении на "ты" муж попал бы в неловкое положение, в котором его действие подвергалось бы критике, даже обвинению. Чтобы избежать этого, говорящий обходит прямое обращение с помощью дефокусирующего агенс пассива. Как отмечают Браун и Левинсон: "One way of indicating that S (speaker - MVA) doesn't want to impinge on H (hearer - MVA) is to phrase the FTA (face-threatening act) as if .. the addressee were other than H, or only inclusive of H." (Brown & Levinson 1988:190). Также в следующем эмоционально окрашенном примере говорящий избегает прямого названия адресата:

- (226) Ja mököttävällä vapisevalla äänellä tulivat Jussin sanat, jotka olivat sen sävyiset että niitä uskottiin:
 - Minä... en kellekään... mitään. Mutta minuun ei kajota. (Linna 1959:13)
 'И запинаясь, Юссм заговорил и его слова внушали уважение:
 - Я... никому... ничего... Но меня пусть не трогают.'

Употреблением пассивной формы глагола имплицитно указывается, что ни адресат, ни кто-либо другой не имеет права трогать говорящего. Форма глагола приобретает оттенок обобщенности действия, смягчая тем самым запрет.

В обиходе часто встречаются ситуации, в которых говорящий просто не знает, как обратиться к адресату, и поэтому прибегает к нейтрализующему лицу пассиву. В подобной ситуации речь уже не идет о негативной вежливости (ср. Shore 1986). Например, в банке клиент может услышать следующий вопрос:

- (227) Paljonko nostetaan?
 'Сколько будете снимать (со счета)?'

Служащий банка обходит проблему, обратиться ли к адресату на "ты" или на "вы". Всем известны аналогичные ситуации посещения врача. Задавая вопрос больному в форме пассива (228а), врач, с одной стороны, избегает прямого обращения, и, с другой стороны, он, говоря

инклюзивно (в значении "мы"), становится как бы соучастником ситуации адресата, что более ярко проявляется в форме первого лица множественного числа, тоже выступающей в данной функции (228b):

(228a) No, onko oltu terveenä?

'Ну, как здоровье?'

(228b) No, mitenkä me tänään voimme?

'Ну, как мы себя чувствуем сегодня?'

Кроме оттенка дистантности между говорящим и адресатом (228a), употребление пассивной формы глагола при обращении вносит и оттенок вежливости, например, когда у пришедшего / пришедших спрашивают:

(229) Mistä kaukaa ollaan?

'Ты / вы откуда?'

Юли-Ваккури (Yli-Vakkuri 1986:86-89) отмечает, ссылаясь на разные источники, что во многих диалектах финского языка пассивная форма обращения считается более вежливой, чем литературная форма на "вы".

В русской речи в ситуациях у врача помимо конвенциональной формы обращения, используется первое лицо мн. числа ("докторское мы"): Ну, мы здоровы? Ну, как мы себя чувствуем?⁸⁹ Как в пассивной форме финского языка, так и в эквивалентных ему выражениях мн. числа как финского, так и русского языка, подчеркивается положительное вежливое обращение, но в пассивном предложении сохраняется определенная дистантность между говорящим и адресатом.

---

⁸⁹ В материале на русском языке, собранном нами, мы не нашли примеров эквивалентного употребления пассива вместо глагольной формы второго лица единственного числа. По утверждению Адамеца (Adamec 1973:60), употребление даже неопределенно-личной формы вместо второго лица исключено. Следующее предложение может, кроме своего безличного истолкования, приобрести и пассивное значение с дефокусировкой адресата (Адамец [1973] называет данные конструкции демипассивными, а Храковский - пассивными [1991]):

(i) Как живется здесь?

Вопрос можно понимать двояко в зависимости от ситуации:

(ii) Как **вы** живете..

(iii) Как **ты** живешь..

Пассивная форма глагола может употребляться и вместо **императива** второго лица для смягчения требования или приказа. В начале предложения эта форма часто сопровождается частицей -ра (231а, 232а), дополнительно смягчающей побуждение (Lampinen 1990:87). Рассмотрим примеры:

(230а) Seuraavaksi piirretään kuva perheestä.

(231а) Syödäänpä nyt lautanen tyhjäksi.

(232а) Avataanpa suu.

Выражаемое глаголом значение эксклюзивное: на уроке преподаватель побуждает учеников рисовать (230а), или воспитательница в детском саду торопит детей съесть все (231а). Пассив представляет собой нейтральное побуждение. В предложении (232а) использование пассива создает у врача вежливую, непринужденную атмосферу (см. 228а). Повелительная форма вместо пассивной формы означает приказ:

(230b) Piirtäkää seuraavaksi kuva perheestä!

'Нарисуйте свою семью!'

(231b) Syökää nyt lautanen puhtaaksi.

'Съешьте все!'

(232b) Avaa/Avatkaa suu!

'Открой/откройте рот!'

В русском языке в подобном случае предпочитается, как уже выше отмечалось, глагольная форма первого лица мн. числа:

(230с) А теперь нарисуем...

(231с) Съедим все

(232с) Откроем рот.

Эта форма передает оттенок соучастия, характерный в отношениях к маленьким детям, в отношении врача к больному и т.п. Интерес при этом представляет наблюдение, что в этих эквивалентных ситуациях финны прибегают весьма часто к пассивной форме выражения, чтобы сохранить дистантность между говорящим и адресатом, а русские, наоборот, для устранения дистантности, для создания "участливой совокупности", используют глагольную форму первого лица мн. числа.

4.2.3 Дефокусировка "мы"

Стремление избежать личной референции очень ярко проявляется в вытеснении пассивной формой глагола личной формы первого лица множественного числа. В разговорной речи пассивная форма **mennään** (настоящее время глагола 'идти') вместо грамматически нормативной **menemme** ('мы идем') стала уже почти единственно употребляемой формой⁹⁰, а в некоторых диалектах вообще отсутствует личная форма глагола в первом лице мн. числа (см. Nirvi 1947). Интерес представляет тот факт, что хотя пассивная форма глагола уже воспринимается в данной функции как активная, синтаксически конструкция маркирована как пассивная, т.к. объект сохраняет свой синтаксический статус как и в собственно ПК:

- (233) **Me ostimme talon.**
мы-Ном купить-1.мн.ч.Прет дом-Акк/Ген
'Мы купили дом.'
- (234) **Me ostettiin talo.**
мы-Ном купить-ПасПрет дом-Акк/Ном
'Мы купили дом.'
- (235) **Talo ostettiin.**
дом-Акк/Ном купить-ПасПрст
'Дом был куплен.'

Первое предложение (233) представляет собой активное, третье (235) пассивное, а во втором (234) имеются активное личное местоимение в роли подлежащего, и в то же время пассивная форма предиката и "пассивно" маркированное дополнение (ср. родительный падеж аккумулятива в активной конструкции 233). Предложение (234), имея статус активного предложения, употребляется вместо (233). Однако форма слова, как выше отмечалось, в любой функции сохраняет свое значение словоформы. Так и пассивная форма глагола, основная задача которой состоит в устранении конкретного называния деятеля, передает это

---

⁹⁰ Глад, исследовав использование пассива в речи среднефинляндских школьников, подсчитала, что в 66,2 % пассивных предложений пассивная форма глагола употреблялась вместо первого лица множественного числа (Glad 1990:32).

значение, выступая в функции первого лица мн. числа. Особенно это касается случаев, когда и личное местоимение "мы" отсутствует в поверхностной структуре. В компенсации первого лица мн. числа пассивной формой наблюдается та же самая тенденция стремления избежать личной референции, как и в первом лице ед. и во втором лице ед. и мн. числа. Однако не всегда просто выяснить, идет ли речь о первичной функции пассива или о вторичной его функции с компенсацией местоимения "мы". Лишь с учетом импликаций контекста можно разрешить этот вопрос. Контекст же с пассивной формой глагола в ее первичной функции весьма часто имплицитно подразумевает эксклюзивность говорящего в совершении действия, а в функции первого лица мн. числа речь идет об инклюзивности говорящего, т.е. о значении "я и другие" приняли участие в действии. Рассмотрим примеры, часть которых взята из художественной литературы, отражающей разговорную речь:

- (236) Mentiin lippuluukulle. Siinä oli jonoa molemmille luukuille. Mentiin siihen, missä jono näytti olevan lyhyempi. Odoteltiin, vähitellen päästiin lähemmäksi ja saatiin liput. Mentiin portista sisään. (Tuuri 1983:15)

'Мы подошли к кассам. Там была очередь к ним обеим. Мы встали в ту очередь, которая показалась более короткой. Подождали, постепенно мы подошли ближе к кассе и купили билеты. Мы вошли через ворота.'

- (237) - No, tähän sitä jäätiin. Istutaan nyt autossa, kun kerran saadaan. (Linna 1973:36)

'Вот, здесь мы и остались. Давайте посидим в машине, если уж можем.'

На основе более широкого контекста становится ясным, что действующими лицами являются "мы", т.е. множество лиц, включающих говорящего и еще кого-то. В примере (237) частица 'sitä' (см. подробнее 4.2.5) компенсирует это субъектное "мы". В следующем примере "мы" не называется, но в контексте после первого пассивного предложения эксплицитно выражено, что речь идет о "нас двоих", референциально определенных субъектах (о Hannes и Tero):

- (238) - Mitä se sanoo? Mitä näille papereille tehdään? Hannes kysyi Terolta. Tero oli vaikean näköinen. - Lienevät jotakin kokouspapereita. Eiköhän se selviä, kun ollan hiljaa ja kuunnellan. (Skiftesvik 1989:62)

- 'Что он говорит? Что нам сделать с этими бумагами? - Ханнес спросил у Теро. Теро смотрел с недоумением. - Они, наверняка, касаются этого собрания. Все выяснится, думаю, если будем сидеть тихо и слушать.'

В этом примере пассив используется без дополнительных прагматических значений, лишь вместо личной формы. В следующих примерах говорящий имеет в виду "я и другие" уже в обобщенном смысле:

- (239) - Vietättekö te paljo yhteisiä syntymä- tai nimipäiviä?
 - Ei, ei ov vietetty, ne oj jäänyk kaikki pois. (Jyv М/III 2)
 - 'Вы часто отмечаете вместе дни рождения или именины?'
 - 'Нет, не отмечаем, все это уже в прошлом.'
- (240) .. aamulla kum mentiin kouluun, niil lämmitetiin uunit ensiks. .. Ja perunat kuorittiin keittolaan ja, puolukoita poimittiij jokaisem piti viedäk kaks litraa puolukoita syksyllä kouluu (Jyv М/III 2).
 '.. утром, когда (мы) приходили в школу, топили сначала печи.. Затем чистили картошку для столовой и бруснику собирали, каждый должен был осенью принести в школу по два литра брусники.'

В этих предложениях лишь на основе контекстуальных импликаций становится ясным, что речь идет о первом лице мн. числа, а не об обобщенном деятеле в первичной функции ПК. В предложении (239) говорящий в своем ответе имеет в виду "мы, работники универсама". В последующем примере (240) он рассказывает о своих школьных годах и о том, что "я и другие школьники делали", т.е. это коллективное "мы".

Как показывает пример (234), местоимение "мы" в качестве субъекта действия может сочетаться с пассивной формой. Несмотря на то, что оно во многих случаях эллиптически пропускается (см. примеры 236-237), оно приводится при надобности для ограничения круга людей, на который указывается. В примерах (241) и (242) местоимение "мы" ограничивает, уточняет, что речь идет именно о "нас", а не о неопределенном количестве производителей действия, имплицитных пассивной формой глагола. В примере же (241) первые две пассивные формы глагола передают собственно пассивное истолкование со значением обобщенности действия:

- (241) - Minkä -, minkä tyyppisiä ne yleensä on?
 - Ne on myynnillisiä ja sitten, joku, tommonen täytetään joku, lomakkeita ja sitten ne, lähetetään, ainakin ne on niinkun Saksasta tulluj joku semmonen kurssi joka me suoritettiin, tekstiilialan kurssi. (Jyv. M/III:7).
 - 'Какого типа они (курсы) вообще?'
 - 'Они для продавцов. И потом заполняются анкеты и они посылаются в Германию, откуда по крайней мере был курс, который мы сдали, курс по текстилю.'
- (242) Skp:n kannatuksen laskun yksi syy on, että meidät on samastettu sosialistisiin maihin. Ei olla haluttu sanoa, että kyllä me sosialisteja ollaan mutta ei tuon näköisiä. (HS 8/89:22)
 'Одной из причин падения поддержки компартии Финляндии является то, что нас отождествили с социалистическими странами. Не хотели признать, что мы являемся социалистами, только не такими.'

В употреблении местоимения "мы" с пассивной формой глагола, как отметила Сильвеннойнен (Silvennoinen 1980:117-118), наблюдается различие между женщинами и мужчинами: женщины более откровенно рассказывают о своей работе, о семье и под., употребляя при этом личное местоимение и пассивную форму глагола. Мужчины, наоборот, избегая говорить о личных делах, предпочитают пассивную форму глагола без уточняющего местоимения, или они используют третье лицо мн. числа. Лишь рассказывая о своем месте работы, фирме, о коллегах на месте работы, мужчины, по наблюдениям Сильвеннойнен (Silvennoinen 1980), прибегают к пассивной форме вместе с местоимением. Рассмотрим пример, в котором говорящий под "мы" имеет в виду "наш универмаг":

- (243) - Tuleeko teille paljon ihan sittep palautuksia et ei, tai niinku, ote-taanko teillä vastaam miten -?
 - No ei niitä, kyllä me otetaan ne ilmam muuta omat, mitä me ollaan myyty jos, ei niitä oot tulluk kovim paljo et. (Jyv. M/III 7)
 - 'Много вам возвращают товаров, вы их принимаете, или как?'
 - 'Не так уж много возвращают, и мы принимаем, конечно, то, что мы продавали, если таких товаров не очень много'

В русском языке пассивная форма глагола вместо первого лица мн. числа употребляется очень редко, например:

- (244) Сколько пережито! т.е. Сколько мы пережили.

Значение скорее всего коллективно обобщенное, т.е. сколько **мы**, **люди** вообще пережили. Эквивалентом употребления финского пассива в данной функции может в определенных случаях служить неопределенно-личная конструкция (см. Adamec 1973:60), например:

(245) Вот, граждане, до чего дожили. Рабочий человек и в ресторан не пойдет - не впускают. На рабочий костюм косятся... Выперли, братцы, его из ресторана. Вот до чего дожили. (Зощенко 1977:45)

Здесь говорящий может подразумевать в качестве деятеля любого, т.е. форма глагола имеет эквивалентное с пассивом значение, но вместе с тем говорящий может иметь в виду и "нас", и в предложении местоимение "мы" опущено.

Пассивная форма глагола (т.е. настоящее время индикатива) вытеснила и форму **императива** в первом лице мн. числа (см. Leinonen 1982:205, Nakulinen 1987:145-146, Shore 1986:40-42, Salminen 1990:83-84). По предположению Нирви (Nirvi 1947:34-44), появление пассивной формы глагола вместо повелительной предшествовало тому, что она приняла функции первого лица мн. числа и в других наклонениях. Причиной вытеснения повелительной формы глагола служит желание избежать личной референции, которая ярко проявляется в морфологическом окончании повелительной формы первого лица мн. числа. Сама эта форма стала даже архаичной, употребляющейся лишь в высоком стиле, например, в церкви: *Nouskaamme ja rukoilkaamme!* 'Встанем и помолимся'. Вместе с тем побуждение, выраженное пассивной формой, более нейтрально и менее категорично, чем побуждение, выраженное повелительной формой. Следующие примеры представляют собой типичное использование пассива вместо императива в речи⁹¹:

⁹¹ Порядок слов играет определенную роль при выяснении, идет ли речь об императивной функции пассивной формы глагола или о примарной ее функции. Без контекста предложение (i), в котором пассивный предикат настоящего времени занимает начальную позицию, имеет инклюзивное и императивное значение. Если тематическое место занято каким-либо другим компонентом, значение пассивное (ii) (Nakulinen 1987:146). Однако следует подчеркнуть, что в зависимости от контекста и предложение (i) может пониматься как пассивное предложение:

- (i) Lauletaan ensin joululaulu.
'Давайте споем сначала рождественскую песню.'
- (ii) Ensin lauletaan joululaulu.
'Сначала будет спета рождественская песня.'

- (246) - Mennään ottamaan ruuqyt, Olli sanoi.
 - Mennään pois. (Tuuri 1983:16)
 - 'Давай выпьем по рюмочке, сказал Олли.'
 - 'Давай.'
- (247) "Lopetetaan tämä. Hella on pahalla tuulella ja me menetämme koko nautinnon yhdessäolosta", sanoi rouva Spindel nousten seisomaan.. (Waltari 1981:37)
 "'Давайте кончим это. Хеллас в плохом настроении, и мы потеряем всю радость совместного общения", сказала госпожа Спиндел, вставая..'

Кроме формы настоящего времени, и форма имперфекта, т.е. простого прошедшего времени пассивной формы глагола, может использоваться вместо императива, например:

- (248) Nyt mentiin kiireesti.
 сейчас пойти-ПасПрет быстро
 'Теперь пошли побыстрее!'

Несмотря на форму прошедшего времени глагола, предложение имеет значение побуждения к действию. Однако с данной формой выражения побуждение становится более интенсивным: действие будто бы уже совершено, хотя производители действия лишь приступают к нему. Кроме глагольной формы прошедшего времени, существенный элемент данного значения составляет наречие **nyt** 'сейчас'. Пассивная форма прошедшего времени, употребляющаяся вместо императива, образуется чаще всего от глаголов, обозначающих начало движения (см. Yli-Vakkuri 1986:168-169). В русском языке в аналогичных ситуациях можно помимо канонической повелительной формы первого лица мн. числа употреблять форму прошедшего времени множественного числа глагола:

- (249) Пошли на обед!

Эта форма прошедшего времени нескольких глаголов движения (пойти, поехать, полететь и др.) усиливает категоричность побуждения и обозначает приглашение немедленно приступить к действию совместно с говорящим (КРГ 1989:278).

В итоге отметим, что широко распространенное вытеснение пассивной формой глагола личной формы первого лица мн. числа первоначально связано с желанием говорящих "мы" избежать личной референции, свойственным финской речевой культуре. Особенно ярко это проявляется в использовании пассивной формы глагола вместо императива первого лица мн. числа, ярко дифференцированного по своему нормативному личному окончанию и ставшего очень малочастотным в разговорной речи.

4.2.4 Дефокусировка "они"

Пассивная форма глагола вместо третьего лица мн. числа употребляется не часто. Эта функция свойственна лишь некоторым северным диалектам финского языка и родственным финскому языкам за пределами Финляндии, т.е. восточным диалектам северной Швеции и особенно карельскому, а также вепсскому языкам среди прибалтийско-финских языков (Pääkkönen 1990:137-138). Использование пассивной формы вместо третьего лица мн. числа в названных прибалтийско-финских языках является, по предположению Савиярви (Savijärvi 1990:171-172), влиянием русского языка, в котором данное лицо без эксплицитно названного подлежащего и неопределенно-личная форма (например, [они] говорят) указывают на неопределенность действующего лица. Именно это, по его мнению, способствовало смешению пассивной формы и третьего лица мн. числа, в частности, и в вепсском языке.

В финской речи пассивная форма глагола употребляется вместо третьего лица мн. числа, если говорящий не желает повторно называть действующее лицо. Рассмотрим следующий пример (ср. несогласование подлежащего и сказуемого в главном предложении в третьем лице мн. числа, что тоже свойственно финской разговорной речи):

- (250) Et ne niinkup päättää sen kumpaa **he** (aviopari ostamassa mattoa - MVA) ottaa ja sittev vasta kun se om päätetty niin sittem mennään mukaan siihe. (JYV M/III 8)

'Они (супружеская пара) решают, какой ковер они возьмут (досл. они возьмет) и только потом, когда они решат, я подойду к ним.'

В этом примере подлежащее-агнс приводится анафорически, и с семантической точки зрения вполне возможно его опущение. Речь идет о дефокусировке деятеля, который контекстуально уже идентифицирован. Если подлежащее-агнс, как отмечает Миеликяйнен (Mielikäinen 1984:168-172, см. также Nirvi 1947, Leskinen 1959), не находится рядом с предикатом или не конкретизируется в контексте, третье лицо мн. числа и пассивная форма глагола имеют эквивалентное, "пассивное" значение, выражая неопределенность деятеля, например:

- (251) Siellä pitäisi tuossa talossa kissoja olla enemmänkin. En tiedä. Hyvin niitä kuitenkin hoidetaan.
заботиться-ПасПрез
Joka päivä käyvät ruokkimassa. (HS 8/89:54)
приходить-3.мн.ч.През
'В этом доме, кажется, кошек насчитывается больше. Не знаю. Хорошо о них, однако, заботятся. Каждый день приходят кормить.'

Производитель действия не конкретизируется, он остается неизвестным, неопределенным: пассивная и личная форма глагола в данном случае взаимозаменяемы, так как в обоих случаях речь идет о тех же самых неназванных действующих лицах. Кангасмаа-Минн (Kangasmaa-Minn 1980:61) находит тонкое функциональное различие между данными формами в том, что в связи с третьим лицом мн. числа более известен круг лиц, из которого действующие лица идентифицируются, т.е. неопределенность, выраженная формой третьего лица мн. числа, более ограничена, чем неопределенность производителей действия при пассиве. На наш взгляд, подобное различие очень трудно установить. Рассмотрим следующие примеры, в которых третье лицо мн. числа совпадает со значением, переданным пассивной формой глагола:

- (252) Äiti hymähti. - Ei ihme, että sanoivat sinua ennen pitäjän kieroimaksi mieheksi. (Skiftesvik 1989:52)
'Мать усмехнулась. - Не удивительно, что тебя называли раньше самым лицемерным человеком этой местности.'
- (253) Tukallaan se veti kuorma-autoa ja hevosenkengät väänsi hampaillaan suoriksi. Sanovat että noin 35000 hevosenkengää se olisi eläissään vääntänyt. (HS 8/89:57)

'Своими волосами он тянул грузовик и подковы зубами выпрямлял. Говорят, что он во время своей жизни выпрямил около 35 тысяч подков.'

В литературном языке здесь была бы предпочтительнее пассивная форма глагола: sanottiin 'называли', sanotaan, puhutaan, 'говорят'. По наблюдениям Юли-Ваккури (Yli-Vakkuri 1986:84), третье лицо мн. числа выступает вместо пассива в основном в таких ситуациях, в которых говорящий реферирует слова других людей.

В следующем примере пассивная форма употребляется как вместо третьего лица (tullaan), так и вместо первого лица мн. числа (pannaan). Лишь общепрагматическое знание ситуации способствует выделению этих функций и выяснению референции имплицитруемых субъектов:

(254a) *Suomalainen oli kova, ja me emme aloittaneet. Kyllä meillä oikeus on. Niinkin hän ajatteli. Ja jos vielä tullaan, niin samalla lailla pannaan kova kovaa vastaan, perkele.* (Linna 1973:6)

'Финны были суровыми, и мы не начали войну. Мы имеем право, он размышлял. Если еще придут, то будем так же сражаться изо всех сил, черт возьми.'

(254b) *.. jos vielä tulevat, niin samalla lailla panemme..*
 .. 'если они еще придут, то будем так же сражаться..'

В русском языке, как уже указывалось, неопределенно-личная конструкция, совпадающая по своей глагольной форме с третьим лицом мн. числа, является эквивалентом рассматриваемому типу финского языка, например:

(255) Ага, орден в Москву вызовут получать, - не выдержал Кузьма. (Распутин 1984:48)

(256) С. Маленький автобус. Притом когда выезжали из Ялты/ там было несколько постов // Только сели / открывается дверь / там / проверяют билеты // Еще несколько... сто метров отъехали / снова открыва- ется дверь/ притом...

Н. прямо слезают / да?

С. Притом в начале / нам пожелали / счастливого пути / мы думаем / к чему бы это? Потом через сто метров стали нас останавливать / и проверять документы // Мы думали / вот они знали / с чем... чего желали (РР 1978:89)

В примере (255) неопределенно-личная форма выполняет функцию пассива, дефокусируя агенс. В примере (256) подчеркнутые формы

глагола могут пониматься как неопределенно-личные со значением неопределенного деятеля, т.е. как пассивные, либо как формы третьего лица мн. числа с эллиптическим подлежащим, тоже приобретающие эквивалентное пассивной форме значение. Однако катафорически введенное подлежащее-местоимение уточняет, что речь идет о третьем лице мн. числа.

4.2.5 Функции частиц 'sitä', 'tässä' при пассиве

В разговорной речи в пассиве употребляются в разных функциях частицы **sitä**, **tässä** 'здесь'⁹², потерявшие свое первоначальное прямое дейктическое значение. Несвойственная письменной речи частица **sitä** может употребляться либо перед глаголом как заполнитель пустого места темы, либо сразу после начального тематического компонента (Накулинен 1975:31). В следующих примерах она представляет собой лишь синтаксический дополнительный элемент в начале предложения, чтобы избежать инициального глагола⁹³:

- (257) **Sitä puhutaan** vaikka mitä.
'Люди всякое говорят.'
- (258) **Sitä ostellaan** kaikenlaisia tavaroita.
'Это люди всякие вещи покупают.'
- (260) "Paljonko on pakkasta? Seitsemäntoista. Huh, ja mikä viima. **Eikös sitä luvattu** lauhtuvaa." (HS 21.1.90:A5)
'Сколько градусов мороза? Семнадцать? И какой ветер. (Ведь) обещали же, что будет теплее.'

⁹² 'Sitä' первоначально представляет собой партитивную форму личного местоимения он, она, оно, 'se'. В данной функции с пассивом местоимение, однако, потеряло свою связь с местоименным значением и служит частицей (см. Vilkuna 1989, Nakulinen 1975). Также о наречии 'tässä', 'täällä' будем в данной функции употреблять термин "частица".

⁹³ В русской разговорной речи частица **это** способна выполнять сходную функцию, хотя и не употребляется в пассивном предложении (ср. перевод примера 258), например:
(i) **Это** он мне говорил, что...

С семантической точки зрения в пассивных предложениях данная частица может подразумевать агенс (или экспериенцер) глубинной структуры, которым является сам говорящий или группа, в которую он входит, например:

(261a) - No, tähän sitä jäätiin. Istutaan nyt autossa, kun kerran saadaan. (Linna 1973:36)

'Вот, здесь мы и остались. Давайте посидим в машине, если уж есть возможность.'

(262a) ..hän ..sai tollasen, työnjohtajan paikan että, mää sano että no, eihän siinä, jos sä muuten, arveelet onnistuvan ni, voijaahan sitä yrittää.. (Jyv M/III 7)

'..он получил место прораба, и я сказал, что ничего, если считаешь, что это удастся, то могу попробовать.'

(263) "Pakko on työ ottaa tosissaan. Kyllähän sitä tietysti naureskeltiin ennen Operettiteatterin lavalle menoa, mutta kun esitys alkaa, sitä ei ajattele..." (HS 11/89:70)

'Надо серьезно относиться к работе. Конечно, я когда-то шутила, перед тем как вышла на сцену Оперного театра, но когда спектакль начинается, уже не думаешь..'

Вместо частицы в данных примерах вполне возможно употребление "я" или "мы". Этот заместитель субъекта и подлежащее-местоимение находятся в дополнительной дистрибуции:

(261b) .. tähän me jäätiin (*tähän me sitä jäätiin)

.. 'здесь мы остались'

(262b) .. voinhan minä yrittää (*voinhan sitä minä..)

.. 'я могу попробовать'

Здесь (в использовании пассивной формы глагола и частицы на указание самого говорящего) мы сталкиваемся снова со стремлением говорящего избежать личной референции. Об избежании прямого названия адресата идет речь в следующих примерах, в которых частица sitä смягчает вопрос (264a, 265a), являющийся без частицы навязчивым (264b, 265b) (Hakulinen 1987:147):

(264a) Mistä kaukaa sitä tullaan?

'Вы издали приехали?'

(264b) Mistä kaukaa tullaan?

- (265a) Miten sitä on jaksettu?
'Как мы себя чувствуем?'
- (265b) Miten on jaksettu?

Кроме этой интерперсональной функции, указывающей на самого говорящего либо адресата, частица **sitä** употребляется при пассиве и для выражения дополнительных прагматических импликаций, толкуемых различным образом в зависимости от контекста (см. Vilkuna 1989). В следующем предложении, во-первых, сообщается о знании говорящим иностранных языков (**sitä**, а также **täällä** указывают на говорящего), и во-вторых, выражение приобретает субъективный оттенок хвастовства. Устранение частиц приводит к неприемлемости предложения (266b), а с опущением прагматической частицы и с перестановкой компонентов предложение становится нейтрально-информативным (266c):

- (266a) Osataan sitä täälläkin vieraita kieliä.
'Знают и здесь иностранные языки.'
- (266b) * Osataan vieraita kieliä.
знать-ПасПрез иностранные языки-Парт
- (266c) Täällä osataan vieraita kieliä.
'Здесь знают иностранные языки.'

Добавление частицы **sitä** может, однако, изменить смысл высказывания коренным образом, сравним:

- (267a) Luokassa tehdään läksyjä.
'В классе делают уроки.'
- (267b) Luokassa **sitä** tehdään läksyjä.
'Это ученики так уроки делают.'

В предложении (267a) передается нейтральная информация о том, что происходит в классе, а высказывание (267b) можно услышать, например, в ситуации, когда говорящий комментирует шум в классе, отнюдь не связанный с приготовлением уроков. Это означает, что кроме синтаксической функции заполнителя пустого места темы, а также семантической функции показателя агенса либо адресата, частица **sitä** способна, в зависимости от контекста и ситуации, придать предложению весьма различные прагматические оттенки значения.

Кроме частицы **sitä**, и дейктический локатив **tässä**, **täällä** 'здесь' может употребляться вместе с пассивом с указанием на самого говорящего, реже на адресата. Рассмотрим примеры:

- (268) - No, uskotaanhan **tässä**... Uskotaan... (Linna 1973:48)
'Ну, верю же я, верю..'
- (269) .. hän..sanoo yhden tanssiharjoituksen olevan rankempaa liikuntaa kuin kymmenen kilometrin marssin. "**Tässä**hän ollaan päkiöillä koko ajan." (HS 8/89:92)
'он говорит, что одна танцевальная репетиция тяжелее, чем марш в десять километров. "Я же все время стою на носочках."
- (270) - No, mitenkä **täällä** jaksetaan tänään?
'Ну, как мы себя сегодня чувствуем?'

В неловкой ситуации (268) говорящий, употребляя дейктический локатив избегает личной референции (*uskonhan minä* 'верю же я'). В примере (269) говорящий может иметь в виду либо лишь самого себя, либо он, что свойственно пассивной форме глагола "быть" в финском языке, обобщает, т.е. в данном случае под **tässä** может подразумеваться "мы", включая и говорящего. Кроме говорящего, **täällä** может указывать и на одного определенного адресата либо на неопределенное количество агентов-адресатов (270).

4.3 Текстовые функции пассива

Выше рассматривалось, как дефокусировка агенса проявляется в ПК русского и финского языков, как формально устраненный агент может идентифицироваться в семантическом и прагматическом плане. Также мы попытались анализировать причины, влияющие на желание говорящего не называть деятеля и тем самым прибегнуть к употреблению ПК. В этом анализе контекст и ситуация учитывались с той точки зрения, насколько они способны идентифицировать либо имплицировать производителя действия, обозначенного пассивной формой глагола.

В настоящем разделе мы остановимся на том, какие последствия влечет за собой устранение агенса для сверхфразового единства, применительно к которому, как уже отмечалось, будем кратко употреблять термин "текст", и, наоборот, встречаются ли в тексте компоненты, которые, чтобы реализовать коммуникативное задание данного высказывания, предполагают дефокусировку деятеля. Такими компонентами могут являться либо объект либо локатив, потребность в выдвигании которых обусловлена чаще всего их смысловой связностью с предыдущим контекстом⁹⁴. Также выдвигаться может предикат в целях привлечения особого внимания к действию. Следует к тому же подчеркнуть, что коммуникативная структура и отдельного предложения-высказывания определяется тем коммуникативным заданием, которое это высказывание выполняет в целом тексте. Поэтому очень важным является установление смысловой связи между актуальным членением отдельных высказываний, формирующих целостный текст. Тексты, в которых выступает бóльшая часть пассивных предложений, характеризуются в семантическом плане тем, что в них сообщается о процессах либо об акциональных действиях, произведенных над объектом имплицированным деятелем. Финские ПК, а также большинство русских ПК, употребляются потому, что

---

⁹⁴ В дальнейшем под терминами "объект" и "локатив" может, кроме семантической функции данных компонентов, подразумеваться и именная группа, обозначающая их.

семантика текста и логичное развертывание информации в нем делают название агенса излишним, т.к. в них речь идет о том, что, где, при каких условиях совершается или было совершено. Иррелевантным является, кем действие было произведено. Деятель, как правило, идентифицируется, если в идентификации есть потребность, контекстуально. Избежание излишнего названия агенса с помощью ПК способствует соблюдению и принципа текстовой экономии.

В составе сверхфразового единства как ПК без АД в русском языке, так и ПК в финском языке имеют весьма сходные задачи, т.е. чаще всего они используются, как обнаруживается из следующей таблицы (5), для переноса в тематическую позицию либо семантического объекта, либо локатива в зависимости от коммуникативного задания данного высказывания в контексте целого.

ТАБЛИЦА 5. Тематический элемент в ПК в русском и финском языках.

	русский яз. %	финский яз. %
объект	46,7	46,9
локатив	35,5	35,4
лок. + объект	1,0	7,4
лок. + лок.	1,8	4,5

Приведенные цифры показывают, что в русском и в финском языках в пассивном предложении объект действия (т.е. в русском языке подлежащее-объект, а в финском языке прямое дополнение-объект) тематизируется чаще, чем локатив⁹⁵. Это, в свою очередь, свидетельствует, во-первых, о том, что и в финском языке, вопреки многим утверждениям (ср. Shore 1986), пассив часто употребляется для

⁹⁵ Подобные результаты показаны в исследовании, которое провели Хакулинен, Карлссон и Вилкуна. По их подсчетам, в финском языке тему пассивных предложений с переходным глаголом составляет объект - в 45% случаев, локатив - в 40%, локатив и объект - в 11%, два или более локативов - в 4% (Hakulinen & Karlsson & Vilkuна 1980:134).

выдвижения объектного компонента, и, во-вторых, что ПК в рассматриваемых языках используется не только для выдвижения объекта, но и очень часто для вынесения локатива в позицию темы. В финском языке количество предложений с тематическим локативом еще больше, если учесть случаи с комплексной темой (всего локативный компонент находится в тематической позиции в 47,3% случаев). Кроме того, в обоих языках имеются ПК с нулевой темой. Это конструкции с инициальным предикатом, обозначающие в целом рему. В русском языке таких пассивных конструкций встречается больше (15%), чем в финском языке (5,8%), в котором даже пассивная форма (непереходного) глагола сама без каких-либо аргументов способна образовать полное предложение. Пассивных предложений с непереходным глаголом, однако, как выше упоминалось, насчитывается мало, лишь 2% всех предложений (Hakulinen & Vilkuna & Karlsson 1980:132). Частотным в финском языке является употребление пассивного предложения с инициальным предикатом в интерперсональной функции, которое, однако, не учитывалось в предыдущих подсчетах, основанных на использовании пассива в письменной речи.

Кроме ПК без АД, в которых вынесение различных компонентов в позицию темы обусловлено контекстом и логической последовательностью отдельных предложений-высказываний, составляющих связный и целостный текст, будем рассматривать, какую роль для теморематической организации текста, т.е. для логического развертывания информации при переходе от одного предложения к другому, играет в русском языке пассивное предложение с конкретным агенсом, обозначенным АД и как его функция выражается в финском языке. Нам представляется, что в русском языке ПК с АД менее значительна для развития тематической прогрессии, чем, например, в английском или шведском языках, так как в нем морфологически дифференцированное выражение членов предложения способно различать подлежащее и дополнение независимо от их позиции в предложении (ср. примеры 195a и 195b, а также Comrie 1981b).

4.3.1 Пассивная конструкция с агентивным дополнением в русском языке

4.3.1.1 Функция агентивного дополнения в конечной позиции

Дефокусированный, но выраженный синтаксически периферийным дополнением (АД) агенс-субъект может занимать различные позиции в пассивном предложении в зависимости от его коммуникативного задания. При нейтральном порядке слов в контекстуально независимой ПК подлежащее-объект занимает начальную позицию, а АД - конечную позицию, например:

(271) Роман "Война и мир" был написан Л.Н. Толстым.

Конечную позицию АД занимает чаще всего и в составе связного текста (по нашим подсчетам, примерно в 80% пассивных предложений с АД научного и газетно-публицистического стилей), в котором, в зависимости от предшествующего высказывания, темой становится имя, обозначающее объект действия. С точки зрения коммуникативной структуры пассивного предложения АД представляет собой ремю, т.е. новую информацию либо часть новой информации. Это отмечает и Гивон, пишущий, что ".agented passive is used mostly when the agent is (at least part of the) new information" (Givón 1979:64). Рематическое АД чаще всего обозначает новую информацию не только на уровне данного пассивного предложения, но и на уровне более широкого контекста. Однако, как показывает следующий пример, АД, занимающее позицию рематического члена предложения, может представлять собой и данное с точки зрения сверхфразового единства. Тем не менее соотношение между темой и ремой в самом пассивном предложении является новым:

(272) При Белом доме.. акредитировано почти две тысячи американских журналистов. Пятьсот из них не эпизодически, а ежедневно заняты освещением всех событий, связанных с деятельностью президента Соединенных Штатов. - Стиль, манера общения американских президентов

изучаются, описываются **прессой**. Телевидение дает возможность.. (ЛГ 15/89:9)

По мнению Шевяковой (1985:95), задачей АД в пассиве, кроме ремовыражения в конце предложения, соответственно является и обеспечение катафорической связи с последующим, т.е. обеспечение последовательной темо-рематической организации сверхфразового единства. Рассмотрим подробнее, как эта задача осуществляется в ПК русского языка.

4.3.1.1.1 Связочное агентивное дополнение

Именная группа, обозначающая субъект-агенса ПК и выраженная АД в качестве ремы, способна, как это вообще свойственно реме в связном тексте, стать темой последующего предложения, обеспечивая последовательную связь со следующим предложением. Интерес при этом представляет тот факт, что агент, который дефокусируется в самом пассивном предложении за счет привлечения внимания адресата к другим компонентам данного высказывания, может фокусироваться в следующем предложении в позиции темы. Рассмотрим примеры:

- (273) Он (Хлебников - MVA) даже и не ставит вопросов об авангарде, довольствуясь общим сочувствием свободе. В этом одна из причин того, что Хлебников был забыт, заслонен Маяковским, сумевшим осознать роль партии В.И. Ленина. **Маяковский** писал, что.. (Кулешов 1989:616)
- (274) Люди, идеологию которых выражал Максимов, поначалу возглавлялись профессором А.К. Тимирязевым и академиком В.Ф. Миткевичем. Они неплохо знали физику прошлого века, но не смогли освоить современную. (НиЖ 11/89:90)
- (275) Что же касается прихода Красной Армии в 1939 году, то он был с радостью воспринят украинским населением. Я помню, что люди приветствовали советских солдат красными и сине-желтыми флагами. (МН 40/89:13)

В предложениях (273) и (274) АД представляет собой часть ремы пассивного предложения, становясь темой последующего предложения (**который сумел, они знали**), а в примере (275), к тому же, темой еще и последующего высказывания (**Маяковский писал**). Приведенные

примеры составляют классический пример катафорической связи рематического АД с последующим высказыванием. Также в примере (275) рематическое АД становится темой последующего высказывания, но уже в виде лексического синонима. В следующем примере лишь часть референта рематического АД образует референт тематического подлежащего-субъекта последующего высказывания, но связность высказываний обеспечивается:

- (276) Основной доклад **был подготовлен комиссией с академиком А.Н. Терениным во главе. Теренин** до того был другом Сыркина и активным сторонником теории резонанса. (НиЖ 11/89:91)

Утверждение о важной роли ПК с АД при установлении связи данного предложения с последующим контекстом, однако, не подтверждается нашим материалом, в котором АД в качестве ремы пассивного предложения очень редко способно обеспечивать эту связь: по нашим подсчетам лишь в 10% всех пассивных предложений с рематическим АД с учетом примеров из научного (в котором таких случаев немного больше - 12,5%) и газетно-публицистического стилей⁹⁶. Это очень мало, если вспомнить, что вообще ПК с АД в русском языке нечастотна.

4.3.1.1.2 Несвязочное агентивное дополнение

По сравнению с пассивными предложениями, в которых АД служит обеспечению темо-рематической прогрессии, для русского языка более типичны (ок. 90% ПК с рематическим АД) предложения, в которых оно составляет рему или ее часть, но не является связочным элементом со следующим предложением, например:

---

⁹⁶ К подобному выводу пришли и Болкенштейн и Рисселада (Bolkenstein & Risselada 1987:505-506), по подсчетам которых в английском языке АД в конечной позиции коррелирует с темой последующего предложения лишь в 14% пассивных предложений с АД.

- (277a) В Москве прошел первый форум шести европейских периодических изданий.. Он был открыт 5 июня в Москве **председателем правления АПН Альбертом Власовым**. Два дня заседания были посвящены проблеме..(МН 24/89:9)

АД в качестве компонента новой информации вводится в конечной позиции предложения. Общее коммуникативное задание данного сверхфразового единства заключается в сообщении информации о "форуме", развивающемся и в предложении, следующем за пассивным. Пассивное предложение с выдвиганием объектного компонента в тематическую позицию гарантирует непрерывность логической последовательности высказываний текста, объединенных одной главной темой события. Информация о дефокусированном агенсе составляет новую информацию лишь на уровне данного высказывания. Это означает, что кореферентная с обозначением агенса именная группа не становится темой последующего высказывания, а его коммуникативная задача ограничена рамками пассивного предложения. Если вместо ПК использовать активный коррелят с подлежащим-агеном с тем же порядком составляющих, то тем самым вводится новая подтема события с целью акцентировать председателя:

- (277b) ..Его открыл **председатель..Власов**.

Агнс-подлежащее, выраженное в конце предложения именительным падежом в качестве подлежащего, акцентируется больше чем объект-дополнение, и он прерывает тем самым гипертему сверхфразового единства. Подобное явление наблюдается и в следующем примере:

- (278a) Виктора Владимировича Хлебникова на многие годы забыли, почти совсем его не переиздавали, о нем не писали, хотя он непременно упоминался критиками и учеными, как только заходила речь о футуризме. А между тем, именно Хлебникова и следует считать одним из ранних ярких основоположников русского футуризма. (Кулешов 1989:612)

Если заменим пассив активом (278b), то подлежащее-агнс **критики и ученые** в качестве ремы приобретает слишком большую акцентировку с точки зрения коммуникативного задания данного высказывания на фоне контекста. Сравним:

(278b) ..его упоминали **критики и ученые...**

Доминирующая коммуникативная задача данного текста состоит в описании ситуации с указанием на характеристику объекта; использование же активной конструкции с фокусированным агенсом-подлежащим эту задачу затрудняет. В примере (278a) в качестве главной темы выступает сообщение о Хлебникове, а если вводим подлежащее-агенса (278b), то предполагается скорее всего продолжение информации о нем, т.е. о критиках и ученых. Подлежащее-агенса, находящийся в конце высказывания, начинает новую подтему текста, но проблема заключается в том, что в последующем предложении нашего примера далее развивается "старая" тема данного сверхфразового единства. На основе этого можно прийти к выводу, что задача АД в конце предложения весьма часто состоит в том, чтобы закончить мысль, а соответствующий номинатив в активе скорее всего сообщает о начинающейся новой мысли (ср. Girke & Weiss 1980:224). Это конкретно подтверждается и следующим примером, в котором пассивное предложение с АД находится в абсолютном конце текста (см. также примеры 282a, 283):

(279a) Его (Тараса Шевченко - MVA) произведения - стихи, поэмы, повести - переведены на многие языки. Некоторые из них положены на музыку **такими выдающимися композиторами**, как Петр Чайковский, Сергей Рахманинов, Модест Мусоргский. (Путешествие 6/89:33)

Выбор ПК мотивируется общим коммуникативным заданием текста, т.е. тем обстоятельством, что уже в предыдущем предложении коммуникативной целью является сообщение о произведениях Шевченко, развивающееся в последующем пассивном предложении. Сообщение же информации о деятеле при этом играет маловажную, периферийную роль, и он поддается дефокусировке. Также в следующем примере употребление ПК с выражением действующего лица агентивным дополнением обусловлено доминирующим коммуникативным заданием текста. В нем АД входит в комплексную рему, в которой центром является временной компонент, становящийся темой следующего высказывания:

(280) Каждый день над Красной площадью Москвы раздается звон колоколов кремлевских курантов. "Хранительница" их -

Спасская башня, самая величественная в Московском Кремле. Башня была построена при участии итальянского архитектора Пьетро Антонио Солари в 1491 году и перестроена русским зодчим Баженом Огурцовым и английским мастером Христофором Галовеем в первой половине XVII века. Тогда же были созданы первые большие куранты.. (Путешествие 6/89:33)

Коммуникативная задача этого сверхфразового единства состоит в сообщении о судьбе курантов и башни, лексические выражения которых гарантируют тематическую прогрессию, а также в сообщении о действиях, произведенных над объектом в названное время.

Пассивное предложение с АД в нейтральной рематической позиции может приобретать и констатирующий характер. Это проявляется четко в следующем примере, в котором самым существенным становится констатация факта действия, например:

(281) Но когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например от ишемии, то оказывалось, что у них в легких - это зафиксировано белорусским профессором Е. Петряевым - в огромном количестве так называемые горячие частицы. (МН 42/89:8)

В примере (281) в ПК акцентируется лишь значение факта произведенного действия. Так как она образует вводную конструкцию, не предполагающую продолжения, то естественно, что рематичность АД ограничивается самой пассивной конструкцией. Оттенок констатации факта действия без акцентированного внимания на его производителя характерен для употребления пассива в официально-деловом стиле (именно в этом стиле встречается больше всего ПК с АД, т.е. 18,9%), и в особенности в области правовых отношений, в которой коммуникативное задание состоит в констатации, утверждении каких-либо фактов. Этому стилю свойственна своего рода обезличенность изложения, неличный характер речи. Поэтому, если нужно выразить производителя действия, употребляется скорее всего ПК, способная отодвигать его на второй план, например:

(282a) Контроль за реализацией настоящего Закона осуществляется Советами народных депутатов и соответствующими государственными органами. (конец текста - МВА) (Известия 2.5.91:2)

- (283) Решение (закон или иное решение), принятое путем референдума СССР, публикуется Президиумом Верховного Совета СССР в семидневный срок со дня официального уведомления о его итогах. (конец текста - MVA) (Известия 28.12. 90:2)

Как показывает анализ, в большинстве рассмотренных нами примеров пассивная конструкция с рематическим АД употребляется для того, чтобы отодвинуть агенс в сторону, и, как следствие этого, гарантировать цельность и связность текста, в котором другие элементы играют более важную роль с точки зрения плавного развития доминирующего коммуникативного задания текста. Мы заметили, что функция АД, занимающего нейтральную конечную позицию, чаще всего ограничена лишь его рематичностью в данном пассивном предложении. Его периферийная роль при построении связности текста проявляется в том, что оно лишь в очень редких случаях способно стать связочным элементом со следующим высказыванием. Также мы заметили, что ПК с рематическим АД и ее активный коррелят не взаимозаменяемы с точки зрения сохранения доминирующей коммуникативной задачи данного текста, и, следовательно, с точки зрения логической акцентировки компонентов высказывания на фоне целого.

4.3.1.2 **Функция агентивного дополнения в инициальной позиции**

4.3.1.2.1 **Агентивное дополнение - тема-данное**

Порядок компонентов подлежащее - сказуемое - АД представляет собой канонический, нейтральный порядок слов в ПК, в которой подлежащее обозначает тему, а АД - рему или ее часть, чаще всего новую информацию. Тем не менее в русском языке АД способно выступать и в инициальной, тематической позиции, выражая данную, упомянутую в предыдущем контексте, информацию, например:

- (284) За прошедший год в Москве выявлены десятки криминальных молодежных группировок: количество подростков, участвовавших в разбойных нападениях, возросло на 50% по сравнению с 1987 годом: в отделения милиции были доставлены около 35.000 подростков. Милицией пресечено более 40 массовых драк враждующих группировок. (МН 24/89:10)

Информация, передаваемая АД, не новая, так как обозначающее его имя кореферентно с именной группой, введенной в предыдущем предложении (отделение милиции). Но, поскольку доминирующим коммуникативным заданием данного сверхфразового единства является сообщение о действиях молодежных группировок, а не милиции, этот деятель (т.е. милиция) выражается творительным падежом с помощью ПК, чтобы не включить новую микротему в текст: в предложении, предшествующем пассивному (284) констатируется факт действия, произведенный над объектом, и это образует коммуникативное задание и последующего пассивного предложения, в котором в центре внимания находится констатация действия, а не его производитель. Если вместо пассива прибегаем к АК, главное внимание фокусируется на производителе действия и он представляется более активным, чем при выражении АД (см. Адамец 1978:13-14). В этом заметно тонкое семантико-прагматическое различие в тематизации между АД при пассиве и подлежащим-агентом активного коррелята. Рассмотрим аналогичные приведенному примеру случаи:

- (285a) Есть ли у этой не всегда простой поэзии свой читатель? А среди поэтов - властители дум молодых? Вопрос не простой. Молодыми поэтами создано немало хороших стихов, но выделиться кому-либо из авторов, пожалуй, пока не удалось. Молодых читает преимущественно молодежь. А ей нужны особые.. (ЛГ 15/89:4)
- (286) Чем, например, объяснить тот факт, что американские исследователи из МТИ и Калтеха без особых хлопот получили 60 миллионов долларов на свою программу? А сейчас американскими физиками обсуждается проект уже не наземного, а космического лазерного интерферометра,.. (НиЖ 8/89:20)

Следует, однако, отметить, что подобные ПК очень малоупотребительны в русском языке. Они используются в основном в научном и официально-деловом стилях, которым вообще свойственно стремление к обезличенности выражения ради подчеркивания излагаемых фактов.

Следующие примеры представляют собой типичное использование ПК с АД в административно-правовых документах, которым, как выше упоминалось, кроме акцентированной констатации действия, свойствен своего рода неличный характер изложения, обнаруживающий себя и в том, что деятель весьма часто выражается существительным, обозначающим совокупное единство, типа государство, правительство и т.п., например:

- (287а) Академия технологических наук РСФСР имеет региональные отделения: Тихо-океанское.. Академией издаются собственные международные и российские научные журналы:.. (Известия 23.9.91:6)
- (288) Об общих началах государственной молодежной политики в СССР. Раздел II. Статья 7... Государством устанавливается система социальных норм и нормативов, закрепляющих гарантированный уровень получения молодыми гражданами указанных услуг. (Известия 2.5.1991:2)

Характерное для употребления пассива с АД стремление к дефокусировке агенса ради бессубъектности изложения выражается весьма конкретно в следующем примере, в котором АД обозначено местоимением, являющимся "данным" по своему лексическому значению:

- (289а) В связи с тем, что Вы в беседе с заместителем министра иностранных дел Я.А. Маликом от 12 июня сего года затронули вопрос о местонахождении Рауля Валленберга, мною были наведены справки в соответствующих компетентных органах. В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет, и он нам неизвестен. (МН 42/89:4)

Активный коррелят с обозначением производителя действия в качестве подлежащего допустим, сравним:

- (289b) .. я навел справки..

В (289а), однако, стилистическая окраска и содержание изложения предполагают "скромность", т.е. неподчеркнутое называние самого себя в качестве производителя действия (ср. *passivum modestiae*), и в силу этого происходит дефокусировка говорящего.

4.3.1.2.2 Агентивное дополнение - тема-новое

Кроме обозначения темы-данного, агентивное дополнение может занимать начальную позицию и в значении темы-нового, не имеющей кореферентного имени в предшествующем предложении. Это явление встречается в начале повествования, главы, абзаца, в которых АД вводится в качестве отправной точки сообщения. Рассмотрим примеры:

- (290a) **Юрием Афанасьевым** была брошена шокировавшая многих фраза о "сталинско-брежневском" характере нового, избранного съездом Верховного Совета. Он сказал, что думал. Съездовская трибуна сегодня дает такую возможность не только Ю. Афанасьеву, а всем депутатам. (МН 24/89:7)
- (291a) В июне 1991 г. **Министерством юстиции СССР** по инициативе АТН РСФСР зарегистрирована первая в мире Международная академия технологических наук. Ее учредителями, кроме..., являются.. (Известия 23.9. 91:6)
- (292a) В Болгарии **десятью независимыми обществами и организациями** создан Союз демократических сил. Председателем координационного союза избран 54-летний доктор.. (МН 51/89:2)

Во всех приведенных примерах АД занимает позицию темы, но не в обозначении данного, предопределяющегося контекстом, а как новое, образующее при этом исходную точку сообщения. При употреблении АК вместо ПК с инициальным АД, фокусируется производитель действия в качестве подлежащего в большей степени, чем объект-дополнение, входящий в состав ремы. Сравним:

- (290b) Юрий Афанасьев бросил фразу...
- (291b) Министерство зарегистрировало первую.. академию
- (292b) Десять независимых обществ и организаций создали Союз..

В активных коррелятах (b) подлежащее-агенса, как и АД вариантах группы (a), дается как исходный пункт сообщения, не упомянутый раньше. Как пассивные, так и активные предложения выполняют одно и то же коммуникативное задание, состоящее в сообщении о действии, произведенном агенсом. Функционально-прагматическое различие между этими конструкциями (как и в предыдущем разделе относительно АД в качестве темы-данного) сводится к минимуму,

заклячаясь в том, что в активном варианте акцентируется в большей степени активный агенс-подлежащее, производящее действие и занимающее позицию темы, а в пассивном предложении - рематический объект, поддающийся действию. Как следствие этого, употребление пассива с АД в качестве темы-нового предоставляет говорящему возможность в определенном стилистическом окружении придерживаться обезличенности изложения.

Как общий вывод раздела о тематическом АД можно констатировать, что АД, находясь в начальной позиции высказывания, представляет собой либо данное на основе контекста, либо новое в качестве отправной точки сообщения. Хотя с точки зрения общего денотативного значения вместо данных пассивных предложений допустимо и употребление АК, говорящий, прибегая к ПК с дефокусировкой агенса, способен в большей степени акцентировать рематический объект. Следует все же отметить, что подобные ПК и в особенности конструкции, в которых АД выполняет функцию темы-нового, очень малоупотребительны даже в научном и официально-деловом стилях.

4.3.1.3 Пассив в русском языке - актив в финском языке

Финский язык, как выше неоднократно отмечалось, не располагает пассивной конструкцией с "агентивным дополнением". В функции пассивного предложения с АД русского языка в связном тексте финский язык использует активную конструкцию с различными вариантами порядка слов (см. 4.1.6), дополняя его в устной речи интонацией и акцентными средствами. Если в нейтральном бесконтекстном предложении порядок слов следует схеме SVC (исключением является, в частности, пассивное предложение, в которой вообще нет подлежащего), то порядок компонентов высказывания в окружении контекста, в свою очередь, определяется коммуникативным заданием данного высказывания на фоне целого: в начало предложения помещается компонент, данный на основе контекста, а в конце - новое в сообщении (см. Hakulinen 1975, Holman 1975, Vilkuна 1989, Bátori 1977,

1978). Рассмотрим финские эквиваленты некоторых приведенных русских пассивных предложений с АД:

- (277c) Moskovassa pidettiin kuuden eurooppalaisen aika-kausjulkaisun ensimmäinen yhteiskokous... Sen avasi 5. heinäkuuta APN:n hallituksen puheenjohtaja Albert Vlasov. Kahtena kokouspäivänä käsiteltiin ongelmaa.
'..Его открыл 5 июля ..председатель правления АПН Альберт Власов.'
- (279b) Hänen teoksiaan - runoja, runoelmia, kertomuksia - on käännetty monille kielille. Joihinkin niistä ovat tehneet musiikin sellaiset kuuluisat säveltäjät, kuten Tsaikovski, Rahmaninov..
'..Некоторые из них положили на музыку такие выдающиеся композиторы, как..'
- (282b) Nykyisen lain toimeenpanoa kontrolloivat Kansanedustajien neuvosto ja vastaavat valtiolliset elimet.
'Реализацию настоящего закона контролируют Совет народных депутатов и соответствующие государственные органы'

В данных эквивалентах пассивным предложениям с АД русского языка соответствуют в финском языке АК с подлежащим-агенсом. В них то же коммуникативное задание выражается с помощью порядка слов: в начальную позицию темы переносится текстуально связанный объект, а в конце находится рематический агенс-подлежащее, на котором падает фразовое ударение. Перенос без нарушения смысла предложения обеспечен яркой морфологической дифференциацией подлежащего и дополнения. На этом основывается в финском языке т.наз. "свободный" порядок слов, который в самом деле не свободен, а коммуникативно обусловлен.

Несмотря на способность активного предложения в финском языке "замещать" коммуникативную функцию русского пассивного предложения с рематическим АД, оно не способно выразить тот стилистический оттенок неакцентуации деятеля, обезличенности изложения, которые передаются в русских пассивных предложениях. То же самое касается и русских предложений с инициальным АД. Сравним их финские эквиваленты:

- (286b) ..Nuoret runoilijat ovat luoneet paljon hyviä runoja..
'..Молодые поэты создали немало хороших стихов..'

- (287b) .. Akatemia julkaisee omia.. tieteellisiä lehtiä
 ..'Академия издает свои .. научные журналы'
- (292c) Bulgariassa kymmenen riippumatonta seuraa ja järjestöä perusti
 Demokraattisten voimien liiton.
 'В Болгарии десять независимых обществ и организаций
 основали Союз демократических сил.'

Хотя приведенные пассивные предложения с инициальным АД, как выше отмечалось, весьма нечастотны в русском языке, тем не менее, выраженный ими оттенок неакцентуации деятеля остается в финском языке, так же как и в соответствующих активных предложениях русского языка, педифферепцированным.

4.3.2 Русская пассивная конструкция без агентивного дополнения и финская пассивная конструкция

4.3.2.1 Тематический элемент в абсолютном начале

Начальным предложениям сверхфразовых единств (повествования, главы, абзаца), не связанных по смыслу с предыдущими, свойственна контекстуальная независимость. В таких предложениях при нейтральном порядке слов в русском языке позицию темы в синтаксическом отношении занимает подлежащее либо обстоятельство, составляющее немаркированный исходный пункт сообщения. Это характерно и для русских пассивных предложений, в которых в тематическую позицию в абсолютном начале текста переносится либо подлежащее-объект либо локативный распространитель, чаще всего именно последний. В финском языке, избегающем инициального глагола в бесподлежащем предложении, в пассивном предложении какой-нибудь другой элемент (в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего) занимает предглагольное место, и, следовательно, в контекстуально независимом пассивном предложении темой становится дополнение-объект или локативный компонент. Вилькуна отмечает: "A frequent unmarked T for passive is the object, but any

other suitable participant is possible, including a locative much like the locative T with environmental predicates." (Vilkuna 1989: 49)⁹⁷. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет не о промоции дополнения подобно русскому языку, а лишь о переносе именной группы с одной позиции после глагола в другую, предглагольную позицию в предложении, т.е. происходит компенсационная тематизация одного из послеглагольных составляющих (Hakulinen & Karlsson 1989: 303)⁹⁸.

4.3.2.1.1 Объект

В зависимости от коммуникативной задачи говорящий в своем сообщении подчеркивает тот аспект содержания, который является важным, существенным в данной ситуации. При выборе ПК самым основным становится сообщение не о производителе действия, а о каком-либо другом компоненте, в частности, об объекте действия. Сравним следующие бесконтекстные предложения русского языка, а также эквивалент примера (295) на финском языке (296):

- (293) Ломоносов основал Московский университет.
 (294) Московский университет был основан Ломоносовым.
 (295) Московский университет был основан в 1755 году.
 (296) Moskovan yliopisto perustettiin vuonna 1955.

В первом, активном, предложении (293) коммуникативной задачей говорящего является сообщение о том, что сделало лицо, являющееся подлежащим-субъектом, между тем как в следующих трех пассивных

---

⁹⁷ T = "The function of a constituent, normally a NP, that immediately precedes the finite verb in a textually neutral sentence" (Vilkuna 1989:8).

⁹⁸ Кроме этих типов, имеются и пассивные предложения без именной темы, в частности, образованные от непереходных глаголов (i), хотя и они чаще всего выступают с локативным компонентом, занимающим в бесконтекстном предложении место темы (ii):

- (i) Riideltiin.
'Ссорились.'
 (ii) Talossa riideltiin.
'В доме ссорились.'

предложениях сообщается об объекте действия - о Московском университете, представляющем собой исходный пункт сообщения и немаркированную тему. В контекстуально независимых предложениях позиция компонентов не диктуется условиями предшествующего контекста и поэтому не существенно, заключено ли в тематическом элементе новое или данное. Рассмотрим следующие примеры:

- (297) **Нынешний год был объявлен** годом Мусоргского (1839-1881). Великий русский композитор, автор опер., родился в селе Кареве, .. (Путешествие 6/89:33)
- (298) **Секретные военные документы**, которые могли содержать информацию об использовании развернутых в Персидском заливе британских вооруженных сил, **были украдены** в Лондоне, но затем быстро **обнаружены**. (Известия 30.12.90:5)

В данных случаях ПК начинает текст и объект действия, занимающий начальную подлежащую позицию, дается как опорная точка для сообщения дальнейшей актуальной информации. Рассмотрим подобные финские примеры:

- (299) **Naiskirjailijoita on käsitelty** suomalaisessa kirjallisuuden historiassa runsaastikin. On esitelty heidän teoksiaan, kerrottu heidän elämästään,.. (T 8/89:60)
'Женщины-писатели обсуждались в истории финской литературы довольно широко. Представлены их произведения, составлены их автобиографии..'
- (300) **Jukka Linkolaa pidetään** jazzmiehenä, joka tekee silloin tällöin muutakin musiikkia. (HS 8/89:76)
'Юкка Линкола считается джаз-музыкантом, который время от времени сочиняет и другую музыку.'

По сравнению с русским языком, в котором инициальную позицию занимает подлежащее-объект, соответствуя нейтральному порядку синтаксических членов предложения, в финских примерах в данную позицию переносятся дополнения-объекты **naiskirjailijoita** и **Jukka Linkolaa**, представляющие собой в приведенных контекстуально независимых предложениях (они начинают текст) компенсационно вынесенную в подлежащую позицию, немаркированную тему. В семантическом плане в обоих языках, что существенно для данного раздела, в котором сопоставляются функции пассива в связном тексте (о соотношении АЧ и семантической структуры см. Адамец 1974:189-195), выносится объект действия, образующий исходный пункт сообще-

ния говорящего. Надо, однако, констатировать, что как в русском, так и в финском языках нами было найдено небольшое количество ПК, находящихся в абсолютном начале текста с объектным компонентом в позиции темы. В подавляющем большинстве случаев его тематизация контекстуально обусловлена.

4.3.2.1.2 Локатив

По сравнению с объектом, позицию темы в контекстуально независимом пассивном предложении немного чаще занимает обстоятельственный детерминант, чаще всего с локативным или темпоральным значением (Krylova & Khavronina 1976:25), который мы в данном исследовании называем локативом⁹⁹. Локатив, находясь в начале высказывания, составляет, согласно интенциям говорящего, исходный пункт сообщения: целью говорящего является сообщение о том, что́ или какое событие происходит в данных условиях, в данное время и т.п.¹⁰⁰ Рассмотрим примеры финского языка, в которых локатив, вынесенный в позицию темы, создает исходный пункт сообщения, вводящий в ход повествования событий:

- (301) **Kalifornian osavaltiossa myydään** noin 11 prosenttia Yhdysvaltojen koulukirjoista. Kustantaja kiinnostaakin kovasti.. (T 8/89:44)
'В штате Калифорния продается около 11 процентов учебников США. Издатели очень заинтересованы.'
- (302) **Suomessa hoetaan** mielellään, että täällä on korkea koulutustaso. Onko näin? (Akava 3/90:32)

---

⁹⁹ В данном исследовании под локативом при анализе текстовой функции пассива понимаются кроме обозначения различных обстоятельств (обстоятельства места, времени, причины и т.п.) и косвенные дополнения.

¹⁰⁰ Адамец (1966:21-22, см. также Eroms 1986:87, Sgall 1974: 56) употребляет термин "ситуационная кулиса", говоря об обстоятельстве в позиции темы, но добавляет, что нелегко различать, когда в связи с начальным локативом речь идет о теме, и в каком случае следует говорить о ситуационной кулисе предложения, так как тематический характер обстоятельственного компонента ослаблен.

'В Финляндии любят часто повторять, что здесь высокий уровень образования. Правда ли это?'

- (303) **Tämän vuoden maaliskuussa juhlittiin** Namibiassa näyttävästi vuoden vanhaa itsenäisyyttä. (OP 26/91:18)

'В марте сего года в Намибии широко отмечали первую годовщину независимости.'

Подобное явление характерно и для русского языка: в начальных предложениях сверхфразовых единств или в изолированных, не связанных с предыдущим контекстом по смыслу предложениях, которым свойственна автосемантическая локатив может занимать место темы (ср. РГ 1980 II:197-198). Локатив дается как исходный пункт, и цель высказывания состоит в сообщении того, что происходит в данных обстоятельствах, например:

- (304) **В Москве** впервые сыгран спектакль "Под Вифлеемской звездой" - версия рождения Иисуса Христа. Действующие лица - Мария,.. (МН 52/89:15)

- (305) **На заседании** президиума Советского фонда культуры под председательством академика Д.С. Лихачева была обсуждена судьба мемориального дома К.И. Чуковского в подмосковном писательском поселке Переделкино. Фактически музей писателя здесь действует давно,.. (ЛГ 15/89:7)

Хавроница и Крылова (1989:30) подчеркивают, что в русском языке в подобном случае локативная именная группа является темой, а остальная часть нерасчлененной ремой, нерасчлененным высказыванием. Иногда в абсолютном начале текста могут находиться два локатива или даже больше двух, служащих отправной точкой для передачи актуальной информации, например:

- (306) **Viime vuonna Jyväskylässä järjestettiin** lingvistien kansainvälinen seminaari.

'В прошлом году в Ювяскюля был организован международный семинар лингвистов'

- (307) **За прошедший год в Москве выявлены** десятки криминальных молодежных группировок.: количество подростков, участвовавших в разбойных нападениях, возросло на 50 процентов по сравнению с 1987 годом:.. (МН 24/89:10)

- (308) **Ночью четвертого апреля нынешнего года в 7-е отделение милиции г. Москвы из служебного помещения Совета по делам религии при Совете Министров СССР в нетрезвом состоянии были доставлены** заведующий отделом совета Н.

Мухин и запеститель председателя совета Е. Милованов.
Последний оказался .. (МН 7.7.91:4)

При независимости высказывания от предыдущего контекста, темпоральный компонент, локализирующий событие во времени, чаще всего предшествует локальному, а он причинному (см. Хавронина и Крылова 1989:31). Если подобное предложение помещается в окружении контекста, то в самую начальную позицию выносится тот компонент, который более связан с предыдущим контекстом.

4.3.2.2 Тематический элемент в связном тексте

4.3.2.2.1 Объект

В связном тексте выбор пассивной конструкции и порядка ее компонентов обусловлен ее коммуникативной задачей и особенно коммуникативной структурой предшествующего предложения, диктующего коммуникативное задание, актуальное членение и порядок слов последующего. Вытеснение одного из компонентов на место темы означает более тесную смысловую связь этого компонента с предшествующим контекстом. В пассивном предложении таким компонентом весьма часто как в русском, так и в финском языках является именно объект (см. Таблицу 5, стр. 202). Он выдвигается, так как он включает в себе данную, известную адресату информацию: кореферентная ему именная группа либо приводится в предыдущем предложении, либо он логически вытекает из смысла предшествующего предложения, либо он прагматически предполагается. Его выдвижение способствует логичному разворачиванию информации, плавности изложения, его когерентности. При этом следует отметить, что в финском языке компенсационная тематизация объекта в большинстве случаев связана с текстовой тематизацией, и, значит, вынесенный в предглагольную позицию объект, заполнитель места подлежащего, исполняет и текстосвязующую роль: он выносится именно потому, что он в смысловом плане более, чем остальные

компоненты, связан с предыдущим контекстом (см. Hakulinen & Karlsson & Vilkuна 1980).

Выше, в связи с анализом роли синтаксически выраженного агенса в коммуникативной структуре высказывания, уже отмечалось, что в пассивных предложениях с АД за счет отстранения агенса коммуникативной целью становится сообщение об объекте действия. Эта частная задача нередко образует общую цель и более широкого сверхфразового единства. Рассмотрим сначала русские примеры, в которых производитель действия, выраженный АД, остается в стороне, а объект, в силу его кореферентности с ранее введенной именной группой, выносится в позицию темы:

- (309) В Москве прошел **первый форум** шести европейских периодических изданий.. Он был открыт 5 июня в Москве председателем правления АПН Альбертом Власовым. **Два дня заседания были посвящены** проблеме... (МН 11.7. 89:10)
- (310) До съезда существовали две **точки зрения** на его процедуру. **Первая** наиболее последовательно разрабатывалась московской группой и подразумевала практически конструирование съезда как парламента. **Вторая** готовилась от имени Президиума бывшего Верховного Совета. (МН 11.7.89:7)

Выдвижение объекта в приведенных пассивных предложениях в тематическую позицию обусловлено его смысловой связью с предшествующим предложением, в котором референт объекта упомянут в качестве рематического компонента. Главное коммуникативное задание первых пассивных предложений заключается в передаче информации о "форуме" (309) и о "двух точках зрения" (310), развивающейся и в последующем предложении, объединенном с предыдущим предложением посредством кореферентного имени в позиции тематического объекта. Также в следующем примере финского языка объект вынесен в позицию темы, так как его референт упомянут в предыдущем контексте, и, таким образом, его вынесение служит сохранению связности и плавности изложения:

- (311) Nyt on muotia pukeutua Soviet-**farkkuasuun**. **Farkkuja** ei kylläkään myydä Moskovassa Punaista toria vastapäätä olevassa Valtion tavaratalossa, Leningradin prospektilla tai edes valuuttamyymälöissä. (M&K 9/89:26)

'Сейчас модно одеваться в джинсовый костюм "Совет". Джинсы, правда, не продаются в ГУМе, напротив Красной площади в Москве, или на Ленинградском проспекте, или даже валютных магазинах.'

Как видно из предыдущих примеров, объектный компонент пассивного предложения тематизируется, когда его референт является данным. Это означает, что кореферентное с ним имя прямо или опосредованно вводится ранее. Эта связь как в русском, так и в финском языках осуществляется различными средствами, в частности, лексическим повтором, синонимом, перифразой, анафорой, эллипсисом. В следующих примерах кореферентность имен выражается лексическим повтором:

- (312) Вот, например, внесение на второй съезд **вопроса** о Комитете конституционного надзора. **Этот вопрос** был явно внесен сверху, и совершенно ясно, что ни к чему иному, кроме ненужной напряженности на съезде, **он** не мог привести. (МН 52/89:4)
- (313) Ranskalaiset myöntävät kuitenkin, että **hävittäjäkoneen** käyttäytyminen arktisissa oloissa halutaan selvittää, koska **konetta** myytäisiin mielellään myös pohjoisiin maihin. (KSML 16.2.90:6)
'Французы, однако, признают, что они хотят выяснить поведение истребителя в арктических условиях, поскольку они желали бы продать истребитель и в северные страны.'

Именные группы **этот вопрос** и **konetta**, обозначающие объекты пассивных предложений, представляют собой естественные темы, т.к. они кореферентны с именами, введенными в предыдущем предложении. Здесь, как и в примерах выше, речь идет о последовательности развертывания информации и общей коммуникативной задачей говорящего является сообщение о "вопросе" и об "истребителе".

Кроме лексического повтора, как в русском, так и в финском языках, кореферентность связного объектного компонента с предшествующим именем весьма часто устанавливается при помощи анафорического местоимения (см. также пример 309):

- (314) Виктора Владимировича **Хлебникова** на многие годы забыли, почти совсем его не переиздавали, о нем не писали,

хотя он непременно упоминался критиками и учеными, как только заходила речь о футуризме... (Кулешов 1989:612)

(315) Его произведения - стихи, поэмы, повести - переведены на многие языки. Некоторые из них положены на музыку такими выдающимися композиторами, как.. (Путешествие 6/89:33)

(316) Paperit ovat joskus olleet yhteensidottuina, nyt sikinsokin, ilman päätä ja häntää. Niitä ei ole numeroitu. Onko siinä jokin tarina? (Kauranen 1987:73)

'Бумаги когда-то были скреплены, но сейчас они в беспорядке. Они не пронумерованы. В них есть какая-нибудь история?'

(317) Macintosh on erilainen tietokone. Se on tehty ihmisen ehdoilla. (OP 6/90:3)

'Макинтош - компьютер другого типа. Он создан для человека.'

Анафорическое местоимение в обозначении объекта и связного тематического элемента позволяет избежать мешающего повтора. Оно может, само собой разумеется, в сложных предложениях быть опущено, например:

(318) Есть много вопросов и по самой организации заседаний Съезда, которые сейчас кажутся всем однозначными и элементарными. Но простыми они казались только потому, что Ø решались в Административной системе. (Огонек 18/89:4)

(319) Aila käskettiin toiseen päähän rakennusta, sanottiin vain että "Kartongs machen" ja Ø vietiin koneen luo. (Oksanen 1976:122)

'Айле велели идти в другой конец здания, сказали только, что "Kartongs machen" и подвели к машине.'

Объектный компонент может представлять собой в пассиве и обязательный связующий элемент, занимая в качестве относительного местоимения обязательное инициальное место ПК, например:

(320) Superlaajoja kuvia varten on suunniteltu kaksi erikoiskameraa, jotka on rakennettu kotimaassa. (T8/89:45)

'Для сверхшироких фотографий запланированы два специальных фотоаппарата, которые созданы на родине.'

(321) При археологических раскопках в Египте и Двуречье найдены остатки пивоварен и хлебопекарен, которые были построены около 6000 лет назад. (НиЖ 11/89:67)

Вынесенный в предглагольную позицию тематический объектный компонент может представлять собой перифразу или лексический синоним с ранее введенной именной группой, к которой он отсылает¹⁰¹. Рассмотрим примеры:

- (322) .. **kirjan** aineisto pohjautuu tieteellisiin tutkimuksiin ja teksti on punnittua. Kuitenkin **teos on kirjoitettu** kaikelle kansalle; liika tieteellisyys on jätetty pois. (Т 8/89:62)
'..материал книги основывается на научных исследованиях и текст продуман. Однако произведение написано для всех, излишняя научность отброшена.'
- (323) Valtion **koulutuspolitiikka** on ollut kovin ristiriitaista. **Koulutusta ja tutkimusta on** aivan oikein **tuettu** määrärahojen avulla. (Akava 3/90:11)
'Государственная политика по вопросам образования противоречива. Обучение и исследовательская работа, как и положено, получают финансовую поддержку.'
- (324) Но вот передо мной **резолуция XXIV** областной партийной конференции, состоявшейся в январе этого года, "О мерах по дальнейшему развитию рыбного хозяйства области". **Документ** в полном смысле **выстрадан** делегатами, уникальность его очевидна -..(Огонек 18/ 89:1)
- (325) На ночь **часы не заводились**. **Куранты** на Спасской башне неоднократно **заменялись**. **Нынешние установлены** с использованием старых деталей в 1851-1852 годах. (Путешествие 6/89:33)

В пассивном предложении примера (322) имя **teos**, обозначающее объект действия, представляет собой естественную тему, т.к. оно кореферентно с ранее введенным именем **книга**. Такое же явление наблюдается в остальных примерах, в которых тематический объект пассива (который опущен в последнем пассивном предложении примера [325]) устанавливает смысловую связь с предыдущим контекстом.

Взаимосвязь между тематическим объектным компонентом и контекстом не всегда имеет прямой, непосредственный характер. "Данность" темы-объекта может вытекать и из смысла предшес-

---

¹⁰¹ Лексический синоним в данном случае понимается очень широко и включает в себя слова, между которыми имеются родовидовые отношения, например, *kirja* - *teos*, *резолуция* - *документ*.

твующего контекста, т.е. из того, что нам уже известно нечто о предметной ситуации, в которую пассивное предложение включается, хотя никаких специальных контекстных показателей связи между пассивным и предшествующим ему предложением нет. Такая связь диктуется жизненным и лингвистическим опытом коммуникантов ситуации. Не имея кореферентной именной группы в предыдущем контексте, тематический элемент может устанавливать логическую связь с каким-либо компонентом или со всем предыдущим предложением или с несколькими предложениями (см. Hakulinen & Karlsson & Vilkuna 1980), например:

(326) Ala-asteen koulujen oppilasmäärät ovat viime vuosina pudonneet jyrkästi kehitysmaissa. Koulutusmenoja on supistettu joka toisessa kehitysmaassa ja 6-11-vuotiaiden oppilaiden lukumäärä on pienenty nyt. (OP 6/90:36)

'Количество учеников в младших классах резко упало в развивающихся странах. Расходы на обучение сокращены в каждой второй развивающейся стране и число 6-11-летних учащихся стало меньше.'

(327) О том, что необходимо незамедлительно выправлять дело (разрыв хозяйственного взаимодействия - MVA), уже заявили президенты В. Гавел и Л. Валенса. Однако наши соседи, понятное дело, не для того добивались роспуска прежних союзов, чтобы все тут же вернулось на круги своя. Новая глава во взаимных отношениях может быть открыта только при неперемennom условии, что из них навсегда исчезнут не только большие и меньшие братья, но и сам дух бывшего лжебратства. (МН 7.7.91:3)

Тема пассивного предложения представляет собой как бы логическое "следствие" предыдущего предложения в прагматическом плане, предопределяющимся предшествующим контекстом.

На основе изложенного можно констатировать, что в финском и русском языках пассивные предложения используются в одинаковой степени для выдвижения семантического объекта, выражение которого в синтаксическом плане совершенно различно в этих генетически неродственных языках. Также в коммуникативно-прагматическом отношении функция вынесенного объекта совпадает, т.к. объектный компонент в качестве темы-данного устанавливает связь с предыдущим контекстом и способствует тем самым сохранению тематической прогрессии данного сверхфразового единства. При этом в пассивном

предложении кореферентное тематизируемому объекту имя может занимать в предыдущем высказывании либо рематическую позицию (311, 312, 320, 321), либо тематическую, и вследствие этого несколько высказываний, в их числе и пассивное, объединены общей темой речи, конкретные реализации которой выражаются различными синтаксическими и лексическими способами (314-317, 322, 323, 325).

4.3.2.2.2 Локатив

В финском языке локативный компонент при пассиве занимает место темы в одинаковой мере по сравнению с объектным (объект находится в тематической позиции в 46,9% всех пассивных предложений), если учитывать также случаи, в которых в тематической позиции выступает локатив с комбинацией с другим локативом либо объектом (всего таких случаев 47,4%)¹⁰². Следует, однако, учесть, что локатив сам занимает место темы реже, чем объект - лишь в 34,5% пассивных предложений. Это несмотря на то, что в финском языке кроме переходных глаголов, пассивизируются и непереходные, в которых единственным компонентом, способным помимо глагола занимать начальное место предложения, является локативный. В русском языке тематизация локатива происходит реже, чем тематизация объекта. Интересным при этом является тот факт, что локатив сам, без сопровождения второго тематического компонента как в русском, так и в финском языках в одинаковой степени выдвигается в тематическую позицию (в русском языке - в 35,5% случаев, а в финском - 35,4%).

Локативный компонент в связном тексте и в русском и в финском языках, подобно объекту, способен занимать позицию темы пассивного предложения, во-первых, когда он обозначает данное, отсылающее к именной группе, введенной в предшествующем контексте, и, во-вторых,

---

¹⁰² Ср. данные, приведенные выше в сноске (95). Исследовав употребление порядка членов предложения в нескольких диалектах финского языка, Пеккола (Pekola 1977) пришел к выводу, что локатив занимает предглагольную позицию чаще, чем объект, хотя разница между ними небольшая.

когда его референт ранее конкретно не называется, но он известен на основе прагматического знания ситуации. Это касается локатива, выражающегося обстоятельством как с локальным, так и с темпоральным значением. Некоторые лингвисты (см. Eroms 1986:16-17; Nakulinen & Karlsson & Vilkkuna 1980:76, 82) считают локативы с темпоральным значением иррелевантными по отношению к признаку "данность", так как подобные элементы уже прагматически данные. Наш анализ основан на том, что и они занимают маркированную тематическую позицию, если они однореферентны с какой-либо именной группой в предыдущем контексте. В следующих примерах локатив с временным значением становится темой последнего пассивного предложения, т.к. он представляет собой данное, будучи кореферентным с тематическим компонентом предыдущего высказывания:

- (328) Башня была построена при участии итальянского архитектора Пьетро Антонио Солари в 1941 году и перестроена русским зодчим Баженом Огурцовым и английским мастером Христофором Галовеем в первой половине XVII века. Тогда же были созданы первые большие куранты.. (Путешествие 6/89:33)
- (329) Opettajien Ammattijärjestön piirien puheenjohtajat ja sihteerit olivat 1. ja 2. helmikuuta koolla Aulangolla. Ensimmäisenä päivänä perehdyttiin ajankohtaisiin vireillä oleviin uudistuksiin.. (OP 6/90:6)
'Председатели и секретари Профсоюза учителей собрались 1 и 2 февраля в Ауланко. В первый день (они) ознакомились с преобразованиями, проводимыми в данный момент..'

Локативный компонент **тогда же** в (328) образует тему, а остальная часть, высказывания - комплексную рему. Также в примере (329) в пассивном предложении локатив с временным значением, входящий в состав ремы предыдущего высказывания, становится темой пассивного предложения, т.к. целью говорящего является сообщение именно о времени происхождения события.

Связь тематического локатива с предшествующим контекстом осуществляется таким же образом, как и связь тематического объекта, т.е. лексическим повтором, синонимом, эллипсисом, анафорой и т.п. Так как здесь речь идет об аналогичных средствах, которые были продемонстрированы уже выше в связи с объектом, приведем лишь несколько примеров установления этой связи. В следующих случаях связь выражается лексическим повтором:

- (330) Но труд и забота в **каждом регионе** имеют свои подходы, местные особенности. В **каждом регионе** накоплены свой опыт, народная мудрость,.. (НиЖ 8/89:4)
- (331) В марте 1988 г. в курортном местечке Баньи ди Лукка (Италия) состоялся **семинар** на тему "Проблемы морфосинтаксиса славянских языков" с участием итальянских и ряда зарубежных специалистов. Материалы **семинара** недавно были выпущены болонским издательством "Пигафор". На **семинаре** обсуждались различные аспекты... (РЯЗР 5/89:125)
- (332) **Seuraavissa luvuissa tutustutaan** tutkimusmenetelmiin sekä biologian ja yhteiskunnan sidoksiin. Runsaat esimerkit valottavat tätäkin ongelmakenttää. **Viimeisessä luvussa** pohditaan biologian filosofiaa,.. (Т 8/89:62)
- 'В следующих главах будут анализироваться методы исследования, а также отношения между биологией и обществом. Большое количество примеров освещает эту проблематику. В последней главе обсуждается философия биологии..

Локативный компонент, кореферентная именная группа которого названа в предшествующем высказывании, становится естественной темой пассивного предложения и, следовательно, его вынесение служит установлению смысловой связи между ними. В следующих примерах кореферентный локатив в качестве связующего элемента выражается с помощью нарицательного имени, соотносящегося с предшествующим собственным именем:

- (333) В "**Повести временных лет**" рассказывается и о том, как был основан Киев князем Кием, об обычаях и быте славянских племен - ..., а также о разных событиях из истории славян. В **летописи** подробно сообщается об основании Киево-Печерского монастыря,.. (Кулешов 1989:21)
- (334) **Pekonniemestä** tulee kymmenes Jyväskylän kaupungin vedentarpeesta. **Puhdistamosta** saadaan vesi kaupungin eteläosiin, eli Keljonkankaalle, Keljoon ja Kuokkalaan. (KSML 16.2.90:3)
- 'Из Пеконниemi город Ювяскюля получает десятую часть воды. Из очистительного цеха получают воду южные части города, т.е. Кельёнкангас, Кельё и Куоккала.'

Локативный компонент, служащий темой пассивного предложения, естественно, может быть эллиптически опущен, если он имеет прямой коррелят в предыдущем контексте:

- (335) **Tiedotusvälineissä** kritisoidaan vähän väliä kansanedustajien poissaoloja ja Ø tehdään edustajista moraalittomia pinnareita,.. (IS 23.3.90/2)

'Средства массовой информации иногда критикуют отсутствие депутатов и представляют их аморальными прогульщиками.'

- (336) К Кольскому заливу была подведена железная дорога. Здесь был построен порт и Ø основан в 1916 году город Мурманск. (Путешествие 6/89:10)

В качестве связующего элемента употребляются и "дейктические локативы" **täällä, tässä, siellä, silloin, sinne** и их русские аналоги **здесь, там, тогда, туда**, являющиеся субститутот анафорически названного локатива¹⁰³. Речь в таком употреблении, как и в предложениях с анафорическим местоимением, идет о текстовой экономии, о том, чтобы избежать лишнего повтора. Рассмотрим примеры (см. также пример 338):

- (337) В связи с этим хочется упомянуть об "**Энциклопедическом справочнике МЕЛИОРАЦИЯ**", вышедшем в 1985 году в Минске. **Там** черным по белому написано, что.. (НиЖ 8/89:3)

- (338) **Suomessa** androgyniasta on keskusteltu paljon vähemmän kuin Yhdysvalloissa. **Täällä** asia on liitetty lähinnä sukupuolten tasa-arvoon.. (Т 2/89:11)

'В Финляндии об андрогинизме говорят намного меньше, чем в США. Здесь он обсуждается в связи с вопросами равноправия между двумя полами.'

- (339) **Tavaratalosta** tullaan hakemaan jotakin puuttuvaa tai tarpeellista, tai **sinne** tullaan oleilemaan, harhailemaan, odottamaan löytöjä. (HS 8/89:41)

'В универсам люди приходят покупать недостающее или нужное, или туда приходят, чтобы проводить время, гулять, найти что-нибудь.'

Дейктический локатив имеет в предыдущих предложениях прямой коррелят. Однако кореферентность между коррелятом и дейктическим элементом не всегда вполне ясна. В следующем примере не вводится

¹⁰³ Хакулинен и Карлссон (Hakulinen & Karlsson 1988:313-314) называют подобные дейктические наречия **PRO-adverbi**, употребляющиеся в основном для того, чтобы избежать лишнего повтора одного и того же локативного компонента.

конкретной именной группы, к которой дейктический локатив отсылается:

- (340) Olen kyllä viime aikoina oikein sillä korvalla kuunnellut aamuhartauksia ja joskus jopa sunnuntaisia palveluksia, mutta siellä puhutaan nykyisin vain maanpäällisistä ahdistuksista, stressistä.. (HS 22/89:79)

'Я, правда, в последнее время слушаю внимательно утреннюю молитву, и иногда даже воскресные богослужения, но там говорят только о надземных бедах, стрессе..'

Здесь дейктический локатив может обозначать либо "радио", либо он является субститутотом анафорического местоимения "в них", т.е. "в данных программах". Неясна кореферентность дейктического локатива и коррелята и в таком случае, если дейктический локатив отсылается к целому высказыванию или к нескольким высказываниям. В следующем примере дейктический локатив указывает на семантическое содержание ближайшего предшествующего контекста:

- (341) Tutkimuksessa todettiin myös, että aktiiviset kristityt kannattivat voimakkaasti arkkuhautausta. Asenteiden juuret ovat erilaisessa perinteessä, joskus hyvinkin syvällä. Sitä paitsi tässä ollaan ns. perimmäisissä kysymyksissä. (T 8/89:8)

'В исследовании установлено, что активные верующие сильно поддерживают захоронение в гробу. Такое отношение имеет свои корни в различных традициях, иногда очень глубоких. К тому же здесь речь идет о т.наз. основных вопросах жизни.'

На основе рассмотренных примеров видно, что коммуникативная задача пассивного предложения с локативным компонентом в позиции темы состоит как в русском, так и в финском языках в сообщении о том, какое событие происходит в данных, известных условиях, в данном месте, в данное время. Выдвижение на место темы локатива, референт которого упомянут в предшествующем контексте либо логически вытекает из него, является одним из приемов включения пассивных предложений в сверхфразовое единство.

4.3.2.2.3 Комплексная тема

Как в финском, так и в русском языках в пассивном предложении могут тематизироваться два или даже три компонента¹⁰⁴. Как видно из таблицы 5 (стр. 202), эта т.наз. комплексная тема встречается чаще в финском, чем в русском языке. Поэтому большинство наших примеров представляют употребление ПК в финском языке¹⁰⁵. В РГ (1980 II:199-200, см. также Ковтунова 1976:179) подчеркивается, что в комплексной теме выделяются тематические компоненты, каждый из которых может обозначать данное. По трактовке РГ (1980 II:199), среди компонентов комплексной темы в русском языке синтаксически зависимая словоформа отличается более сильным повышением тона, обозначающим связь предложения с контекстом. Более обычна поэтому препозиция зависимой словоформы. В других случаях первый компонент комплексной темы обозначает новое, вводящее неизвестное в контекст, а второй компонент - данное, упомянутое в предыдущем контексте. Так же и в финском языке: один компонент темы, обозначает данное, а второй компонент либо тоже обозначает данное, либо вводит неизвестное в контекст в качестве эмфазы или контраста, выделяясь интонационно более сильно (Hakulinen & Karlsson & Vilkuna 1980:86-87, Hakulinen & Karlsson 1988:308-310). В абсолютном начале нейтрального текста локатив в обоих языках в большинстве случаев предшествует объекту, открывая собой предложение и вместе с тем текст:

- (342) **В физике работа может быть произведена**, если есть разность потенциалов. Так и в обществе: если нет оппозиции - нет движения. (МН 52/89:5)

¹⁰⁴ Здесь имеются в виду сочетания локатив - объект и объект - локатив.

¹⁰⁵ Хакулинен и Карлссон (Hakulinen & Karlsson 1988:304) подчеркивают, что лишь один предглагольный компонент представляет собой тему, а остальные - топики, перенесенные в начало предложения. Они, однако, признают, что не всегда легко решить, какой из начальных компонентов является топиком, какой темой.

- (343) **Eräässä sähkössä minua muistutettiin** Talvisodan kärsimyksistä:.. (Kauranen 1987:71)

'В одной телеграмме мне напоминали о страданиях Зимней войны:..'

Локативный компонент создает фон для дальнейшего развития повествования (ср. "ситуационная кулиса" у Хаврониной & Крыловой 1989:33). В большинстве пассивных предложений подобные компоненты, однако, выполняют текстосвязующую функцию, т.е. они выносятся в предглагольную позицию, так как они представляют собой данное и вследствие этого связывают предложение с предыдущим контекстом, например:

- (344) "Новое назначение" А. Бека и "Дети Арбата" А. Рыбакова вместе с повестями.. отразили потребность литературы в более широком освещении предвоенного десятилетия с позиции художественной и исторической правды.. Достоверность характеристики Сталина и главного персонажа романа Бека "поддерживается" спокойной стилистикой.. **В романе А. Рыбакова эпоха "культы личности Сталина" воспроизведена** преимущественно, так сказать, с ее внутренней стороны: показан.. (РЯЗР 5/89:51)

В контексте, предшествующем пассивному предложению, кратко характеризуется роман "Дети Арбата" Рыбакова, а также автор касается вопросов описания сталинских времен в произведениях других писателей. В силу этого в (344) как локатив, так и объект, представляя собой данное, становятся темой и связывают в смысловом плане пассивное предложение с предыдущим. Рассмотрим аналогичные примеры финского языка:

- (338) Suomessa androgyniasta on keskusteltu paljon vähemmän kuin Yhdysvalloissa. **Täällä asia on liitetty** lähinnä sukupuolten tasarvoon, jolle androgynian on arveltu tasoittavan tietä. (Т 2/89:11)

'В Финляндии об андрогинии говорилось намного меньше чем в Соединенных Штатах. (Здесь) это связано в первую очередь с равноправием между разными полами, так как считается, что андрогиния ..'

- (345) Hän toteaa, ettei ortodoksisessa Karjalassa tunnettu kuoleman pelkoa. **Siellä kuolema koettiin** koko perheen, suvun ja kyläyhteisön yhteisenä asiana. (KSML 16.2.90:8)

'Он отмечает, что в православной Карелии не боялись смерти. Там смерть переживалась как общее горе всей семьи, родни и сельской общины.'

В данных примерах как локатив, так и объект выражают данное, упомянутое в предыдущем контексте. Их выдвижение в тематическую позицию соблюдает принцип текстовой связности. Однако не всегда компоненты, вынесенные в предглагольную позицию, представляют собой данное. Иногда компонент, вводящий новый, неизвестный факт в контекст, может быть эмфатически либо контрастивно перенесен, чтобы специально выделить его. В следующих примерах объект в качестве нового вынесен в начальную позицию, а локатив образует данное:

(346a) Suomessa hoetaan mielellään, että täällä on korkea koulutustaso. Onko näin? - **Kunnollisia selvityksiä asiasta ei ole tehty**, koska on haluttu säilyttää myytti korkeasta suomalaisesta koulutustasosta. (Akava 3/90:32)

'В Финляндии любят повторять, что здесь уровень образования высокий. Правда ли это? - Хороших разъяснений по этому поводу не сделано, так как хотели сохранить миф о высоком уровне образования.'

(347) Juuri nyt kuningatar Kristiinan kuolemasta on kulunut kolme vuosisataa. **Suomessa häntä muistetaan** erityisesti ensi vuonna, kun Helsingin yliopisto täyttää 350 vuotta. (T 3/89:10)

'Со дня смерти королевы Кристины прошло три столетия. В Финляндии ее будут вспоминать особенно в будущем году, когда Хельсинкскому университету исполнится 350 лет.'

Как часто при комплексной теме, состоящей из нового и данного, новое (в примере [346a] объект, а в [347] локатив) предшествует данному (см. РГ 1980 II:200). Без эмфатического переноса объект занимает послеглагольную тематическую позицию, сравним:

(346b) Asiasta ei ole tehty **kunnollisia selvityksiä**, ..

'По этому поводу не сделано хороших разъяснений...'

В следующих примерах локативный компонент, обозначающий новое, выносится в тематическую позицию контрастивно. Контрастируемый элемент выражается либо анафорически, как в (348 и 349), либо катафорически (см. первое предложение примера (338), в котором локативная именная группа в Финляндии контрастируется имени в США):

(348) **Proseminaariin** Virve valmistelee esitelmää.. Kaikki proseminariesitelmät ovat Virven mukaan teoreettisia, koska niiden avulla

yritetään harjoitella tieteellistä ilmaisua. Luennoilla sitä ei juuri harjoitellakaan, sillä niillä keskustellaan kovin harvoin. (HS 8/89:75)

'Вирве готовит доклад для семинара.. По ее мнению все просеминарские доклады имеют теоретическую основу, так как их целью является подготовка к научному изложению. На лекциях такая подготовка не ведется, так как на них очень редко беседуют.'

- (349) Часы показывали время от восхода до захода солнца. Вращался при этом сам циферблат. Время отсчитывал неподвижный луч солнца, изображенный сверху. На ночь часы не заводились. (Путешествие 6/89:33)

В этих примерах локативный компонент, обозначающий новое, предшествует объекту, перед которым он выносится, чтобы контрастировать и выделить его по сравнению с предшествующей именной группой. Такой порядок (локатив перед объектом) при комплексной теме более частотен независимо от того, образует ли локатив новое или данное в составе комплексной темы. Лишь контекст помогает выяснить актуальную значимость данных компонентов.

4.3.2.3 Функция инициального предиката

Несмотря на то, что при формальном определении пассива большое внимание уделяется образованию и деривации глагольной формы, в рассмотрении функционирования пассива предикат остается на заднем плане по сравнению с субъектом или объектом действия. Их позиция в тексте резко меняется в зависимости от коммуникативного задания высказывания, компонентом которого они являются, а также в зависимости от контекста, предшествующего данному высказыванию. Предикат же пассивного предложения по сравнению с агенсом-субъектом и объектом чаще всего занимает менее маркированную позицию в середине предложения. При нейтральном порядке слов как в русском, так и в финском языках пассивная форма глагола составляет с точки зрения коммуникативной структуры высказывания рему либо ее часть, а предстоящий компонент, например, объект действия, представляет собой тему. Рассмотрим параллельные примеры:

- (350) Толстой написал романы "Анна Каренина" и "Война и мир". **Эти произведения переведены** на многие языки.
- (351) Tolstoi on kirjoittanut romaanit "Anna Karenina" ja "Sota ja rauha". **Nämä teokset on käännetty** monille kielille.

В приведенных примерах именная группа **эти произведения (nämä teokset)** является данной информацией на основе предыдущего контекста, становясь естественной темой высказывания. О теме сообщается что-то - переведены на многие языки -, которое представляет собой новую информацию относительно темы сообщения, и, значит, рематический компонент высказывания. Вследствие контекстуальной зависимости и коммуникативного задания данного высказывания, предикат пассивного предложения может, само собой разумеется, входить и в состав темы¹⁰⁶. Сравним следующие примеры:

- (352) В 1755 году в Москве был основан университет.
- (353) Ломоносов считается "отцом" Московского университета. Он был основан в 1755 году.

В предложении (352) сообщается, что произошло в Москве в данном году, и, как следствие этого, предикат образует часть ремы. В примере (353) предикат пассивного предложения входит в состав темы, и сообщение о годе основания университета является ремой высказывания.

В данном разделе анализируется функция пассивного предиката в инициальной позиции. Выше упоминалось, что в финском языке предикат в пассивном предложении занимает начальную позицию более редко (лишь 5,8% всех пассивных предложений), чем в русском языке (15%). Различие частично объясняется тенденцией финского пассива к компенсаторной тематизации либо объекта, либо локатива, либо их обоих, чтобы избежать начальной позиции глагола (Nakulinen & Karlsson 1988:303, Vilkuna 1989:169). Пассивное предложение с непереходным глаголом, однако, может состоять и из одного глагола при невозможности подобного переноса. В русском языке небольшую

---

¹⁰⁶ По мнению Хакулинен и Карлссона (Nakulinen & Karlsson 1988:298), в финском языке глагол-предикат входит в рематическую часть высказывания. Также Холман (Holman 1975:282-284) исходит из того, что чаще всего предикат является ремой или ее частью, реже частью темы.

группу пассивных предложений с инициальным предикатом образуют случаи, в которых происходит синтаксический эллипсис либо АД (354), либо подлежащего-объекта, названных в предыдущем контексте (355) и образующих тематический элемент данного высказывания. Подобным предложениям в финском языке соответствует активная конструкция. Рассмотрим примеры русского языка:

- (354) ..в 1825 году им была написана также народная реалистическая трагедия "Борис Годунов", шутливая поэма "Граф Нулин", носившая явно реалистический характер. Написано было и много лирических стихотворений.. (Кулешов 1989:133)
- (355) Храбрым воином был Святослав, сын Игоря.. Он одержал множество побед над Византией, хазарами, болгарами, касогами, северокавказскими народностями. Убит был из засады печенегами на днепровских порогах, при возвращении домой.. (Кулешов 1989:22)

В большинстве пассивных предложений с инициальным предикатом в финском, и в особенности в русском языке предикат, занимая препозицию по отношению к остальным компонентам предложения, образует с ними нерасчлененное целое высказывание, т.е. комплексную рему. В таком предложении тема - нулевая. В нем нет предмета сообщения, исходного либо заданного контекстом, а коммуникативной целью является сообщение о существовании, возникновении, наличии ситуации, протекании явлений или фактов действительности (см. РГ 1980 II:195-196, Адамец 1966:34, Хавронина и Крылова 1989:29-30, Ковтунова 1976:48-49). Рассмотрим примеры:

- (356a) Третье издание почти полностью воспроизводит текст второго. Внесены отдельные уточнения, перередактированы некоторые формулировки, вновь введен терминологический указатель. Несколько расширен параграф, посвященный советскому языкознанию. Обновлен и сокращен список рекомендуемой литературы. (Головин 1977:3)
- (357) На страницах "МН" развернулась дискуссия вокруг статьи Р. Богданова и А. Картунова "Минимальное сдерживание.." Затрагивается ключевая проблема военной стратегии, разоружения и безопасности - проблема достаточности ядерного потенциала. (МН 42/89:6)
- (358a) В ней ("Повесть о разорении Рязани Батыем" - МВА) рассказывается о появлении Батыя под Рязанью, об убиении русского посольства во главе с сыном рязанского князя,

Федором Юрьевичем и гибели его жены Евпраксии. Описаны основные моменты обороны Рязани во главе с рязанским князем.. (Кулешов 1989:40)

Ковтунова (1976:49) констатирует, что контекстуальная обусловленность высказываний с нулевой темой сводится к минимуму или совсем отсутствует. Это утверждение, однако, не полностью подтверждается на основе анализа пассивных предложений, собранных для данного исследования. На наш взгляд, как в русском, так и в финском языках весьма часто в пассивных предложениях с начальным предикатом речь идет о "текстуальном эллипсисе" тематического компонента. Например, в предложении (356а) опущенным тематическим компонентом пассивного предложения можно считать **в третье издание** или его субститут **в него**, в предложении (357) **в газете**, **на них**, в примере (358а) **автором**, **в ней**, и т.п.:

(356b) Третье издание почти полностью воспроизводит текст второго. **В него внесены** отдельные уточнения..

(358b) ..**В ней описаны** основные моменты..

С помощью эллипсиса тематического компонента, а также с дефокусировкой агенса, имплицитированного при необходимости контекстом, соблюдается принцип текстовой экономии. Однако основная коммуникативная задача подобных пассивных предложений, т.е. выделение события или действия, обусловлена стилистическим приемом, заключающимся в эмоциональной оценке события, в желании говорящего подчеркнуть его как важное, неожиданное, заслуживающее особого внимания. С введением темы (356b, 358b) это значение ослабляется. Предложения с инициальным предикатом, как и показывают наши примеры, часто встречаются в сообщениях о новостях, о наступлении какого-либо события (см. примеры 356а,358а,359). Рассмотрим примеры финского языка:

(359) Naiskirjailijoita on käsitelty suomalaisessa kirjallisuuden historiassa runsaastikin. On esitelty heidän teoksiaan, kerrottu heidän elämäkertansa, tarkasteltu heidän saamiaan vaikutteita. (Т 8/89:60)

'Жизнь и творчество женщин-писателей обсуждались в истории финской литературы довольно широко. Представлены их произведения, составлены их автобиографии, проанализированы впечатления, полученные ими.'

- (360) On väitetty, että tiedoilla alkoholismin periytymisestä ei ole muuta kuin masentava vaikutus. Tiedon avulla voidaan kuitenkin entistä paremmin etsiä juomisen todellisia syitä. (Т 2/89:31)
 'Утверждается, что сведения о наследуемости алкоголизма влияют лишь подавляюще. С помощью этих сведений, однако, можно более эффективно искать действительные причины того, почему люди пьют.'
- (361) Osaltaan tämä jännite heijastuu perustutkimuksen ja soveltavan tiedon tuottamisen vastakkainasettelussa. Puhutaan myös kulttuurin "tuotteista", esineellistymisestä, joka on alistettu muille kuin tekijän ehdoille. (Т 2/89:2)
 'Частично эта напряженность отражается в противопоставлении между элементарным исследованием и получением знаний для прикладных целей. Говорится также о "продуктах" культуры, о предметизации, подчиненной другим, но не условиям автора.'

В данных примерах контекстуальная обусловленность различна: пример (360), начиная абзац, характеризуется контекстуальной независимостью, и, значит, в первом пассивном предложении тема нулевая. Пример (359) аналогичен вышеприведенным русским примерам (356-358), т.е. тематический компонент пассивных предложений восстанавливаем на основе контекста (**в истории литературы / в ней**). Эти пассивные предложения контекстуально обусловлены, и перед ними можно бы поставить двоеточие. В примере (361) контекстуальная обусловленность ослаблена, т.к. на основе предыдущего контекста трудно установить эллиптический тематический компонент. В подобных предложениях целью сообщения является представление наличия действия. Особенно это характерно для пассивных предложений с глаголами коммуникации (puhutaan, kerrotaan 'говорится', 'рассказывается'), применительно к которым, в частности, Вилькуна (Vilkuna 1989) употребляет название "презентативные предложения".

Яркая контекстуальная необусловленность свойственна употреблению русского пассивного предложения с инициальным предикатом в заголовках, в которых агенс идентифицируется катафорически (см. 4.1.5.2.3), например:

- (362) Захвачен алжирский самолет. (Известия 30.12.90:5)

В финском языке в подобных кратких объявлениях, заголовках происходит компенсационная тематизация, т.е. имя, обозначающее объект, переносится в инициальную позицию: Algerialainen lentokone kaapattu ('Алжирский самолет захвачен'). Этим подтверждается упомянутое выше стремление финского пассива избежать начального предиката.

Итак, общей коммуникативной задачей пассивных предложений с инициальным предикатом как в финском, так и в русском языках является введение в контекст сообщения о наступлении нового действия, события, заслуживающего особого внимания. В этих высказываниях нет конкретно выраженной темы, а предикат с остальной частью предложения образует комплексную рему. Производитель действия не играет важной роли, так как он идентифицируется контекстом либо воспринимается неопределенно или обобщенно. По частотности пассивная конструкция с начальным предикатом употребляется в русском языке чаще, чем в финском языке. Частично различие объясняется широкими возможностями синтаксического эллипсиса как подлежащего, так и АД. Кроме того, для русского языка в коммуникативном плане весьма характерны предложения, в которых предикат и последующее подлежащее образуют нерасчлененное целое высказывание. В финском языке, наоборот, в пассивном предложении на предглагольное пустое место подлежащего стремится какой-либо другой компонент высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1.1. Целью рассматриваемого исследования было показать, как функционирует морфолого-синтаксическая категория "пассив" в русском и в финском языках. Новизна этого исследования заключается в опровержении того утверждения, согласно которому финский пассив не является "настоящим" пассивом, поскольку он в морфологическом и синтаксическом отношении очень расходится с собственно пассивной конструкцией, в частности, индоевропейских языков. В нашу задачу, однако, входил не анализ формальных сходств и различий, естественных для плана выражения в генетически неродственных языках, а рассмотрение того, насколько эквивалентны в семантическом и прагматическом отношении функции, выполняемые данными конструкциями в каждом из сопоставляемых языков.

1.2. В рассмотрении функционирования пассива в русском и финском языках общую лингвистическую основу составляет функциональный подход к языковым явлениям. Хотя ни одна из существующих трактовок функциональной теории в данном исследовании не применялась последовательно, тем не менее, трехуровневый подход к анализу предложения, из которого исходят многие представители этой теории, служит плодотворной основой для сопоставления языковых фактов в более широком плане, чем способен дать лишь формальный анализ. Исходной точкой и общим знаменателем в сопоставлении функций пассивных конструкций принята дефокусировка агенса. Несмотря на то, что финские и русские пассивные конструкции в некоторых аспектах

очень отличаются друг от друга, конструкции, называемые в обоих языках пассивными, имеют в функционально-прагматическом плане много общего: в обоих языках пассив служит для устранения внимания с реального производителя действия. В финском языке введение агентивного дополнения на уровне синтаксической устроенности пассивной конструкции даже недопустимо. В русском языке это возможно, но в подавляющем большинстве пассивных конструкций выражение деятеля агентивным дополнением отсутствует. Тем более он подразумевается, как и в финском языке, в семантическом представлении данного предложения. Применение понятия "дефокусировка агенса" при анализе функционирования пассива предоставляет, однако, возможность учесть весьма разнообразные способы, как синтаксические, так и семантические и прагматические, с помощью которых производитель действия идентифицируем без его конкретного упоминания.

2.1. Важнейшей общей функцией пассива в сопоставляемых языках является устранение, дефокусировка реального производителя действия. Он может быть не назван потому, что он неизвестен говорящему и его нельзя восстановить на основе контекстуальной или ситуативной информации. Деятель может пониматься и обобщенно, и поэтому нет необходимости конкретизировать его. В большей части пассивных предложений производитель действия, однако, идентифицируется, хотя конкретно не уточняется, контекстом, например, локативом, обладающим как значением места, так и лиц, находящихся в данном месте. Кроме локатива с агентивным значением, деятель может идентифицироваться на основе фоновых и прагматических знаний, имеющих у адресата о ситуации, обозначаемой глаголом. То же самое характерно и т. наз. неопределенно-личному предложению, способному представлять собой нередко функциональный эквивалент как русского, так и финского пассива.

Мотивы употребления пассива для дефокусировки агенса разнообразны и переплетаются между собой: во-первых, говорящий, желая как бы затушевать конкретность и активность деятеля в совершении действия, заменяет его выражением (например, локативом с агентивным значением, агентивным наречием), указывающим на агенса более обобщенно и расплывчато. Тем самым эта расплывчатость, имплицитность деятеля,

отстраненного на второй план в качестве синтаксически периферийного актанта, способствует и устранению конкретного деятеля от прямой ответственности за произведенное действие, а само действие приобретает оттенок обезличенности. Во-вторых, конкретный агент может эксплицитно, неканоническим способом упоминаться в самом пассивном предложении, например, в виде определения, но, не занимая позиции агенса-подлежащего, он как бы становится менее активным в совершении действия, акцентирующегося как самое главное. В-третьих, в определенных случаях конкретизация агенса не обязательна, а вполне достаточна лишь опосредованная информация о классе его референтов, имплицитная семантикой исходного глагола-предиката либо экстралингвистическим знанием данной ситуации. В-четвертых, что касается частично и предыдущих пунктов, при использовании пассива речь может идти и о языковой экономии, об избегании избыточности выражения, если агент вполне отчетливо идентифицируется в окружающем контексте. Поэтому учет контекста, оставшегося вне рамки рассмотрения в большинстве исследований, посвященных анализу пассива в разных языках, играет немаловажную роль в опознании производителя действия. Из вышесказанного следует, что сущность основной функционально-прагматической функции пассива, т.е. дефокусировки агенса, состоит в стремлении говорящего к деконкретизации, деактивизации роли агенса в совершении действия, к его затушевыванию с целью акцентуации внимания адресата не на деятеле, а на действии.

2.2. Функции финского пассивного предложения и русского предложения без агентивного дополнения сходны и в связном тексте: говорящий, прибегая к подобной пассивной конструкции, не желает фокусировать деятеля (который по необходимости идентифицируем контекстуально и ситуационно, как выше указывалось) и, согласно коммуникативной задаче данного высказывания в контексте целого и в соответствии с общим коммуникативным заданием текста, выдвигает вместо него в позицию темы какой-либо другой компонент высказывания. В нейтральном стиле тематизируется тот компонент, который, являясь кореферентным с ранее введенным именем, способен обеспечить связность и плавность изложения и, значит, логичное развертывание информации в данном сверхфразовом единстве. Как в русском, так и финском языках чаще всего в тематическую позицию в пассивном предложении переносится именная группа, обозначающая объект дей-

ствия, так как он устанавливает смысловую связь с предыдущим контекстом. Эта тематизация объектного компонента часто связана с общим коммуникативным заданием и с доминирующей темой, с гипертемой, данного сверхфразового единства, в котором референт объекта является темой речи в более широком плане. Однако, кроме объекта, в сопоставляемых языках при пассиве в тематическую позицию достаточно часто выдвигается и локативный компонент, либо, как это бывает чаще в финском языке, чем в русском, тематизируются два компонента, локативный и объектный. Этим опровергается утверждение, которое часто встречается в исследованиях по пассиву в разных языках и, по которому, функциональная задача пассива в связном тексте ограничена его возможностью выдвигания в тематическую позицию именно объектного компонента. По нашему анализу, все же, как в русском, так и в финском языках больше чем в одной трети пассивных предложений тематизируется локативный компонент.

Пассивные предложения с инициальным глаголом выполняют одинаковую функцию в рассматриваемых языках. С их употреблением говорящий вводит в контекст сообщение о наступлении нового факта, действия, события, заслуживающего особого внимания. По частотности в русском языке этих пассивных конструкций встречается больше, чем в финском языке, что объясняется стремлением финского языка компенсационно тематизировать какой-либо именной компонент, чтобы избежать начального глагола и сопутствующих ему, возможно, сдвигов в значении.

3. Между функциями русского и финского пассива наблюдаются и **различия**, заключающиеся, во-первых, в возможности русского языка выражать агенс агентивным дополнением и, во-вторых, в широком употреблении финского пассива вместо личных форм глагола, в котором очень ярко проявляется дефокусировка производителя действия, в данных случаях самого говорящего, либо адресата, либо их вместе.

3.1. Русский пассив отличается в синтаксическом отношении от финского пассива тем, что в нем агенс может эксплицитно выражаться агентивным дополнением. Употребление пассивного предложения с агентивным дополнением, однако, нечастотно и свойственно в основном письменной речи, точнее, научному и официально-деловому сти-

лям. Его использование в связном тексте характеризуется тем, что в данном предложении имеются другие, с коммуникативной точки зрения более весомые элементы, на которые говорящий хочет акцентировать внимание адресата. Производитель действия, выраженный синтаксически периферийным дополнением, и оттесненный на второй план, находится чаще всего в рематической позиции предложения. Это рематическое агентивное дополнение, однако, очень редко служит для обеспечения катафорической связи с последующим высказыванием, как это свойственно вообще реме. В большинстве случаев пассив с конечным агентивным дополнением используется, чтобы не акцентировать деятеля, а затушевать его активную роль в совершении действия, и, как следствие этого, изложение приобретает оттенок обезличенности, характерный для упомянутых стилей.

Стремлением говорящего к обезличенности изложения мотивируется и использование пассивной конструкции с агентивным дополнением в инициальной позиции в качестве темы-данного, либо темы-нового, нечасто встречаемое в текстах научного и официально-делового стилей. В финском языке русским пассивным предложениям, как с конечным, так и с начальным агентивным дополнением соответствуют разного типа активные конструкции, в которых, в частности, с помощью изменения порядка компонентов, обозначающих субъектно-объектное соотношение, выражается то же самое коммуникативное задание. Лишь оттенок обезличенности либо неакцентуации деятеля остается недифференцированным. Следует все же принять во внимание, что и в русском языке в большинстве случаев, при учете всех функциональных стилей, различные коммуникативные задачи могут выражаться с помощью активной конструкции с различным порядком субъектного и объектного компонентов, способных ярко дифференцироваться в морфологическом отношении. В активных конструкциях, как и в соответствующих активных предложениях финского языка, вышеупомянутый функционально-стилистический оттенок не маркируется.

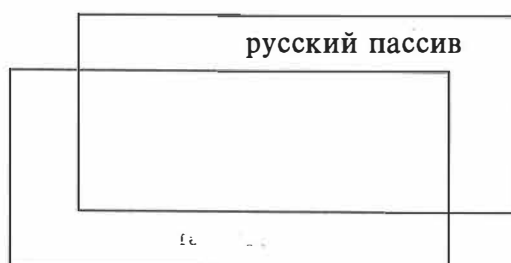
3.2. Помимо первичной функции дефокусировки агенса, пассив в финском языке обладает вторичной, т. наз. "интерперсональной" функцией, заключающейся в стремлении пассивной формы глагола вытеснить в разговорной речи его личные формы, указывающие на определенную референцию участников коммуникации. В этой функции

употребление пассивной формы глагола придает прагматические дополнительные значения, выражающие интерперсональные отношения между говорящим и адресатом. Эти значения очень разнообразны и тесно связаны с данной речевой ситуацией, но в их основе лежит желание избежать личной референции. Говорящий, который прибегает к обезличенной форме пассива при сообщении о своей деятельности, избегает прямого самоназвания. Это происходит не только в ситуациях, "угрожающих ему", но и в ситуациях, в которых он не считает приличным выделять себя как активно действующее лицо или, наоборот, хочет похвастаться. Также при дефокусировке адресата речи прагматические значения, передаваемые употреблением пассивной формы глагола вместо личной, варьируются от отрицательных до положительных: в одних случаях говорящий избегает прямого обращения к собеседнику в положении, затрудняющем его, а в других случаях его обращение к нему приобретает значение "дистантной вежливости". В русской речи в соответствующих функциях нередко употребляется первое лицо множественного лица, выражающее, наоборот, участливость. Это является интересным показателем различного социального поведения, отражающегося и в речевой деятельности.

Широко распространенным в разговорной речи является употребление пассивной формы глагола в функции первого лица множественного числа. Вместо повелительной формы того же лица пассивная форма глагола стала уже регулярной. В этой компенсации первого лица мн. числа пассивом наблюдается та же самая первоначальная тенденция избежать личной референции, как и в дефокусировке "Эго" и адресата с тем различием, что пассивная форма, употребленная с определенной референцией "мы", имеет в разговорной речи уже конвенциональное значение глагольной формы первого лица мн. числа, использующейся в основном лишь в письменной речи. По сравнению с первым лицом мн. числа, пассивная форма глагола вместо третьего лица того же числа встречается не часто. Если деятель, несмотря на личное окончание глагола, указывающее на него, не конкретизируется в контексте, данная личная форма выполняет одинаковую "пассивную" функцию, т.е. затушевывает конкретного производителя действия. В некоторых случаях субститутом дефокусированного агенса служат различные прагматические элементы, способные указывать либо на самого говоряще-

го, либо адресата, либо они придают сообщению субъективный дополнительный прагматический оттенок.

4. Итак, нами рассмотрены функции пассивных конструкций в русском и финском языках. Несмотря на заметные морфологические и синтаксические различия данных структур, их основные функции весьма сходны. В основе как сходств, так и различий этих функций лежит общая прагматическая задача пассива, т.е. дефокусировка агенса, устранение внимания с производителя действия, обозначенного пассивной формой глагола. Функции пассива в финском и русском языках можно схематически изобразить следующим образом:

Совпадающая часть прямоугольников отражает основную, общую прагматическую функцию, заключающуюся в дефокусировке агенса, и выражающуюся собственно пассивной конструкцией в финском языке и пассивной конструкцией без агентивного дополнения в русском языке. Вне общей части прямоугольников остаются в русском языке функция пассива с канонически выраженным агенсом, а в финском языке интерперсональная функция пассива.

LYHENNELMÄ

VENÄJÄN JA SUOMEN KIELEN PASSIIVIN FUNKTIOT

Tutkimuksen tavoitteena on analysoida ja verrata venäjän ja suomen kielen passiivin funktioita teoreettiselta kannalta. Tutkimuksessa ei noudateta tiettyä yhtä kielenkuvausmallia, vaikkakin yleisen tarkastelukehyyksen muodostaa ns. funktionaalinen lähestymistapa, jossa yhdistyy piirteitä useiden funktionaalisen kieliopin edustajien (esim. Daneš, Dik, Halliday) käyttämästä kolmitasoisesta kuvausmallista sekä venäläisestä funktionaalista kielioppiteoriasta, eritoten funktionaalista (kommunikatiivisesta) lauseperspektiiviteoriasta (актуальное членение), jonka pohjalta analysoidaan passiivilauseen tekstifunktiota.

Passiivin funktioiden vertaamisessa kuvauksen lähtökohdan muodostaa pintakategoria, jota kummassakin kielessä nimitetään passiiviksi. Varsinaiset pintarakenteen ilmiöt eivät kuitenkaan ole vertailun kohteena, vaan tutkimuksessa tarkastellaan passiivirakenteen käyttöä molemmista kielistä erikseen kootun ja useita tyyllilajeja edustavan korpusmateriaalin pohjalta. Vertailun yhteisen pohjan, *tertium comparationis*en, muodostaa tekijän, agentin defokusointi. Huolimatta siitä, että venäjän, kuten monien muidenkin indoeurooppalaisten kielten ja suomen kielen passiivirakenteet eroavat toisistaan huomattavasti morfologis-syntaktisella tasolla (suomen passiivilauseessahan objektia ei nosteta subjektiksi, eikä tekijää ilmaista pintarakenteessa, lisäksi verbin muoto on yksipersonainen ja passiivi voidaan muodostaa myös intransitiiviverbeistä), on niiden funktionaalis-prag-

maattinen tehtävä hyvin samanlainen, ts. molemmissa kielissä passiivin pääfunktio on häivyttää kuulijan huomio pois teon todellisesta suorittajasta. Suomen kielessä tekijää ei voi ilmaista pintarakenteessa venäjän instrumentaalista agenttilauseketta vastaavasti, mutta venäjässäkin ns. agenttipassiivin käyttö on hyvin vähäistä (vain n. 15%:ssa kaikista passiivilauseista esiintyy agenttilauseke). Tutkimustulosten mukaisesti suurimmalle osalle "agentittomista" passiivilauseista on molemmissa kielissä kuitenkin yhteistä se, että tekijä sitä ilmaisevan konstituentin syntaktisesta poistosta huolimatta on identifioitavissa kontekstuaalisten implikaatioiden perusteella. Identifikaatio on mahdollista esim. "agenttiivisen lokatiivin" kautta, joka tarkoittaa sekä paikkaa, että paikassa olevia, sitä edustavia ihmisiä (esim. **В Финляндии / в школе много говорится о правах детей - Suomessa / koulussa puhutaan paljon lasten oikeuksista**), verbin leksikaalisen merkityksen myötä (**Преступник был арестован вчера вечером - Rikollinen vangittiin eilen illalla**), tai kuulijan ekstralingvistisen tiedon perusteella (**Роман "Война и мир" был написан в прошлом веке - Romaani Sota ja Rauha on kirjoitettu viime vuosisadalla**). Tutkimus osoittaa, että niin kontekstin implikaatiot kuin pintarakenteessa eksplisiittisesti ilmaistut keinotkin, joiden kautta passiivilauseen tekijä tai tekijöiden viiteryhmä on identifioitavissa, ovat näissä geneettisesti erilaisissa kielissä hyvin yhteneväiset.

Puhujan motiivit tekijän häivyttämiseksi hänen turvautuessaan passiivin käyttöön ovat moninaiset: ensiksi, puhuja haluaa häivyttää konkreettisen ja aktiivisen tekijän viittaamalla tekijän referenssiin geneerisesti ja epämääräisesti esim. juuri edellä mainitun agenttiivisen lokatiivin kautta. Samalla kun tämä lokatiivi epämääräistää tekijän kätkemällä hänet kollektiivin "helmoihin", hämärtyy myös, kuka kantaa suoran vastuun toiminnasta. Itse toiminta saa persoonattoman, "kasvottoman" vivahteen. Toiseksi, konkreettinen tekijä voi tulla ilmi eksplisiittisesti passiivilauseessa, esim. attribuuttikonstituentin muodossa (**В романе Толстого упоминается.. - Tolstoin romaanissa mainitaan..**), mutta ilmaistuna obliikvisijassa tekijä ja hänen roolinsa teon suorittajana jää taka-alalle, defokusoituu toiminnan, sen kohteen, paikan tms. primaarisen korostumisen kustannuksella. Kolmanneksi, joissakin tapauksissa tekijän suora nimeäminen ei ole välttämätöntä, jos, kuten em. esimerkeissä, predikaattiverbin semantiikka tai kuulijan ekstralingvistinen tieto todellisuudesta ja ao. situaatiosta implikoivat tekijän tai tekijöiden viiteryhmän siinä määrin, kuin se on kyseisessä puhetilanteessa puhujan kannalta tarpeellista tai mahdollista. Neljänneksi, passiivin käytön motiivina voi olla myös redundanssin ja liian toiston välttäminen varsinkin niissä tapauksissa, joissa tekijä on jo eksplisiittisesti mainittu edeltävässä kontekstissa. Näin ollen

passiivin primaarinen funktio, agentin defokusointi, selittyy puhujan pyrkimyksellä dekonkretisoida, deaktivoitua toiminnan todellinen suorittaja, häivyttää hänet taka-alalle, jotta kuulijan huomio kiinnittyisi tekijän asemesta toimintaan, sen kohteeseen tms.

Tekijän defokusointi heijastuu myös passiivin funktioon tekstin osana. Kun yleensä temaattisesti tärkeää tekijää ei ole spesifioitu, tulee lauseen lähtökohdaksi, teemaksi, sen jokin muu osallistujarooli, useimmiten kohde tai paikka, joista tutkimuksessa käytetään termejä 'objekti' ja 'lokatiivi'. Tekstilauseessa päätty tarkoitteeltaan tunnettu, semanttista objektia edustava konstituentti teemaksi molemmissa kielissä yhtä usein ja kummassakin kielessä lokatiivikomponenttia hieman useammin. Suomessa useammin kuin venäjässä tapahtuu kahden, lokatiivia ja objektia ilmaisevan, konstituentin tematisoituminen. Syynä näiden molempien siirtymiseen lauseenalkuiseen tema-asemaan voi olla tekstuaalinen sidonnaisuus, mutta toinen komponentti voi tematisoitua myös emfaasin tai kontrastin vaikutuksesta. Näin passiivilause on osaltaan turvaamassa tekstin informaatorakenteen kommunikatiivista jatkuvuutta ja tekstikohereenssin säilymistä.

Tutkimus osoittaa, että molemmissa kielissä predikaatilla alkavilla passiivilauseilla on samanlainen kommunikatiivinen tehtävä. Lauseissa ei ole tarkoitteeltaan tuttua teemakonstituenttia, joka toimisi sidoselementtinä edeltävään lauseeseen nähden, vaan niiden avulla puhuja esittelyrakenteiden tapaan ilmoittaa jonkun uuden toiminnan alkamisesta tai tapahtuman, tosiasian, joka hänen mielestään ansaitsee kuulijan erikoishuomion. Tämänäyttävät passiivilauseet ovat venäjässä frekvenssiltään huomattavasti yleisempiä kuin suomessa, joka pyrkii välttämään verbialkuisia lauseita siirtämällä kompensatorisesti teemaksi jonkin verbinjälkeisen konstituentin.

Suomen ja venäjän passiivin funktioissa on myös eroja. Venäjässä on agenttipassiivi, jonka käyttö on ominaista lähinnä kirjoitetulle kielelle, eritoten tieteelliselle ja asiatyylille, mutta jo vähemmässä määrin sanomalehtityylille. Puhekielessä agenttipassiivin käyttö on aivan vieras ilmiö. Agentillisen passiivin vähäiseen käyttöön vaikuttaa mm. se, että venäjässä temaattisiin tarkoituksiin, toisin kuin monissa muissa indoeurooppalaisissa kielissä, riittää usein pelkkä sananjärjestyksen muutos, sillä subjektin ja objektin sijanmerkintä on hyvin eriytynyt, kuten suomessa muutamia poikkeuksia lukuunottamatta.

Passiivilauseen agenttilauseke kuuluu useimmiten lauseen reemaosaan, mutta siitä huolimatta se muodostaa harvoin sidoksisen elementin seuraavan lauseen teemaan nähden. Niinpä agentillisenkin passiivilauseen tehtävänä on häivyttää tekijä takalalle ja tehdä ilmaus "kasvottomaksi", persoonattomaksi, jotta muut ko. lauseen ja koko tekstin kommunikatiivisen tehtävän kannalta tärkeät elementit saisivat huomion osakseen. Sama pyrkimys tekijän roolin korostumattomuuteen koskee myös sellaisia agentillisiä passiivilauseita, joissa agenttilauseke sijaitsee lauseen alussa (referenssiltään joko tuttuna tai uutena elementtinä). Niitä tapaa vähäisessä määrin vain tieteellisessä ja asiatyylissä. Vaikka suomen kielessä venäjän agentillinen passiivi kompensoituu vastaavalla aktiivilauseella sanajärjestyksen keinoin niin, että ennestään tuttu asia sijoitetaan lauseen alkuun ja uusi loppuun, jää venäjän agenttipassiivin ilmaisema tekijän "kasvottomuus", korostumattomuus, ilmaisematta.

Suomen passiivilla on venäjän passiiviin verrattuna oma toissijainen funktionsa, josta tutkimuksessa käytetään nimitystä 'interpersoonallinen funktio'. Tällä tarkoitetaan passiivin pragmaattisesti tunnusmerkkistä käyttöä viestintätilanteessa verbin eri persoonamuotojen asemesta, kun puhuja haluaa ilmaista sosiaalisia intentioitaan tai välittää affektiivisiä asenteita itseensä, kuulijaan tai puheenaiheeseen nähden.

Passiivin toissijainen käyttö persoonan häivyttämiseksi yksikön 1. ja yksikön ja monikon 2. persoonan asemesta ei ole kovin yleistä, mutta sen sijaan se on pragmaattisesti hyvin tunnusmerkillistä. Näissä funktioissa passiivimuoto välittää puhujan niin positiivisia kuin negatiivisia sävyjä hänen ja kuulijan välisessä kanssakäymisessä. Varsinkin epämiellyttävissä tai epävarmoissa tilanteissa, joissa puhuja pelkää menettävänsä kasvonsa tai ei tiedä, miten puhutella, hän turvautuu passiiviin välttääkseen suoraa viittausta itseensä tai kuulijaan. Venäjässä vastaavissa funktioissa puhukielessä voidaan käyttää mon. 1. persoonan muotoa. Tämä kuvastaa mielenkiintoisella tavalla kulttuurikontekstien eroa: kun suomalainen pyrkii etäännyttämään itse puhuteltavastaan (esim. kampaamossa voi kuulla: Pestäänkö rouvan hiukset?) tai etäännyttämään puhujan itsestään (kysyessään: Mistä kaukaa sitä tullaan?) käyttämällä persoonatonta, kasvotonta passiivia, niin venäläinen vastaavassa tilanteessa pyrkii hälventämään puhujan ja kuulijan välistä sosiaalista etäisyyttä käyttämällä osaaottavaa me-muotoa, monikon ensimmäistä persoonaa.

Varsin yleistä suomessa on passiivin käyttö monikon 1. persoonan asemesta. Samoin imperatiivissa se on syrjäyttänyt lähes kokonaan kieliopilliseen persoonaan suoraan viittavan muodon. Tällainen passiivin käytön yleistyminen selittyy mahdollisuudella välttää raskaita pääteaineksia, joihin liittyy voimakas persoonan referenssin korostaminen.

Suomen passiivia sen toissijaisessa funktiossa voi venäjässä joissakin tapauksissa vastata ns. indefiniittis-persoonainen rakenne (monikon 3. persoonan muoto), jolla voidaan viitata jopa puhujaan. Tämä käyttö on pragmaattisesti tunnusmerkkistä, eikä se ole kovin yleistä. Sen sijaan hyvin yleistä venäjässä on indefiniittis-persoonaisen rakenteen käyttö passiivin ensisijaisessa funktiossa varsinkin puhkeilelessä, jossa varsinaista passiivia tapaa vähän. Asiatyylissä puolestaan indefiniittis-persoonaisen muodon käyttö varsinaisen passiivin merkityksessä on marginaalista.

Venäjän ja suomen passiivin funktioita voidaan kuvata esim. kahtena toisensa leikkaavana symmetrisenä kuviona, jossa päällekkäin menevä alue käsittää venäjän agentittoman passiivin ja suomen passiivin primaarisen funktion. Leikkausalueen ulkopuolelle jää toisaalta venäjän agenttipassiivi ja toisaalta suomen passiivi käyttö toissijaisessa, interpersoonallisessa funktiossa. Yhteisenä tekijänä kaikille näille passiivin osa-alueille on tekijän häivyttäminen, defokusointi.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец П. (1966) *Порядок слов в современном русском языке*. Praha: Academia Nakladatelstvi.
- Адамец П. (1973) *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка I*. Praha: Statni Pedagogicke Nakladatelstvi.
- Адамец П. (1974) Актуальное членение, глубинные структуры и перифразы. F. Daneš (ed.) *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Akademia and Mouton, pp. 189-195.
- Адамец П. (1978) *Образование предложений из пропозиций в современном русском языке*. Praha: Univerzita Karlova.
- Алисова Т.Б. (1973) "Страдательная" конструкция предложения в русском, французском и итальянском языках. *Русский язык за рубежом* 4, с. 57-62.
- Арутюнова Н.Д. (1976) *Предложение и его смысл*. Москва: Наука.
- Арутюнова Н.Д. & Падучева Е.В. (1985) Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья. *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XVI. Москва: Прогресс, с. 3-42.
- Бидэм К.р. (1988) Видовое значение конструкции "быть + страдательное причастие". *Вопросы языкознания* 6, с. 63-68.
- Белошапкина В.А. (1977) *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва: Высшая школа.

- Богданов В.В. (1978) Залог и семантика предложения. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 37-42.
- Бондарко А.В. (1971) *Вид и время русского глагола* Москва: Просвещение.
- Бондарко А.В. (1976) *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука.
- Бондарко А.В. (1978) Теория значения и трактовка категории залога. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 43-49.
- Бондарко А.В. (1984) *Функциональная грамматика*. Ленинград: Наука.
- Бондарко А.В. (1985) К теории функциональной грамматики. В.Н. Ярцева (отв.ред.) *Проблемы функциональной грамматики*. Москва: Наука, с. 16-29.
- Бондарко А.В. & Буланин Л.Л. (1967) *Русский глагол*. Ленинград: Просвещение.
- Бондарко А.В. (1991a) К определению понятия "залоговость". *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 125-141.
- Бондарко А.В. (1991b) Семантика лица. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 5-40.
- Буланин Л.Л. (1973) Пассив состояния в русском языке. *Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук*. Выпуск 77. Ленинград: ЛУ.
- Буланин Л.Л. (1978) К соотношению пассива и статива в русском языке. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 197-202.
- Буланин Л.Л. (1985) Заметки о функциональном аспекте категории залога в русском языке. *Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания*. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, с. 124-129.
- Булыгина Т.В. & А.Д. Шмелев (1988) Несколько замечаний о словах типа *несколько* (К описанию квантификации в русском языке). *Язык: система и функционирование*. Сборник научных трудов. Москва: Наука, с. 44-45.

- Ванхала-Анишевски М. (1983) *Семантическое описание субъекта и объекта пассивных конструкций в русском языке*. Лицензиатская работа. Ювяскюльский университет.
- Ванхала-Анишевски М. (1984) Локатив в функции субъекта пассивных конструкций в русском языке. *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus I. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, s. 179-195.
- Васильева А.Н. (1976) *Курс лекций по стилистике русского языка*. Москва: Русский язык.
- Володин А.П. (1983) Результатив и перфект в финском языке. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Ленинград: Наука, с. 226-231.
- Гак В.Г. (1974) Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология. *Русский язык за рубежом*. 3, с. 52-58.
- Гак В.Г. (1985) К типологии функциональных подходов к изучению языка. В.Н. Ярцева (отв.ред.) *Проблемы функциональной грамматики*. Москва: Наука, с. 5-15.
- Гак В.Г. (1991) Неопределенность в плане содержания и в плане выражения. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 72-86.
- Дэже Л. (1978) Диатезы в системе грамматической типологии. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с.22-27.
- Зимек Р. (1978) Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 79-87.
- Зифф П. (1970) Несинонимичность активных и пассивных предложений. *Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики* 16, с. 66-71.
- Волотова Г.А. (1982) *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука.
- Исаченко А.В. (1960) *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. ч.2. Братислава.
- Караулов Ю.Н. (1991) *О состоянии русского языка современности*. Доклад на конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". Москва: Институт русского языка АН СССР.

- Катц Дж. & Мартин Э. (1970) Синонимичность активных и пассивных конструкций. *Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики*. 16.
- Князев Ю.П. (1978) Нейтрализация противопоставления по лицу и залог. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 122-128.
- Князев Ю.П. (1981) Заметки о перфекте пассива в русском языке. *Лингвистические исследования 1981. Грамматическая и лексическая семантика*. Москва: Институт языкознания АН СССР, с. 120-123.
- Князев Ю.П. (1982) "Пассив действия" и "пассив состояния" (объектный результатив) в русском и других славянских языках. *Лингвистические исследования 1982. Структура и значение предложения*. Москва: Институт языкознания АН СССР, с. 79-91.
- Князев Ю.П. (1989а) Акциональность и стательность: Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т. *Specimina Philologiae Slavicae* 81. München: Verlag Otto Sagner.
- Князев Ю.П. (1989б) Конструкция с русскими причастиями на -н, -т, в семантической классификации предикатов. *Вопросы языкознания* 6, с. 83-94.
- Князев Ю.П. и Неद्याлков В.П. (1985) Рефлексивные конструкции славянских языков. *Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках*. Калинин: Калининский государственный университет, с. 20-39.
- Ковтунова И.И. (1976) *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва: Просвещение.
- Кожин А.Н. & Крылова О.А. & Одинцов В.В. (1982) *Функциональные типы русской речи*. Москва: Высшая школа.
- Кожина М.Н. (1977) *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение.
- Комарек М. (1988) Система залога в чешском языке. Ю.Н. Караулов (отв.ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, с. 117-123.
- КРГ (1989) = *Краткая русская грамматика*. Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. Москва: Русский язык.
- Крылова О.А. (1979) *Основы функциональной стилистики*. Москва: Русский язык.

- Крылова О.А. & Матвеева Г.Ф. (1990) Отдельное предложение - высказывание и связный текст: коммуникативный аспект. *Филологические науки* 1, с. 60-70.
- Кубик М. (1974) Трансформационная интерпретация неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений. *Sbornik pedagogické fakulty university Karlovy v Prase. Filologické Studie*. с. 81-97.
- ЛЭС (1990) = *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Матезиус В. (1967а) О системном грамматическом анализе. Н.А. Кондрашова (сост.) *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс, с. 226-238.
- Матезиус В. (1967б) О так называемом актуальном членении предложения. Н.А. Кондрашова (сост.) *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс, с. 239-245.
- Мустайоки А. (1988) О предмете и цели лингвистических исследований. Ю.Н. Караулов (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, с. 170-181.
- Мустайоки А. (1990) 'Признаки', 'причины' и 'объяснения', или разные подходы к истолкованию языковых фактов. *Russian Linguistics* 14, pp. 147-170.
- Мякиля К. (1988) Способы выражения однонаправленности и неоднонаправленности движения в русском и финском языках. *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja* 30. Helsinki.
- Недялков В.П. & Яхонтов С.Е. (1983). Типология результативных конструкций. Недялков В.П. (отв. ред.) *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Ленинград: Наука, с. 5-41.
- Перельмуттер И.А. (1987) Семантическое определение залога. *Вопросы языкознания* 6, с. 10-20.
- РГ (1980) = *Русская грамматика* т. I-II. Н.Ю. Шведова (гл. ред.). Москва: Наука.
- Ружичка Р. (1963) О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке. *Вопросы языкознания* 3, с. 22-31.
- Ружичка Р. (1988) Скрытый субъект и пустое подлежащее. Ю.Н. Караулов (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, с. 216-219.

- Сальников Н. (1977) Безличные предложения типа "Крышу сорвало ветром". *Russian Linguistics* 3, pp. 271-292.
- Сиротинина О.Б. (1980) *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва: Высшая школа.
- Томмола Х. (1986) *Аспектуальность в финском и русском языках*. Ежегодник Института культурных связей между Финляндией и СССР, 28. Хельсинки.
- ТФГ (1987) = *Теория функциональной грамматики*. Ленинград: Наука.
- Хавронина С.А. & Крылова О.А. (1989) *Обучение иностранцев порядку слов в русском языке*. Москва: Русский язык.
- Холодович А.А. (1970) Залог: Определение. Исчисление. *Категория залога. Материалы конференции*. АН СССР. Ленинград.
- Храковский В.С. (1970) Конструкции пассивного залога (определение и исчисление). *Категория залога. Материалы конференции*. АН СССР. Ленинград.
- Храковский В.С. (1974) Пассивные конструкции. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. Ленинград, с. 5-45.
- Храковский В.С. (1981) Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций). *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. Ленинград: Наука, с. 5-38.
- Храковский В.С. (1991) Пассивные конструкции. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 141-180.
- Хуотари Т. (1972) *Передача финского пассива при переводе на русский язык*. Дипломная работа. Хельсинский университет.
- Циммерманн И. (1978) Синтаксические функции актантов, залог и переходность. *Проблемы теории грамматического залога*. Ленинград: Наука, с. 71-79.
- Чагина О.В. (1989) Коммуникативные возможности пассивных конструкций (аспект преподавания в иностранной аудитории). *Русский язык за рубежом* 6, с. 32-38.
- Шевякова В.Е. (1985) Некоторые аспекты функционального синтаксиса. В.Н. Ярцева (отв. ред.) *Проблемы функциональной грамматики*. Москва: Наука, с. 93-102.

- Шелякин М.А. (1991а) О семантике неопределенно-личных предложений. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 62-72.
- Шелякин М.А. (1991b) Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука, с. 312-326.
- Юсупов У.К. (1980) *Проблемы сопоставительной лингвистики*. Ташкент: Издательство "Фан" Узбекской ССР.
- Юсупов У.К. (1988) Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина. В.Н. Ярцева (отв. ред.) *Методы сопоставительного изучения языков*. Москва: Наука, с. 6-11.
- Ярцева В.Н. (1981) *Контрастивная грамматика*. АН СССР. Научный совет по теории советского языкознания. Институт языкознания. Москва: Наука.
- Ярцева В.Н. (1986) Сопоставительная лингвистика и проблема вариативности языка. *Филологические науки* 5, с. 3-11.
- Ярцева В.Н. (1988) Предисловие. Ярцева В.Н. (отв. ред.) *Методы сопоставительного изучения языков*. Москва: Наука, с.3-5.
- Andersen P.K. (1989) Gibt es Passivmorphologie? *Linguistische Berichte* 121, S. 185-205.
- Andersen P.K. (1990) Typological approaches to the passive. *Journal of Linguistics*. 26, pp. 189-202.
- Bartsch R. (1985) *Das Passiv und die anderen agensabgewandten Strukturen in der geschriebenen Sprache des Deutschen und Finnischen. Eine konfrontative Analyse*. Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang.
- Bátori I.S. (1977) Aktuaali lauseen jäsentyminen ja suomen sanajärjestys I. *Virittäjä*, s. 392-403.
- Bátori I.S. (1978) Aktuaali lauseen jäsentyminen ja suomen sanajärjestys II. *Virittäjä*, s. 1-22.
- Beedham Ch. (1982) The Passive Aspect in English, German and Russian. *Tübinger Beiträge zur Linguistik* 186. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Bolkenstein A.M. & Risselada R. (1987) The Pragmatic Motivation of Syntactic and Semantic Perspective. J. Verschueren & M. Bertuccelli-Papi

(eds.) *The Pragmatic Perspective: Selected Papers from the 1985 International Pragmatics Conference*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 497-512.

Brown P. & Levinson S. (1988) *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chafe W.L. (1970) *Meaning and the structure of language*. Chicago: The University of Chicago Press.

Comrie B. (1977) In defense of spontaneous demotion: The impersonal passive. Cole P. & Sadock J.M. (eds.) *Syntax and Semantics*, 8. New York: Academic Press, pp. 47-58.

Comrie B. (1981a) Aspect and Voice: Some Reflections on Perfect and Passive. P.J. Tedeschi and A. Zaenen (eds.) *Syntax and Semantics. Vol.14. Tense and Aspect*. New York: Academic Press, pp. 65-78.

Comrie B. (1981b) *Language universals and linguistic typology*. Oxford: Basil Blackwell.

Dahl Ö. (1984) Perfectivity in Slavonic and other languages. C. de Groot and H. Tommola (eds.) *Aspect Bound. A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht-Holland: Foris Publications, pp. 3-22.

Daneš F. (1974) Functional sentence perspective and the organization of the text. F. Daneš (ed.) *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Akademia and Mouton, pp. 106-128.

Di Pietro R.J. (1971) *Language Structures in Contrast*. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers.

Dik S.C. (1978) *Functional Grammar*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.

Dik S.C. (1980) *Studies in Functional Grammar*. London: Academic Press.

Dik S.C. (1983) Basic principles of Functional Grammar. Simon C. Dik (ed.) *Advances in Functional Grammar*. Dordrecht-Holland: Foris Publications, pp. 3-28.

Dik S.C. (1989) *The Theory of Functional Grammar*. Part I: The Structure of the Clause. Dordrecht-Holland: Foris Publications.

Enkvist N.E. (1975) *Tekstlingvistiikan peruskäsitteitä*. Jyväskylä: Gaudeamus.

Eroms H.-W. (1986) Funktionale Satzperspektive. *Germanis-tische Arbeitshefte* 31. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

- Filipović R. (1971) The Yugoslav Serbo-Croatian-English Contrastive Project. G. Nickel (ed.) *Papers in Contrastive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-114.
- Filipović R. (1984) What are the primary data for contrastive analysis? J. Fisiak (ed.) *Trends in Linguistics*. 22. *Contrastive Linguistics. Prospects and Problems*. Amsterdam: Mouton Publishers, pp. 107-117.
- Fillmore Ch. (1966) Toward a modern theory of case. *Research Foundation 13*. Ohio: Ohio State University, pp. 1-24.
- Fillmore Ch. (1968) The Case for Case. E. Bach and R.T. Harms (eds.) *Universals in linguistic theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp. 1-88.
- Fillmore Ch. (1971) Some Problems of Case Grammar. *Working Papers in Linguistics 10*, pp. 245-265.
- Fillmore Ch. (1977) The Case for Case Reopened. P Cole and M. Sadock (eds.) *Grammatical Relations. Syntax and Semantics 8*. New York: Academic Press, pp. 59-81.
- Firbas J. (1974) Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective. F. Daneš (ed.) *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Akademia and Mouton, pp. 11-37.
- Fisiak J. (1973) The Polish-English Contrastive Project. J. Fisiak (ed.) *Papers and Studies in Contrastive Linguistics*. Poznan: Adam Mickiewicz University, pp. 7-11.
- Fisiak J. (1990) On the present status of some metatheoretical and theoretical issues in contrastive linguistics. J. Fisiak (ed.) *Further Insights into Contrastive Analysis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 3-22.
- Foley W.A. & van Valin D. Jr. (1985) Information packaging in the clause. T. Shopen (ed.) *Language typology and syntactic description I*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 282-364.
- Frajzyngier Z. (1982) Indefinite Agent, Passive and Impersonal Passive: A Functional Study. *Lingua 58*, pp. 267-290.
- Girke W. & Weiss D. (1980) Funktionen des Passivs in Textzusammenhang: Das Beispiel des Russischen und Polnischen. *Slavistische Linguistik 1979*. Referate des V. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Zürich 25.-27. Sept. 1979. *Slavistische Beiträge*. Band 138, S. 183-259.
- Givón T. (1979) *On Understanding Grammar*. New York: Academic Press.

- Givón T. (1983) Topic Continuity in Discourse: An Introduction. T.Givón (ed.) *Topic Continuity in Discourse: a Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, pp. 1-41.
- Glad A. (1990) *Eräitä lauseopillisia piirteitä Lievestuoreen koululaisten puheessa*. Pro gradu -työ. Jyväskylän yliopisto, Suomen kielen laitos.
- Grice H.P. (1975) Logic and Conversation. P. Cole & J.L. Morgan (ed.) *Syntax and Semantics 3*. New York: Academic Press, pp. 41-58.
- Hakulinen A. (1972) Mitä subjektin alla? *Virittäjä* 76, s. 241-252.
- Hakulinen A. (1975) Suomen *sitä* pragmatiikan heijastumia syntaksissa. *Sananjalka* 17, s. 25-41.
- Hakulinen A. (1987) Avoiding personal reference in Finnish. J. Verschueren and M. Bertuccelli-Papi (eds.) *The Pragmatic Perspective: Selected Papers from the 1985 International Pragmatics Conference*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 141-153.
- Hakulinen A. & Karlsson F. (1988) *Nyky-suomen lauseoppia*. Jyväskylä: Gummerus.
- Hakulinen A. & Karlsson F. & Vilkuna M. (1980) *Suomen tekstilauseiden piirteitä: kvantitatiivinen tutkimus*. Publications No 6, Helsinki: Department of General Linguistics, University of Helsinki.
- Hakulinen L. (1968) *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Keuruu: Otava.
- Halliday M.A.K. (1976) System and function in language. G. Kress (ed.) *Selected papers*. London: Oxford University Press.
- Halliday M.A.K. (1985) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Holman E. (1975) Teema/reema-rakenne ja suomen kielen sanajärjestys. *Virittäjä* 79, s. 279-288.
- Huddleston R. (1976) *An Introduction to English Transformational Syntax*. London: Longman.
- Häkkinen K. (1987) Kontrastiivisesta tutkimuksesta. M. Koski (toim.) *Kontrastiivista kielentutkimusta I*. Fennistica 8. Turku: Åbo Akademi, s. 5-24.
- Itkonen E. (1966) *Kieli ja sen tutkimus*. Helsinki: WSOY.
- Itkonen E. (1983) The use of a corpus in the study of syntax: historical and methodological considerations. *Publications of the Linguistic Association of Finland* 11, pp. 5-23.

- Ivir V. (1983) A translation based model of contrastive analysis. K. Sajavaara (ed.) *Cross-language analysis and second language Aquisition*. Vol.1. Jyväskylä Cross-Language Studies, 9. Jyväskylä: University of Jyväskylä, pp. 171-178.
- Jackson H. (1976) Contrastive Linguistics - What is it? *Review of Applied Linguistics* 32, pp. 1-32.
- Jaeggly O.A. (1986) Passive. *Linguistic Inquiry* 17:4, pp. 587-622.
- James C. (1980) *Contrastive Analysis*. London: Longman.
- Jespersen O. (1924) *Philosophy of Grammar*. London: George Allen and Kuwin.
- Järventausta M. (1991) *Das Subject im Deutschen und im Finnischen: seine Formen und semantischen Rollen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Kangasmaa-Minn E. (1980) Suomen kielen persoonallisesta passiivista. *Sananjalka* 22. Turku: Suomen kielen seura, s. 57-70.
- Katz J.J. & Fodor J.A. (1963) The Structure of a Semantic Theory. *Language* 39:2, pp. 170-21.
- Karlsson F. (1982) *Suomen peruskielioppi*. Helsinki: SKS.
- Keenan E.L. (1975) Some Universals of Passive in Relational Grammar. *Papers from the Regional Meeting*. Chicago Linguistic Society. April 18-20. Chicago. Illinois, pp. 341-353.
- Keenan E.L. (1985) Passive in the world's languages. T. Shopen (ed.) *Language typology and syntactic description*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 243-281.
- Klaiman M.H. (1988) Affectedness and control: a typology of voice systems. M. Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 25-83.
- Korpela J. (1984) Passiivin käytöstä. *Kielikello* 3, s. 13-15.
- Krzyszowski T. (1971) Equivalence, congruence and deep structure. G. Nickel (ed.) *Papers in Contrastive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, pp.37-48.
- Krzyszowski T. (1974) *Contrastive Generative Grammar: Theoretical Foundations*. Lodz: University of Lodz.
- Krzyszowski T. (1984) Tertium comparationis. J. Fisiak (ed.) *Trends in Linguistics 22. Contrastive Linguistics Prospects and Problems*. Amsterdam: Mouton Publishers, pp. 301-312.

- Krzeszowski T. (1990) Prototypes and equivalence. J. Fisiak (ed.) *Further Insights into Contrastive Analysis* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 29-46.
- Kuno S. (1976) Subject, Theme and the Speaker's Empathy - A Reexamination of Relativization Phenomena. Ch.N.Li (ed.) *Subject and Topic*. New York: Academic Press, pp. 417-444.
- Lakoff G. (1977) Linguistic Gestalts. *Chicago Linguistic Society* 13, pp. 236-287.
- Lampinen A. (1990) Suomen kielen kohteliaisuusstrategiat. *Sananjalka* 32, s. 77-92.
- Lecchi G. (1983) *Principles of Pragmatics*. London and New York: Longman.
- Lehtinen T. (1984) Itämerensuomen passiivin alkuperästä. *Suomi* 129, Helsinki.
- Leinonen M. (1982) Roles and Responsibilities: Passivity in Russian and Finnish. *Scando-Slavica*. 28, pp. 201-208.
- Leinonen M. (1985) Impersonal Sentences in Finnish and Russian: Syntactic and Semantic Properties. *Slavica Helsingiensia* 3. Helsinki.
- Leinonen M. & Östman J.-O. (1983) Passive Patterns in Russian and Swedish. *Papers from the Seventh Scandinavian Conference of Linguistics* I. Hanasaari. Finland, December 17-19, pp. 175-198.
- Leskinen H. (1959) Passiivin käytöstä mon. 3. pers. funktiossa *Verba docent*. *Juhlakirja L. Hakulisen 60-vuotispäiväksi*, s. 327-329.
- Markkanen R. (1979) Tense and Aspect in English and Finnish. A Contrastive Study. *Studia Philologica Jyväskyläensia* 13. Jyväskylä: University of Jyväskylä.
- Mielikäinen A. (1984) Monikon 3. persoonan kongruenssista puhekielessä. *Virittäjä* 2, s. 162-175.
- Mustajoki A. (1992) *Kontrastiivisen funktionaalisen lauseopin teoriaa*. (в печати)
- Muittari V. (1987) *Om modus och modalitet*. En finsk-svensk kontrastiv studie över modalitet i konditionala, konjunktiva och komparativa satser och satsfogningar. *Studia Philologica Jyväskyläensia* 20, Jyväskylä.
- Nickel G. (1971) Contrastive linguistics and foreign language teaching. G. Nickel (ed.) *Papers in Contrastive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-16.

- Nirvi R.E. (1947) Passiivimuotojen aktiivistumisesta. *Suomi*. 104. Helsinki: SKS.
- Nuutinen O. (1981) *Suomea suomeksi*. Helsinki: SKS.
- Pape-Müller S. (1980) *Textfunktionen des Passivs*. Reihe Germanistische Linguistik 29. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Pekkola S. (1977) *Yläsatakuntalaisten ja pohjoiskarjalaisten murteiden sanajärjestyksestä*. Licensiaatintutkielma, Jyväskylän yliopisto.
- Penttilä A. (1963) *Suomen kielioppi*. Porvoo: WSOY.
- Perlmutter D.M. (1980) Relational Grammar. E.A. Moravcsik and J. R. Wirth (eds.) *Syntax and Semantics 13*. New York: Academic Press, pp. 195-229.
- Perlmutter D.M. & Postal P.M. (1977) Toward a Universal Characterization of Passivization. *Proceedings of the third Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, pp 397-417.
- Pleines J. (1976) *Handlung, Kausalität, Intention*. Tübingen.
- Pääkkönen M (1990) Passiivimuotoja monikon 3. persoonan funktiossa. *Laatokan piiri*. Helsinki: Vap-kustannus, s. 131-149.
- Rein K. (1983) *Einführung in die kontrastive Linguistik*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Ruoppila V. (1983) Passiivin, passiiviverbien ja refleksiiviverbien käyttöä. *Virittäjä*, s. 440-442.
- Sajavaara K. (1980) Kontrastiivinen kielentutkimus ja virheanalyysi. K. Sajavaara (ed.) *Soveltava kielitiede*. Helsinki: Gaudeamus, s. 202-221.
- Sajavaara K. (1985) Language processes in contrast: contrastive analysis revised. K.R. Jankowsky (ed.) *Scientific and Humanic Dimensions of Language. Festschrift for Robert Lado*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 253-260.
- Salminen A. (1990) Suomen kielen kohteliaisuuskategorioiden. *Sananjalka* 32, s. 77-92.
- Savijärvi I. (1990) Passiivin ja monikon 3. persoonan suhteesta vepsän kielessä. *Laatokan piiri*. Helsinki: Vap-kustannus, s. 158-174.
- Schiefer E. (1983) Überlegungen zur Tauglichkeit des Passivbegriffs und bisheriger Passivuntersuchungen, mit Berücksichtigung finnisch-ugrischer Sprachen. A. von Gabain und W. Veenker (Hg.) *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. Band 17. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

- Schlachter W. (1985) Hat das Finnische ein Passiv? *Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde*. Helsinki, S. 1-144.
- Schoenthal G. (1976) *Das Passiv in der deutschen Standardsprache*. München.
- Schoenthal G. (1987) Kontextsemantische Analysen zum Passivgebrauch im heutigen Deutsch. Zur Mitteilungsperspektive im Passivsatz. *Das Passiv im Deutschen. Linguistische Arbeiten 183*. Akten des Kolloquiums über das Passiv im Deutschen. Nizza 1986. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Sgall P. (1974) Zur Stellung der Thema-Rhema-Gliederung in der Sprachbeschreibung. F. Daneš (ed.) *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Academia and Mouton, S. 54-74.
- Shibatani M. (1985) Passives and Related Constructions: A Prototype Analysis. *Language*. 61:4, pp. 821-848.
- Shibatani M. (1988) Introduction. M. Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 1-8.
- Shore S. (1986) *Onko suomessa passiivia*. Jyväskylä: SKS.
- Siewierska A. (1984) *The Passive. A Comparative Linguistic Analysis*. London: Crom Helm.
- Siewierska A. (1988) The Passive in Slavic. M. Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 243-289.
- Silvennoinen L. (1980) Laaja-alaiset itämurteisuudet Jyväskylän puhekielessä. *Jyväskylän yliopiston Suomen kielen ja viestinnän laitoksen julkaisuja 20*. Jyväskylä.
- Siro P. (1977) *Sijakielioppi*. Helsinki: Gaudeamus.
- Stein G. (1979) *Studies in the Function of the Passive*. Tübinger Beiträge zur Linguistik 97. Tübingen: Günter Narr Verlag.
- Suojanen M.K. (1985) Mitä Turussa puhutaan? Raportti Turun puhekielen tutkimuksesta. *Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja*. 23. Turku.
- Sundman M. (1987) *Subjektval och diates i svenskan*. Turku:
- Svartvik J. (1966) *On Voice in the English Verb*. Janua linguarum. Series practica 63. The Hague.

- Tarvainen K. (1985) *Kielioppia kontrastiivisesti suomesta saksaksi*. Veröffentlichungen des Germanistischen Instituts der Universität Jyväskylä, 4. Jyväskylä.
- Timberlake A. (1976) Subject properties in the North Russian passive. Ch. N. Li (ed.) *Subject and Topic*. New York: Academic Press, pp. 545-570.
- Tuomikoski R. (1971) Persoona, tekijä ja henkilö. *Virittäjä* 75, s. 146-152.
- Vihonen S. (1966) Passiiviteydestä. *Virittäjä* 70, s. 247-248.
- Vilkuna M. (1989) *Free Word Order In Finnish. Its Syntax and Discourse Functions*. Helsinki: SKS.
- Wiik K. (1973) Suomen passiivin johto. *Turun yliopiston fonetiikan laitoksen julkaisuja*. B:1. Turku.
- Yli-Vakkuri V. (1986) Suomen kieliopillisten muotojen toissijainen käyttö. *Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku* 28. Turku.
- Zabrocki L. (1970) Grundfragen der konfrontativen Grammatik. *Probleme der kontrastiven Grammatik*. Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache in Mannheim. Düsseldorf, S. 29-40.
- Östman J.-O. (1981) The Finnish 'Passive' and Relational Grammar. *Papers from the Seventeenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: The University of Chicago, pp. 286-294.

ИСТОЧНИКИ

Источники, которые были использованы в составлении подкорпусов для статистических подсчетов, обозначены следующим образом: I = научный стиль, II = официально-деловой стиль, III = газетно-публицистический стиль, IV = художественный стиль, V = разговорно-бытовой стиль.

^{IV}Астафьев В. (1977) *Повести*. Москва: Советская Россия.
- Перевал, с. 9-84.

Бахтин 1975 = Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература.

^{IV}Булгаков М. (1967) *Мастер и Маргарита*. Париж: YMCA-PRESS. с. 11-33.

^{III}Ввш 5/90 = *Вестник высшей школы*

^IВЯ 5/67 = *Вопросы языкознания*

Головин 1977 = Б.Н. Головин, *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, с. 3-9.

Известия 20.12.90, 23.12.90, 25.12.90, ^{II}28.12.90, ^{III}30.12.90, ^I2.5.91, 20.5.91, 21.5.91, 7.7.91, 9.7.91, 10.7.91, 25.7.91, 17.9.91, ^{II}23.9.91, ^{II}4.10.91.

Ильичев Л.Ф. 1977 *Философия и научный прогресс*. Москва: Наука, с. 5-10.

Касевич 1977 = В.В. Касевич, *Элементы общей лингвистики*. Москва: Наука, с.3-9.

^IКулешов 1989 = Кулешов В.И., *История русской литературы*. Москва: Русский язык, с. 15-70, 590-637.

^{III}ЛГ 15/89 = *Литературная газета*

Здоровье 8/89, 11/89

Зощенко 1977 = М. Зощенко, *Рассказы, сентиментальные повести, комедии*. Москва: Советская Россия.

- Аристократка, с. 5-7.
- Беда, 8-11.
- Богатая жизнь, 11-13.
- Брак по расчету, 14-16.
- стакан, 16-18.
- Жених, 19-21.
- Счастье, 22-24.
- Пациентка, 24-27.
- Баня, 27-29.
- Нервные люди, 29-31.
- Актер, 31- 33.
- Кризис, 34-36.
- Четыре дня, 36-38.
- Паутина, 38-41.
- Воры, 43-45.
- Рабочий костюм, 45-46

НиЖ 5/90.^I8/89, 10/89, ^I11/89 = *Наука и жизнь*

МН ^{III}24/89, 40/89, ^{III}42/89, 51/89, 52/89 = *Московские новости*

Огонек 18/89

Путешествие 6/89

Маканин 1988 = В. Маканин, *Повести*. Москва: Книжная палата.

- Предтеча, с. 6-128.
- Утрата, с. 129-176.

Макаренко 1953 = А.С. Макаренко, *Книга для родителей*. Саратовское книжное издательство.

^IМаслов 1975 = Ю.С. Маслов, *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, с. 3-11.

Работница 9/89, 10/89

Распутин 1984 = В. Распутин, *Избранные произведения*, т.1,

- Москва: Молодая гвардия.
 - Литературная судьба Валентина Распутина. (сост. А. Овчаренко), с. 5-28.
 - Деньги для Марии, с. 29-126.

^{IV}Рыбаков А. (1982) *Тяжелый песок*. Москва: Советский писатель.

^VРРР 1978 = Г.А. Баринова, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, Е.Н. Ширяев (сост.) *Русская разговорная речь: Тексты*. Москва: Наука.

РЯЗР 5/89 = *Русский язык за рубежом*.

РЯВМ 1991 = А.Н. Щукин, *Русский язык в монологах*. Москва: Русский язык.

СФ 7/89 = *Советский фильм*.

^{IV}Трифонов Ю. (1983) *Дом на набережной*. Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers.

Чехов 1970 = А.П. Чехов, *Рассказы*. Москва: Художественная школа.
 - Попрыгунья, 276-300.
 - Человек в футляре, 406-418.

Шукшин 1975 = В. Шукшин, *Брат мой*. Рассказы, повести. Москва: Современник.
 - Мой зять украл машину дров! с. 15-27.
 - Дядя Ермолай, с. 84-88.
 - Бессовестные, с. 89-99.

ЭиЖ ^{II}5/90, 38/91 = *Экономика и жизнь*.

^{III}Akava 3/89

Ala-saukko-oja 1976 = P. Alasaukko-oja, *Yhteiskuntatalous*. 1. Helsinki: Kirjayhtymä, s. 9-20.

^{II}ETLA 1991 = Suhdanne, *ETLA*, 3.

^{II}Euroopan neuvosto 1990 = *Euroopan neuvosto*. Perustietoja. Helsinki: Ulkoasiainministeriö.

HS 3/89, 5/89, 8/89, 11/89, 22/89 = *Helsingin Sanomat* (ежемесячник)

HS 21.1.90 = *Helsingin Sanomat* (ежедневник)

IS 23.3.90 = *Ilta-Sanomat*

^{IV}Joenpelto E. (1984). *Rikas ja kunniallinen*. Juva: WSOY, s. 5-41.

^{II}JY 3.9.91 = *Jyväskylän yliopiston tiedotuslehti*.

^VJYV = *Nykysuomalaisen puhekielen murros*. Jyväskylän osatutkimus. Jyväskylän yliopiston suomen kielen ja viestinnän laitoksen julkaisuja. 20.

Kauranen 1987 = A. Kauranen, *Pimeää vain meidän silmillemme*. Juva: WSOY.

^IKonsala S. (1969) *Kotimainen kirjallisuus. Tiedon portaat. 7*. Porvoo: WSOY, s. 191-256.

Kotivinkki 4/90

^{III}KSML 16.2.90 = *Keskisuomalainen*

^{IV}Linna 1959 = V. Linna, *Täällä Pohjantähden alla I*, Porvoo: WSOY.

Linna 1973 = V. Linna, *Tuntematon sotilas*. Porvoo: WSOY.

M&K 9/89 = *Muoti ja kauneus*

Oksanen 1976 = A.Oksanen, *Kirsikkavarkaat*. Helsinki. Kirjayhtymä.
- *Kirsikkavarkaat*, s. 109-160.

^{III}Op 6/89 = *Opettaja*

^{II}Perheoikeus 1986 = Gottberg-Talve E. *Perheoikeuden perusteet*. Vammala: Suomen Lakimiesliiton Kustannus Oy.

^{II}Sairausvakuutuslaki 1986 = *Sairausvakuutuslaki*. Valtion painatuskeskuksen pieni lakisarja N:o 73.

^{IV}Skiftesvik 1989 = J. Skiftesvik, *Vallaton Skiftesvik. Viisitoista tarinaa*. Juva: WSOY.

- *Filmimiehet*, s.7-2

- *Piippolaan*, s. 27-46.

- *Valtuuskunta*, s.47-70.

- *Surkea onnettomuus*, s.71-89.

- *Nainen joka halusi nähdä albatrossin*, s. 91-118.

- *Sahantarkastaja*, s. 119-136.

^IT 2/89, 8/89 = *Tiede 2000*

^{IV}Tuuri 1983 = A. Tuuri, *Novellit*. Keuruu: Otava.

- *Lauantaina illalla*, s. 9-19.

- *Viikolla joulun jälkeen*, s. 20-32.

- *Urakka*, s. 33-40.

- *Kesällä*, s. 97-116.

¹¹Työraportti 1/87 = A. Haataja & M. Malin, *Naiset ja miehet kunnanhallituksissa ja niiden asettamissa luottamuselimissä vuonna 1987*. Sarja C: Työraportteja 1. Sosiaali- ja terveysministeriö. Tasa-arvojulkaistuja.

¹¹Ulkomaalaislaki 1991 = T. Kuosma, *Uusi ulkomaalaislaki*. Helsinki: Lakimiesliiton Kustannus.

¹¹Virkamiesoikeus 1987 = T. Modeen, *Virkamiesoikeus pääpiir teittäin*. Juva: WSOY.

Waltari 1981 = M. Waltari, *Suuri illusioini*. Juva: WSOY.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АД	= агентивное дополнение
АК	= активная конструкция
АЧ	= актуальное членение
КЛ	= контрастивная лингвистика
Лок _{ар}	= локатив с агентивным значением
НПА	= непрототипический агенс
ПА	= прототипический агенс
ПК	= пассивная конструкция
РГ	= реляционная грамматика
ТГ	= трансформационная генеративная грамматика
ФГ	= функциональная грамматика
ФПП	= функциональная перспектива предложения

Формы глагола

АгПрич	= агентивное причастие
Импер	= императив
Пас	= пассивная форма глагола
Перф	= перфект
През	= презенс, настоящее время
Прет	= претерит, простое прошедшее время
Прич	= причастие

Падежные формы

Ном	= номинатив, именительный падеж
Ген	= генитив, родительный падеж
Парт	= партитив, частичный падеж
Акк	= аккузатив (либо генитив либо номинатив)
Эсс	= эссив, падеж состояния или качества субъекта
Инесс	= инессив, внутреннеместный падеж нахождения
Элат	= элатив, внутреннеместный падеж удаления
Иллат	= иллатив, внутреннеместный падеж вхождения
Адесс	= адессив, внешнеместный падеж нахождения
Абл	= аблатив, внешнеместный падеж удаления
Аллат	= аллатив, внешнеместный падеж приближения
Абесс	= абессив, лишительный падеж